

Научный журнал Основан в 2007 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство ПИ № ФС 77-61024 от 5 марта 2015 г.)

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия серии:

д.ф.н., проф. Б.Л. Губман (*главный редактор*),
член-корр. РАН, д.ф.н., проф. И.Т. Касавин, д.ф.н., проф. П.С. Гуревич,
Ph.D., Prof. of Curry College, Boston Лесли Мюррей (США)
Ph.D., Prof. of Eastern Washington University, Spokane И.А. Клюканов (США),
д.ф.н., проф. В.А. Михайлов, д.ф.н., проф. В.Э. Войцехович,
член-корр. РАО, д.п.н., к.ф.н., проф. М.А. Лукацкий, д.ф.н., с.н.с. Э.М. Спирова,
к.ф.н., доц. С.В. Рассадин (*отв. секретарь*), к.ф.н., доц. С.П. Бельчевичен

Адрес редакции:

Россия, 170001, г. Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 204
Тел.: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (глав. ред.), (4822) 76-52-22 (отв. секр.)

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный университет, 2018

VESTNIK TVGU

Seriya: *Philosophiya*

No. 1, 2018

Scientific Journal *Founded in 2007*

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications
PI № ФЦ 77-61024 from March 5, 2015.

Translated Title

HERALD OF TVER STATE UNIVERSITY. SERIES: PHILOSOPHY

Founder

FEDERAL STATE BUDGET EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «TVER STATE UNIVERSITY»

Editorial Board of the Series:

Dr. of Sciences, Prof. B.L. Gubman (*editor-in-chief*),
Corresponding Member of RAS, Dr. of Sciences, Prof. I.T. Kasavin,
Dr. of Sciences, Prof. P.S. Gurevich,
Ph.D., Prof. of Curry College, Boston Lesley Muray (USA),
Ph.D., Prof. of Eastern Washington University, Spokane Igor A. Klyukanov (USA),
Dr. of Sciences, Prof. V.A. Michailov, Dr. of Sciences, Prof. V.E. Voicechovich,
Corresponding Member of RAE Dr. of Sciences, Prof. M.A. Lukatsky,
Dr. of Sciences E.M. Spirova, Candidate of Sciences, Assoc. Prof. S.V. Rassadin (*executive secretary*), Candidate of Sciences, Assoc. Prof. S.P. Belchevichen

Editorial Office:

Russia, 170001, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31, office 204
Phone: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (*editor-in-chief*), (4822) 76-52-22 (*executive secretary*)

*All rights reserved. No part of this publication may be
reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2018

Содержание

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА -----	7 -
Ильин В.В., Вишневская С.Н., Поддубная Е.В., Тимофеев А.В. Гносеологическая природа эйдетической репрезентации (статья 2)-----	7 -
Бакурадзе А.Б. Функции и иерархия ценностей управления социальной организации -----	17 -
Сидоренко Л.Ю. Актуализация культурно-исторической памяти: тенденции и формы -----	27 -
Гухман В.Б. Вспоминая о культуре-----	34 -
Мартенс О.К. Анализ понятия «лидерство» как социального феномена---	48 -
Мингулов Х.И. Метафорическая редукция в познании: сущность и формы -----	57 -
Некрасова А.Ю. Технологии виртуальной реальности и их применение--	62 -
Горбунов А.С. Формирование модели защищенного взаимодействия личности с медиасредой-----	68 -
Евстифеева Е.А., Удалова Л.В. Социально-философский дискурс терроризма-----	75 -
Лонский Я.А. Образование как система противодействия религиозному экстремизму-----	84 -
Верпатова О.Ю. Особенности политической миграции в современном мире -----	90 -
Песоцкий В.А., Петров А.В. Антитеррористическая безопасность как элемент национальной безопасности -----	97 -
Петров А.В. Антитеррористическая безопасность: сущность и содержание. -----	113 -
Шестаков А.А., Адонина А.В. Архитектурно-градостроительная утопия как проективный идеал -----	123 -
Федоров В.В., Федоров М.В., Левиков А.В. Онтология артефакта «жилой дом» -----	132 -
Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиотическая мимикрия и функционирование религиозных знаковых систем: постановка проблемы-	139 -
Крючкова С.Е. «Убеждение» и спор в Древнем Китае-----	148 -
Комаров А.П. Эволюция традиционных ценностей казачества в Российской империи и СССР -----	158 -
ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ -----	167 -
Ковалева Е.О., Михайлова Е.Е. Проблема восприятия традиций и конфликта поколений в западноевропейской философии и ее рецепция в русской философии -----	167 -

Бельчевичен С.П., Рыбачук В.Б. Общественный идеал в философии истории В. Соловьёва и Д. Мережковского----- - 179 -

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР ----- - 191 -

Гранин Ю.Д. Темпоральность коммунистического проекта Маркса- 191 -

Фролова И.А. Время и история в эсхатологической перспективе--- - 205 -

Потамская В.П. Риторика и тропология в философии Х. Уайта ---- - 219 -

Минаев С.В. Норберт Винер: у истоков компьютерной этики----- - 227 -

РЕЦЕНЗИИ -----232

Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Философия и архитектоника понимания - 233 -

Правила представления рукописей авторами в журнал «Вестник ТвГУ. Серия Философия» ----- - 240 -

Contents

MAN, SCIENCE, CULTURE -----	-7 -
Ilyin V.V., Vishnevskaya S.N., Poddubnaya E.V., Timofeev A.V. The epistemological nature of eidetic representation (part 2)-----	7 -
Bakuradze A.B. Functions and hierarchy of values of the social organization management -----	17 -
Sidorenko L.Yu. Actualization of cultural and historical heritage: tendencies and forms -----	27 -
Gukhman V.B. Remembering about Culture -----	34 -
Martens O.K. The analysis of the «leadership» concept as a social phenomenon - -----	48 -
Mingulov H.I. Metaphoric reduction in knowledge: essence and forms--	57 -
Nekrasova A.Yu. Virtual reality technology and their application -----	62 -
Gorbunov A.S. On the formation of an individual's secure interactions with the media environment model -----	68 -
Evstifeeva E.A., Udalova L.V. Social philosophy discourse analysis of terrorism -----	75 -
Lonskiy Ya.A. Education as a system of counteraction to religious extremism -----	84 -
Verpatova O.Yu. Features of political migration in contemporary world -----	90 -
Pesotsky V.A., Petrov A.V. Anti-terrorist security as an element of national security -----	97 -
Petrov A.V. Anti-terrorism security: essence and content -----	113 -
Shestakov A.A., Adonina A.V. Architectural and urban utopia as a projective ideal -----	123 -
Fedorov V.V., Fedorov M.V., Levikov A.V. Ontology of the artifact «Residential house»-----	132 -
Lebedev V.Y., Prilutskij A.M. Semiotic mimicry and functioning of a religious significant systems: formulaton of the problem -----	139 -
Kryuchkova S.E. «Persuasion» and debate in Ancient China -----	148 -
Komarov A.P. Evolution of the traditional values of cossacks in the Russian Empire and the USSR -----	158 -
 PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY -----Ошибка! Закладка не определена.	
Kovaleva E.O., Mikhailova E.E. The problem of perception of traditions and conflict of generations in western european philosophy and its reception in russian philosophy -----	167 -
Belchevichen S.P., Rybachuk V.B. Social ideal in V. Solovyov's and D. Merezhkovsky's philosophy of history -----	179 -

WESTERN PHILOSOPHY AND CONTEMPORARY WORLD	--- - 191 -
Granin Yu.D. Temporal evolution of Marx communist project	----- 191 -
Frolova I.A. Time and history in eschatological perspective	----- 205 -
Potamskaya V.P. Rhetoric and tropology in H. White's philosophy	----- 219 -
Minaev S.V. Norbert Wiener: at the origins of computer ethics	----- 227 -
REVIEW	----- 232 -
Gubman B.L., Anufrieva C.V. Philosophy and architecture of understanding	----- 232 -

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЭЙДЕТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (статья 2)

В.В. Ильин*, С.Н. Вишневская*, Е.В. Поддубная*, А.В. Тимофеев**

* Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга

** ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

Статья продолжает обсуждение классической гносеологической темы апперцепирующих матриц мысли, к каким относятся кластеры базовых метафор, семантических формантов, эвристических шаблонов, системных ментальных сверток, легислативных постулатов, реализующих предметно-содержательное, модельно-модальное стяжение в духе обнажения мирового значения – его смысла и бессмыслицы.

Ключевые слова: *концептуальная систематика, голономия мыследеятельности, категориальная идентификация.*

Смысловая экспозиция сущности. В стиле *ex tempore* речь идет не о композиционном, а экспозиционном структурообразовании, завязанном на мысль не от «чувственного впечатления», а от системы.

В визуальной репрезентации образ содержания поставляет формальный механизм – форма, – реставрируемый по композиционной формуле (получающий удостоверение в созерцании) порядок предметной связи.

В эйдетической репрезентации образ содержания поставляет генеративный механизм – воображение, – выводимый из понятия по экспозиционной формуле порядок смысловой связи, никакого созерцательного удостоверения не имеющий.

Перед нами гносеологически тонкий казус абстрактной версификации, возникающей вследствие включения продуктивной способности сознания – фантазии. Сомневаясь в содержательной основательности последней, Кант дисквалифицировал ее в качестве добропорядочной исследовательской способности. Кантовы сомнения отчасти бесспорны – на фоне опыта гегельянства–шелленгианства, выродившего (фантастический) метод генерации знания из понятий в логомахию. Отчасти – оспариваемы – на фоне опыта интенсивной творческой теоретизации, дающей плодотворные результаты. Апеллируем лишь к абелевым, гиперэллиптическим интегралам, конечному полю Галуа, выявленной независимости континуум-гипотезы, легализованной истолковательной дихотомии «механизм – организм», конституирующей природоведческую сценографию в терминах «внешняя причинность – внутренняя целесообразность» и проч.

В наиболее резкой, отчетливой постановке наша проблема суть проблема пути порождающего процесса в познающем субъекте и способов контроля его созерцанием. В проблеме обособливаются два пласта.

Один – опоры, скрепы продуктивности. В свете уже высказанного положительная тематизация данного пласта вполне рельефна: базис продуктивных тенденций мыслительности – свободное комбинирование символических форм вне замыкания на «бытие», «реальность», «действительное существование»; глубоко мыслительным внутренним движением в посессиве – перебором возможностей на ассоциативной технике продуцируются понятия потенциально предметного в потенциальном мире.

Другой – роль созерцания в продуктивном процессе. Согласно заявленной нами линии, созерцание – не спутник, не агент производительно-плодотворной мыследеятельности. В бесплотном (не бесплодном!) царстве воображения, где человек уподобляется творцу, силой фантазии обретает могущество непомерное, какая-то проекция эйдетического на эстематическое не предусматривается. Последнее дополняет дихотомию «эстема–ноэма» дихотомией «мимезис–поэзис».

Мимезис как подражательная (по Аристотелю) духовная способность востребует подкрепляющей его созерцательности, в свою очередь питающейся организующей созерцание композиционной формулой. Эстезис завязан на мимезис в любом отсеке перцептивности. По методу индукции ранее опробованный оправдывающий довод в материале живописи пополним однопорядковым доводом в материале музыки. И здесь, и там завершающей инстанцией технологии усмотрения образосущности выступает наглядность, осязательность. В изобразительном творчестве таковое «усмотрение» детерминировано обслуживающими композиционную формулу метками-индексами. В музыкальном творчестве «усмотрение» проводится по сходному типу с тем лишь различием, что в роли инспирирующих меток-индексов пребывают не предметные, а звуко-рядные системы – со своим порядком обзора целого. Конкретно: реперной решеткой координат, на которую накладывается мелодия, являются гаммы, ритм и соответственно группировка ладов, задающая правила тяготений неустойчивых звуков к устойчивым; тоник, задающая правила значений элементов лада от звуковысотных отношений.

Иное дело – поэзис, – не подражательная, воспроизводительная, а созидательная, производительная способность, исходно не могущая иметь созерцаниеориентирующих инструкций. Ноэзис завязан на поэзис в творчески продуктивном отсеке когнитивности.

Композиционная формула в эстеме оптимизирует визуальную реконструкцию «существа дела» через приведение в единство многообразия воспринимаемого. Постичь в эстеме означает достичь «единства разнообразия»; достичь по реконструкции величины, порядка, пропорции, благозвучия и т.д. находящихся во взаимодействии деталей; постичь в эстеме означает подвести части под законосообразие целого, консолидировать отдельное в единое – правильное налаженное состояние, упорядоченное, последовательно приданное направление хода.

Высший принцип сочетания воедино в эстеме – композиционная формула, определяющая правило восприятия. Для живописи – канон изображения: распределение фигур, цветов, светотени и т.д. – визуальные (зримые) домини-

нанты и субдоминанты. Для музыки – канон звучания: распределение мелодических фраз, аккордов, мажорных и минорных трезвучий, высоты тонов, чередование тактов с ударением и без ударения, тем, ритмических движений и т.д. – визуальные (слышимые) доминанты и субдоминанты. Гармоничность целого в эстеме – композиционная организация, подводящая к формированию на основе принципа перцептивного распределения уяснения созерцаемой идеи.

Высший принцип сочетания воедино в нозме – экспозиционная формула, определяющая правило кристаллизации смысла. Гармоничность целого в нозме – экспозиционная организация, подводящая к формированию на основе принципа системы уяснения несозерцаемой идеи.

Сказанного достаточно для требуемых самых решительных выводов.

Классическая гносеология не проводила различия созерцательных – несозерцательных идей. Вследствие этого Кант выродил «идею» в трансцендентную ноуменалию; Гегель выродил ее в онтологически спекулятивную трансценденталию. Положительная предорганизуемая роль композиционной формулы в эстеме семантизировалась под фирмой «схемы», вводящей правило синтеза воображения в отношении предметных данностей и осуществляющей подгонку понятия под созерцание. Скажем: концепт «количество» опосредуется схемой «число», приписывающей абстрактному категориальному отношению осязаемую предметную определенность. Глубокий резон опосредствующей процедуры – конституирование материального статуса понятия, установление его значения, очерчивание денотата.

Тормозя движение мысли на акцентуации последнего, с предельной ясностью зафиксируем: установить предметное значение понятия (провести денотацию) означает перевести его в чувственно созерцаемую форму [5, с. 159, 160, 240] (что, кстати, и означает «понять», – неспособность прибегать к схемам в подведении понятий под перцепции есть признак отсутствия понимания).

Однако, как показывает опыт познания, разработка понятий не синхронизирована с выработкой обеспечивающих их денотацию схем, – и опусы неевклидовых геометрий, классической электродинамики, КГ, «темной материи» и т.п. – прекрасное тому свидетельство. Наивный реализм классической гносеологии (в том числе кантианства) состоит в допускаемой сцепке понятия с его предметной (и обязательно созерцаемой!) основой, в итоге влекущей неадекватную трактовку природы «идеи».

Идея либо созерцаема (как физикализируемый предмет евклидовой геометрии), и тогда она содержательна, научна; либо несозерцаема (как нефизикализируемые предметы рациональной психологии, космологии, теологии), и тогда она бессодержательна, ненаучна.

Между тем, по установленному, имеется два типа идей:

– эстематично-миметичные, конституированные уяснением порядка перцептивности по композиционной формуле; они созерцаемы (с облигатной поправкой: как демонстрировалось ранее, не все содержания восприятия равнообразно созерцаемы; правильно говорить о не всегда воплотимой тенденции к достижению этого);

– нозматично-поэтичные, конституированные уяснением порядка когнитивности по экспозиционной формуле; они не созерцаемы.

Поскольку профессиональная озабоченность гносеологии не может неправомерно ограничиваться вниманием к одному виду идей (на фоне дискре-

дитации статуса другого их вида), обозначается перспектива наращивания теоретико-познавательного потенциала специализированным продумыванием природы несозерцаемых идей.

Последующие рассуждения фундируются весьма эвристичными соображениями

– Гегеля, отмечавшего характерную особенность пользования категориями в созерцаемом локале – домене нефундаментальной теории, – где опыт не выходит за пределы наглядности и где понятийные универсалии «понижаются в ранге, лишаются чести рассматриваться особо... обрекаются на то, чтобы служить в деле духовной выработки живого содержания», в создании и сообщении друг другу относящихся к нему представлений [2, с. 10];

– Шопенгауэра, подчеркивающего несовпадение понятия с реальным объектом и одновременно утрировавшего своеобразное «заступание» понятия на «место сущности вещей» [9, с. 60–61];

– Гуссерля, противопоставлявшего эмпирическое и эйдетическое созерцание («живое–неживое» запечатление самоценности первоисточника), визуальное и логическое представление смысла.

Общее руководящее кредо, вытекающее из данных соображений, – убеждение действенности смыслового «усмотрения», «схватывания» сущностного в постигающем (идеационном) взгляде, описываемом в терминах эйдетического созерцания, нацеленного на освоение не вещей (фактов), а смысловонесущих идей (концептуальных образов) (навязчивая аналогия: платоновские эйдосы).

Несомненная корреспондируемость высказываемого высказанному ранее Гуссерлем [4, с. 33] нюансируется (от отличия до принципиального расхождения) трактовкой приводных ремней «постигающего взгляда». Идущий вслед за Бергсоном Гуссерль буквально воспроизводит интуитивистскую платформу своего предшественника, напирая на «интуитивное» установление «основы вещей». Мы же отстаиваем позицию концептуально-логического удостоверения сущностного. Идеологически, следовательно, нас различает пропасть: фронтальная несхожесть понимания возведения сущего в мысль посредством чувственно-переживательного или рационально-уразумительного момента. По-нашему, твердо упорядоченный мыслительный образ оформляется не интуитивным, а концептуальным узрением.

Еще раз: концептуальное идеационное узрение – эйдетическое созерцание, в отличие от созерцания эмпирического лишено черт живости, непосредственности, чувственной конкретности. Оно – абстрактно, опосредствованно, не визуализируемо; гносеологически представляет системный сверток сущностного, получаемый по механизму не композиции (принцип усмотрения), а экспозиции (принцип идеи).

Отметим: есть визуализируемое, устанавливаемое по композиционной формуле «сходство» выполнения полотен «Тайная вечеря», и есть невизуализируемое, устанавливаемое по экспозиционной формуле «сходство» между теориями групп и колец [6, с. 108]. В последнем случае в «сходстве» утрируются не перцептуализируемые метки-индексы, а концептуализируемые параллелизмы, имеющие адекватное содержательное представительство в суперабстрактных образах «симметрия», «подобие», «подобное преобразование», «подобная матрица», «жорданова матрица», «отображение», «замкнутое отображение», «многообразие» и т. п.

(Говоря строго, абстрактные эстетические «шедевры» типа «Черного квадрата» допускают прочтение не по композиционной, а по экспозиционной формуле. В таком случае апеллируют к композициям-инспирациям: Малевич на полном серьезе указывал на гегелевскую «Науку логики» как провокатор (дихотомия «бытия–небытия») его творения).

Эстетическая перспектива раскрывается визуализируемой, тогда как нозематическая перспектива невизуализируемой образной обработкой. Созерцаемая чувственность – несозерцаемая понятийность... Трепет возвращающейся мысли обязывает расставить все точки над «і»; невыполненная мелодия на два голоса, в конце концов, должна быть выполнена. В свете данной задачи радикализуем лишь такие моменты.

1. Чувственность, перцептивность, эмоциональность, как таковая, лишена самоочевидных признаков элементарности; гносеологически представляет сложнейшее образование, наспигованное опосредствованиями, апперцепированиями, гештальтными отягощениями, стереотипизирующими присутствиями, семантизирующими тематизациями, версифицирующими фундированиями. «Чистое» восприятие – гносеологический фантом, теоретико-познавательное недоразумение. С позиций развертывания серьезной, плодотворной доктрины возведения сущего в мысль – ненужное – бесполезное и безосновательное допущение.

Аспект пластичности, относительной прозрачности (всегда имеющего анцестральные предтечи!) «живого» отображения – в эпицентре эволюционной когнитивистики, озабочивающейся осмыслением становления интеллекта от «досознательной» предметно-действенной (операциональной) стадии. Гносеология держит ее (стадию) под пристальным наблюдением, но *de facto* пространно о ней не высказывается. Причина вполне ясна: будучи художочной, творчески она не интересна; не может же гносеолог, в самом деле, строить работу на переборе характеристик в языке оственсивов «вот это». Как утверждалось, твердо упорядоченный осмыслительный образ оформляется не живым, а концептуизирующим зрением.

Процесс разнесения воспринимаемой предметности по категориальным сгущениям отменяет аргумент «чистоты», «живости», «непосредственности» прочувствуемой реальности, наполняет модель «созерцания» несозерцательным подтекстом. В более сложных случаях зарождения эстетических переживаний ни о каком созерцательном начале (даже в этом локале) речи быть не может. Тем более не может быть речи о нем в локале нозмы: не имеющие вещных красок понятийные комплексы не созерцаемы.

2. Отчетливое понимание того, что познавательный опыт в каких-то или с каких-то точек выходит за пределы наглядности, в подключении совокупной истории вершения знания и ее рефлексии в теории не столько увлекает, сколько подводит к отрезвляющему: генерация суждений, не инспирированных непосредственно визуально оправдываемыми суждениями, ущербна в плоскости утраты положительного содержания. Именно вследствие этого и эмпирики, и рационалисты, и интуитивисты с разными вариациями и модуляциями предусматривали итоговую апелляцию к созерцанию как оселку предметной содержательности знания.

Что в итоге? Подобие антиномии: в отношении статуса знания созерцание получает, в отношении генезиса знания не получает положенного ему по праву признания.

3. Относясь к антиномиям как деструктивному моменту познания, интерпретируемому в качестве отрицательного генетива, – получение в каком-то процессе формально неразрешимого противоречия (парадокса) в качестве результата есть достаточное основание дискредитации природы процесса, – классическая гносеология с целью снятия затруднения опробовала трехпутку.

Первый путь: допущение особого категориального созерцания – от Платона до Гуссерля. Умопостигательное созерцание трансценденталий, отмечалось выше, – концептуально мистично; методологически темно; процедурно мутно.

Второй путь: придание (в философии тождества) категориальному потенциалу миротворящей силы – спекулятивная логомахия Гегеля–Шеллинга.

Третий путь: оправдание знания созерцательным эффектом с дисквалификацией «несозерцаемых» – получаемых «из идей» знаний – кантианство.

Неприемлемость первых двух путей не требует подробных комментариев по соображениям общеизвестным.

Неприемлемость третьего пути лишена признаков общеизвестности, но столь же очевидна. Суть в том, что чувственная созерцательность сама по себе не является единым и единственным источником знания. Дабы отсечь спекуляцию, Кант настаивал на обратном, предлагал довольно ущербную картину познания с завязанными на созерцание эмпирическими и категориальными синтезами, допускающими лишь экстенсивное расширение знания (посредством наращивания созерцаемого – предметного массива).

Однако же экстенсивное расширение не исчерпывает возможного прогресса знания; эвристически весьма ценный источник внутренней динамики знания через прибавление понятий по воображительной способности разума остался недооцененным. Аргумент к несостоятельности техники размышлять о вещах несозерцаемых – невизуализируемых – обрел непомерно большую, а главное – бездоказательную силу.

Как мы пытались показать, и внутри допускающей проекцию на созерцание эстемы, если брать художественный (эстематичный) опыт, не все созерцаемо. К слову: нельзя созерцать литературные типы, возбуждающие их создание эстетические картины мира. Тот же Гончаров называл «Обломова» большой сказкой [3, с. 180]. Можно ли «созерцать» сказку? Вопрос риторический.

Далее. Расхожий кантов базовый довод: между двумя точками в одной плоскости проводится одна кратчайшая линия. Казалось бы, визуализируемое эвидентное утверждение при его продумывании утрачивает черты и визуализируемости, и эвидентности.

Озаботимся: что такое линия? Граница куска поверхности; траектория движущейся точки? В рамках элементарной геометрии данные трактовки не получают однозначных формулировок. Кантов подход корреспондирует созерцательно устанавливаемой (вне интуиционистских проблематизаций, влекущих совершенно иную тактику рассуждений) «прямой линии» (для интуиционизма несбыточной), которая – при выстраивании геометрии в опоре на «расстояние между точками пространства» – оказывается кратчайшим расстоянием между ними.

Концептуальными версификациями «прямой линии» выступают ее эйдетические образы:

– на плоскости (с модификациями): $Ax+By+C=0$, где A, B, C – любые константы, причем A, B одновременно не равны «0»;

– в пространстве (с модификациями):

а) под видом пересечения двух плоскостей:

$$\left. \begin{aligned} A_1x+B_1y+C_1z+D_1=0 \\ A_2x+B_2y+C_2z+D_2=0; \end{aligned} \right\}$$

б) под видом векторной формы:

$$(R_1N_1)+D_1=0, (R_1N_2)+D_2=0.$$

Если концепт «линия» исходно не ограничивать визуализируемой в евклидовом пространстве «прямой линией», дело проецируется как на отчетливо созерцаемые, так и отчетливо несозерцаемые контенты. Упомянем параметрические представления линии

– на плоскости уравнением вида $x=\varphi(t)$, $y=\psi(t)$, где $\varphi(t)$, $\psi(t)$ – произвольные функции, непрерывные на конечных или бесконечных интервалах Δ числовой оси t ;

– в трехмерном пространстве: $x=\varphi(t)$, $y=\psi(t)$, $z=\chi(t)$, где: $\varphi(t)$, $\psi(t)$, $\chi(t)$ – произвольные функции, непрерывные на каком-либо интервале;

– в произвольном топологическом пространстве T : $P=\varphi(t)$, где $\varphi(t)$ функция действительного переменного t , непрерывная на каком-либо интервале, отображаемая на точки пространства T .

При переходе от прямой линии – линии первого порядка – к линиям второго (эллипс, гипербола, парабола), третьего (декартов лист, кубическая парабола, офиурида, строфоида, трезубец и т.д.), четвертого (декартов овал, каппа, кардиоида, конхоида Никомеда, улитка Паскаля и т.д.), высших (кривая Ламе, синусоидальная спираль) порядков, трансцендентным (жест, квадратрикса, трактриса, узорная кривая, цепная линия, спирали, циклоиды и т.д.) линиям с какими бы то ни было ясными сближениями «прямызны» с «кратчайшим расстоянием между двумя точками пространства» можно распрощаться.

Тем более с этим можно распрощаться в эпизодах пространств более общего вида, где «прямая» трансформируется в «геодезическую» (в том числе представляющую «кратчайшую линию» на земной поверхности), характер которой описывается в терминах не евклидовой, но внутренней (развитой Гауссом) геометрии. Так, расстояние между двумя точками на поверхности уточняется здесь как «минимум длин кривых, лежащих на поверхности и соединяющих эти точки» [8, с. 123].

Кратчайшим расстоянием между двумя точками на поверхности может быть не прямая, – все зависит не от визуальных, а эйдетических конфигураций, подводящих к квалификации кантовых лобовых сцепок геометрических сценографий с созерцаемым порядком вещей в качестве легковесных, неоправданных; многообразие геометрических образов не может быть предвзято покрыто навязчиво универсализируемой линейчатой геометрией.

4. Понятие задается

– обобщением созерцаний (Другой вопрос – как? Достаточно ли созерцаний «прямых» для вывода канонических уравнений прямой Коши?);

– свободной ассоциативно-тропной, аутопоэзисной вообразительной игрой ума (Кант с присущей ему упорной настойчивостью, если не сказать нарочитостью, вменял силе воображения исключительно объединение разнообразия в созерцании. Напротив – следует идти дальше, не ограничивая дан-

ным видом деятельности универсальную конструктивную духовную способность).

Эстетические и нозматические понятия имеют разный тип реконструктивной репрезентации. Способом идентификации внутреннего принципа созерцаемых сущностей в эстеме является композиционная формула; в нозме и нестандартных эстетических образованиях – экспозиционная формула, по-нашему, оказывающаяся инструментом забракованного Кантом познания не из визуализируемых чувственных, а невизуализированных идейных форм.

В изобразительном опыте радикализируются прозреваемые по композиционной формуле метки-индексы (семантизируемые точки схода, фигуры разных планов и т.д.) пространственной организации, упорядочивающие зрительные восприятия. В музыкальном опыте этой функцией озабочиваются ритмико-мелодические звуковые движения выражаемых чувств, организующие слуховые восприятия.

Без вариантов: перефразируя Маркса, душа в перцептивности чувствует себя подавленной под тяжестью массы *sense data*, а чувство подавленности есть начало благоговения [7, с. 33]; благоговения перед относящейся к объекту действительностью. В идейном опыте – «пустыня неизвестных сфер», никакой чувственностью души не связанная. Разгул стихийных сил концепционного моделирования реалий из относящейся к субъекту возможности высвобождает креативную способность души, предвосхищает грядущие зори, принципом порождения, организации которых может быть только питаемая воображением экспозиционная формула.

5. Экспозиционная формула обслуживает

– онтологически – не наличное, а недовоплощенное, невоплощенное, невоплотимое (сугубо виртуальное) бытие;

– гносеологически – не черпающее силу в материальной плоти созерцательное действительное, а лишенное данной силы в данной плоти развертываемое по предчувствующей, предвосхищающей фантазии модельное возможное.

Стихия экспозиционной формулы – стихия подразумеваемого, не скованного давлением (и благоговением) материи чувственного, стихия идейно породительного, реализующая созидание возможных миров по фактическому и логическому правдоподобию.

Гносеологическим фикс-пунктом выступает то, что предмет здесь не созерцается, он – мыслится.

Драться с тенями Вальхаллы и побеждать их в контексте лишенного созерцательных аксессуаров «чисто» мыслимого предмета позволяет оригинальность ассоциативной экипировки мыследеятельности. За оправданием аргумента лучше всего обратиться к примерам как правовому источнику позиции.

Потребность в задании более свободного (нежели поставляемого созерцанием) понятия на стадии «измышления» предметных связей в расширении фактуального *index veri* по воображению в одинаковой мере характеризует и искусство, и науку.

Искусство (локус нестандартной эстемы с атрофией композиционной формулы): написанная летом 1921 г. поэма Белого «Первое свидание» с потрясающими по предметной оригинальности, провидческими, проистекающими из достойных мотивов воображительного освоения фактического ресурсом пессимизма строками

Мир – рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой (?! – *Авт.*)
На электронные струи
Невоплощенной гекатомбой (! – *Авт.*)...

Наука: неоценимое богатство перемещения в посессив, воображительным усилием расширение фактического: поддержание закона сохранения при выявлении дефицита энергии в исследовании β -распада допущением (1931 г. – Ферми) виновницы недостачи – нейтрино, экспериментально обнаруженной спустя десятилетие.

Аналогичное – для логического просмотра возможностей.

Искусство: конструирование новых форм привычного посредством выхода в модельное необычное: парабола (приложение); эллипс (приложение с недостатком); гипербола (приложение с избытком); пародия – замена одного другим по технологии *als ob* и т.п.

Наука: фигурные – многоугольные, пирамидальные числа; сценографии действительности: механизм (Декарт) – организм (Шеллинг, Гете).

И там, и здесь – в экспозиции повсюду мысль не от «впечатления», а от «системы», не от «мира», а от «идеи», возбуждающих полет фантазии, инициирующих воображение. (Ср. у Анненского: «Фантастическое в народной поэзии... не находится в распоряжении певца, а владеет его воображением» [1, с. 209]).

Механизм экспозиционной формулы – механизм не созерцательной образности, а умопостигательной совершенности, захватывающей приписания значения, включение в смысл, выработку устоя отображения.

В отличие от канона композиционной формулы – канона подражательного мимезиса, – канон экспозиционной формулы – канон смыслового сотворения и его приятия – поэзиса.

Список литературы

1. Анненский И.Ф. Книга отражений. М.: Наука, 1979. 691 с.
2. Гегель Г.В. Ф. Сочинения: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1937. Т. 5. 814 с.
3. Гончаров И.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 8. 576 с.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
5. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
6. Курош А.Г. Лекции по общей алгебре. М.: Наука, 1973. 400 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Гос. изд. полит. лит., 1955. Т. 1. 696 с.
8. Математический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1988. 847 с.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: И.И. Кушнаревъ и Ко, 1900–1901. 552 с.

THE EPISTEMOLOGICAL NATURE OF EIDETIC REPRESENTATION (PART 2)

V.V. Ilyin*, S.N. Vishnevskaya*, E.V. Poddubnaya*, A.V. Timofeev**

*MGTU named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga

** Samara National Reserch University

This article continues the discussion of the classical epistemological topic of apperception thought matrices including clusters of basic metaphors, semantic formants, heuristic patterns, system mental parcels, legislative tenets that implement the substance, model-modal production in the spirit of the world global significance – its meaning and meaninglessness.

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии, Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

ВИШНЕВСКАЯ Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

ПОДДУБНАЯ Екатерина Викторовна – ст. преподаватель кафедры истории и философии Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга. E-mail: poddubnaya@mail.ru

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПМ и ВТ СГАУ ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Самара. E-mail: timofeev av@list.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD, Prof., Head of the Department of History and philosophy of the Bauman Moscow State Technical University (Kaluga Branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

VISHNEVSKAYA Svetlana Nikolaevna – PhD, Assoc. professor of History and philosophy department of the Bauman Moscow State Technical University (Kaluga Branch), Kaluga. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

PODDUBNAYA Ekaterina Victorovna – Senior lecturer of the Department of History and philosophy of the Bauman Moscow State Technical University (Kaluga Branch), Kaluga. E-mail: poddubnaya@mail.ru

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – PhD (Pedagogy), Assoc. Prof. of the Dept. of Applied mathematics and information technology, Samara National Research University. E-mail: timofeev av@list.ru

УДК 124.53

ФУНКЦИИ И ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А.Б. Бакурадзе

ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)», г. Москва

В статье анализируется содержание функций ценностей и определяется их роль применительно к управлению социальной организацией. Автор дает характеристику смыслообразующей, целеобразующей, мотивационно-регулятивной и ресурсной функциям ценностей управления социальной организацией. Перечисленные выше функции определяют иерархию данных ценностей, на высшем (первом) уровне которой находятся смыслообразующие ценности человека и общества, на втором - ценности результативного и эффективного труда, на третьем - процессуальные ценности, на четвертом – ресурсные ценности. Таким образом, автор делает вывод о зависимости иерархической структуры ценностей управления социальной организации от выполняемых этими ценностями функций.

Ключевые слова: *ценность, социальная организация, управление, ценности управления социальной организацией, функции ценностей, функции ценностей управления, иерархия ценностей, ценности-цели, ценности-средства.*

Сущность управления заключается в планировании, организации, мотивации и контроле целенаправленной коллективной деятельности людей, которая возможна при сочетании технологического и человеческого факторов социальной организации. Анализируя подходы к управленческой деятельности, мы выявили, что все они опираются на онтологические, а не аксиологические основания, что не предполагает оценочных отношений. Таким образом, существующие подходы не дают ответ на вопрос о том, что является ценным в процессе и в результате управления. Вместе с тем ответ на него важен в силу значимости оценки качества управления с позиций основных для его субъектов ценностей. Это определяет важность разработки философско-аксиологического подхода к управлению социальными организациями.

В основе данного подхода лежит понятие «ценность», которое стало использоваться применительно к управленческой проблематике еще в Античности. Так, Платон отмечал, что руководитель правильно устроенного государства обязан так распределять ценности, чтобы обеспечивать общественное благополучие, наличие которого является предпосылкой сохранения и укрепления власти правителя. При этом как ценности рассматривались и материальные блага, и нравственные категории [7].

К настоящему времени выделяются три философских подхода к пониманию феномена ценности:

- подход к ценности как объективной реальности, имеющей место в деятельности и формирующейся под влиянием как биологических, так и соци-

альных факторов. Последние включают в себя производственные, в том числе управленческие, факторы;

- подход к ценности как субъективному феномену, базирующемуся на совокупности тех или иных уникальных характеристик субъекта, выступающих в качестве результата развития его сознания;

- подход к пониманию ценности как объективно-субъективного феномена, проявляющегося в отношениях субъекта и объективного бытия.

Несмотря на то что аксиология сформировалась как отрасль философского знания сравнительно поздно – на рубеже XIX – XX вв., примерно в одно время с тем, когда управление стало рассматриваться не только как практическая деятельность, но и как сфера научных исследований, интересен анализ классификаций ценностей, предложенных мыслителями древности, в частности античными. Так, Платон предлагает трехуровневую иерархию ценностей, в которой на первом уровне находятся душевные блага, на втором – телесные, а на третьем – материальные, внешние по отношению к субъекту [7]. Такая классификация ценностей предопределяет направление целей существования и развития социальных организаций – ориентацию на приоритет в достижении нравственных благ в целом для общества, для самой социальной организации и ее членов. При этом учитывается и то обстоятельство, что руководителям и работникам необходимы витальные и имущественные блага. Очевидно, что основой предложенной Платоном иерархии ценностей является человек, который определяется им как высшая ценность. Тогда душевные, телесные и имущественные ценности будут представлять собой первичные ценности, а человек предстанет как абсолютная ценность. Размышляя в контексте идей Платона, Аристотель осмысливает содержание нравственных и экономических ценностей в русле системы «практической философии», которая построена на базе учения о благе [2]. По мысли Аристотеля, блага делятся на три категории:

- имеющие отношение к душе человека, определенные мыслителем в качестве благ в собственном смысле слова;

- имеющие отношение к телу;

- внешние по отношению к человеку блага [1].

Относительно направленности на определенные цели Аристотель выделял среди ценностей «безотносительное благо», «то, что заслуживает похвалы» и «то, что принято» [1, с. 616]. Он считал, что «ценимые» блага (жизнь человека, общество, определенные первопринципы жизни) всегда выше благ хвалимых, т. е. возможностей и вещей. Рассмотрение Аристотелем ценностей, важных как для всего общества, так и для отдельных его субъектов, позволило сформулировать проблему соотношения объективности ценностей и субъективности их оценок, носящую очевидный аксиологический характер.

Анализируя содержание благ, Аристотель определяет их четырехъярусную иерархию [1]. На первом ярусе располагаются средства-блага, т. е. такие блага, которые способствуют появлению других, более важных для субъекта благ. На втором ярусе находятся возможности-блага, к числу которых относятся влияние, богатство, красота. Третий уровень занимают так называемые хвалимые блага, вызывающие положительные результаты деятельности, позитивные эмоции у человека. На высшем ярусе, по мысли Аристотеля, располагаются блага ценимые: собственно человек с его добродете-

лями, делающими субъекта значимым для окружающих; общество как ценная для человека общность людей.

Предложенная Аристотелем иерархия благ создает предпосылки для выделения функций ценностей управления, которые определяют место ценностей в структуре управленческой деятельности и представляют собой устойчивые повторяющиеся связи ценностей с различными элементами процесса управления. При этом следует заметить, что определение системы функций ценностей управления – одна из наиболее важных и сложных задач философско-аксиологического подхода к управлению. Она напрямую связана с выявлением функций собственно управленческой деятельности.

Несмотря на общепризнанность положения о функциональной сущности управленческой деятельности, целостной системы функций управления нет, поскольку ее формирование сопряжено с принципиальными трудностями. Прежде всего, систематизация таких функций затруднена по причине их многообразия. Причем дело усугубляется неопределенностью их набора. К примеру, не определено, являются ли педагогическая и психотерапевтическая функции функциями управленческой деятельности. Кроме того, все функции управления очень тесно взаимосвязаны, взаимопроникая друг в друга, что создает объективные сложности в определении их границ. К тому же в деятельности руководителя объективно есть базовые функции и есть производные от них функции, которые являются следствием их реализации. К примеру, функция организации интегрирует в себе ряд самостоятельных функций, таких, как планирование, руководство, контроль, принятие решений и пр. Наконец, система функций во многом зависит от содержания производственной деятельности социальной организации.

Поставив перед собой задачу выделения функций ценностей управления, мы проанализировали исследования, посвященные функциям ценностей как таковых.

С точки зрения Г. Риккерта, ценности обнаруживаются как смыслы, которые постигаются путем истолкования [8, с. 47]. Поддерживая этот тезис, Т. Парсонс считает осмысленными только те активности, которые соотносятся с ценностями [6]. Тогда смысл жизни, человеческой деятельности обретается при следовании ценностям. Отсюда ведущей функцией ценностей выступает функция смыслополагания. Реализация тех или иных ценностей придает смысл деятельности, в то время как изменение ценностей позволяет обнаружить в ней новые смыслы. Фактически функция смыслополагания задает высшие ценности деятельности субъекта, являющиеся выражением идеалов, реализация которых ориентирована на преобразование будущего.

В значительной части аксиологических теорий ценности связываются с выбором, свободой субъекта. Так, Н. Гартман обнаруживает проявление свободы индивида в свободе избрания им ценностей из тех, которые одобряются обществом [5, с. 104]. Б. Вышеславцев связывает свободу и сознательный выбор индивидом целей своей деятельности, осуществляемый на базе признаваемых им ценностей [4, с. 67]. Таким образом можно говорить о том, что функцией ценностей является обеспечение реализации свободы субъекта, которое проявляется в свободном целеполагании.

Природа ценностей определяет их оценочную функцию, поскольку они всегда задают эталоны оценивания. В связи с этим необходимо соотнесение

понятий ценности и истины. Истина является соответствием мысли своему объекту, тогда как ценность – это соответствие объекта мысли о нем. Когда объект соотносится с мыслями о нем, возникает ценностное отношение, выражаемое в оценках, стандартах, требованиях, правилах, идеалах, аналитических высказываниях [3, с. 46].

Такое ценностное отношение лежит в основе регулятивной функции ценностей, которая задает направленность деятельности субъектов на то, что для них значимо; упорядочивает отношения между субъектами в ходе такой деятельности. Ценности позволяют фиксировать общезначимое для всех субъектов деятельности и в силу этого обязательное для исполнения; следование ценностям приводит к преодолению тех или иных противоречий за счет установления объективно одобряемых всеми отношений.

К регулятивной функции ценностей содержательно близка функция достижения согласия. С одной стороны, она обеспечивает направленность усилий субъектов на согласование их действий с идеалами. С другой стороны, ценности согласовывают настоящее субъекта с его будущим; обеспечивают согласие между потребностями субъекта и возможностями внешней по отношению к нему среды. В идеале данная функция должна приводить на основании нравственного закона И. Канта к согласию всех со всеми.

Через ценности происходит единение субъекта с объектом деятельности. Ценности связывают их, что проявляется в направленности субъекта на определенные объекты, которые являются значимыми для субъекта. Данная функция объединения позволяет упорядочить ценности, подчинив те из них, которые имеют меньшую степень значимости, ценностям большей степени значимости.

Экстраполируя вышеизложенное на процесс социального управления, можно выделить смыслообразующую, целеобразующую, мотивационно-регулятивную и ресурсную функции ценностей управления. Выявленные функции задают типы ценностей управления.

Анализируя содержание работы руководителя, прежде всего как лидера социальной организации, следует отметить, что главным в ней является создание смыслов деятельности для организации в целом, входящих в нее рабочих групп и отдельных работников. Для этого он должен ответить на вопрос: «Зачем существует руководимая мной организация?» Ответ на него носит аксиологический характер и напрямую указывает на смыслообразующую функцию ценностей управления. Ценности несут функцию смыслообразования, определяя смыслы функционирования и развития социальной организации и управленческой деятельности в ней. В качестве таких смыслов в предельном понимании выступают человек и общество, являющиеся абсолютными ценностями управления.

Выполняя функцию смыслообразования, ценности запускают механизм, направляющий социальную организацию на формулирование и достижение ее целей. Ценности задают такому механизму положительную или отрицательную ориентацию в зависимости от того, положительными или отрицательными ценностями руководствуются субъекты управленческой деятельности. Это делает значимой для управления трактовку ценности Б. Бауха, который определил ценность как задачу, решаемую субъектом в ходе преобразования действительности. Тогда ценность будет выступать смысло-дающим

феноменом, а действительность – смысло-приемлющим [10, с. 27]. Тем самым происходит переход от смыслообразующей к целеобразующей функции ценностей управления. Последняя призвана ответить на вопрос: «Чего мы хотим достичь?» При этом необходимо иметь в виду вывод Д. Юма о разделении ценностей на положительные и отрицательные, которое носит ситуационный характер, ибо в одних обстоятельствах ценность является положительной, а в других – отрицательной [9, с. 54]. Так, общество выступает положительной ценностью, определяющей смысл его защиты для военнослужащих и деятельность армейских командиров. Однако оно играет роль отрицательной ценности, когда задает смыслы деятельности, в том числе и управленческой, по подавлению личности.

Ценности определяют цели существования и совершенствования социальной организации. Цель является образом результата, на достижение которого ориентирована работа социальной организации. Анализируя достижение цели с позиций категории «время», возможно выделение долгосрочных (стратегических), среднесрочных (оперативных) и краткосрочных (тактических) целей. В соответствии с субъектом цели классифицируют на цели социальной организации, входящих в нее рабочих групп (команд) и отдельных работников, которые могут в определенной степени противоречить друг другу. Базовыми целями управления в любой социальной организации поэтому становятся ценности эффективности и результативности трудовой деятельности. Вместе с тем цели социальной организации во многом определяются профессиональными ценностями той сферы или группы сфер, к которой относится данная социальная организация. Например, цели медицинского вуза будут детерминированы как профессиональными педагогическими ценностями, так и ценностями медицинских профессий.

Определившись с функциями ценностей-целей управленческой деятельности, необходимо уточнить содержание объекта управления. Анализ исследований в области менеджмента показывает, что в самом общем виде объектами управления выступают процессы и ресурсы. Значимые их характеристики представляют ценность для управленческой деятельности.

Мотивационно-регулятивная функция ценностей управленческой деятельности предусматривает их воздействие на базовые параметры осуществления производственных и управленческих процессов в организации. Управление характеризуется активностью или пассивностью участвующих в нем субъектов; их самостоятельностью или несамостоятельностью в постановке целей своей работы, что является последствием ориентации субъектов управления на признание ценности свободы или ценности зависимости; отношениями доверия–недоверия между работающими в социальной организации, между ней и ее партнерами. Немаловажным является и процесс согласования отдельных действий работников, рабочих групп и организации, что обеспечивает целостность деятельности. Тем самым мотивационно-регулятивная функция ценностей управления задает характеристики механизмов управленческой деятельности.

Ресурсная функция ценностей управления предполагает оценку существующих и потенциальных ресурсов, которыми может располагать социальная организация. К их числу относятся материальные, финансовые, организа-

ционные, человеческие, информационные, временные и технологические ресурсы.

Анализируя подход Аристотеля к ценностям с позиции содержания управления, возможно определить смыслообразующие ценности управленческой деятельности. Такое смыслообразование имеет два уровня. На первом уровне (вышем) определяются глубинные ценности, которые становятся смыслами деятельности социальной организации. К таким смыслам относится человек в самых разнообразных его проявлениях и ролях (руководитель, работник, клиент, хозяин организации, обучающийся и пр.); общество, его отдельные социальные группы и социальные институты, собственно социальная организация. На различных этапах ее существования соотношение между базовыми ценностями-смыслами может быть различным. Вместе с тем именно следование им дает возможность социальной организации существовать достаточно длительное время.

Смыслообразование на втором уровне определяет значимость самого управления. Управленческая деятельность является вторичной по отношению к производственным процессам. В ходе управленческой деятельности не создается собственно продукта, услуги или общественного блага. Она создает основание для успешной трудовой деятельности, являясь одним из важнейших условий эффективности достижения заданных целей. Тем самым сам труд становится ценностью управления, а процесс достижения его эффективности и результативности делается осмысленным.

Предложенная Аристотелем классификация и выделенные нами функции ценностей управления подводят к мысли об иерархии ценностей управленческой деятельности. На самой низшей (первой) ее ступени будут располагаться ресурсные ценности, без которых невозможно существование и развитие социальной организации; на второй ступени будут находиться важные для достижения целей организации процессуальные ценности; на третьей ступени – собственно выполняемая организацией трудовая деятельность, характеризующаяся эффективностью и результативностью; наконец, на высшей ступени – ценности, которые определяют смысл существования социальной организации: человек и общество. Смыслообразующие ценности управления составляют ценности-цели управленческой деятельности, в то время как совокупность ресурсных и процессуальных ценностей – ее ценности-средства. По сравнению с абсолютными ценностями-целями ценности-средства являются относительными, представляя собой предметы материальной и духовной культуры, а также качества общественных отношений, которые имеют для управленческой деятельности позитивное значение и способны ориентировать ее на осмысленное достижение целей.

Ценность общества и составляющих его отдельных социальных общностей как высших ценностей управления определяется социальной сущностью человека и вытекающей из этого диалектики общества и личности. Являясь фундаментальной ценностью, общество, в идеале, не конкурирует с фундаментальностью ценности личности, составляя взаимодополняющее единство. Социоцентризм предполагает признание в качестве ценности государства и социальных организаций. Взаимозависимость гражданина и государства, работника и социальной организации проявляется в феномене лояльности.

Вместе с тем проведенный философский анализ показывает, что одной из важнейших задач управления является побуждение работников направлять свои усилия на достижение целей социальной организации, достигая при этом своих личных целей общественно приемлемыми способами. Это придает управленческой деятельности антропоцентристскую направленность. Однако руководитель, для которого значима ценность человека, попадает в ситуацию дилеммы – прикладывать ему усилия для обеспечения удовлетворенности подчиненных своим трудом и удовлетворения их потребностей, что, с большой долей вероятности, приведет к снижению результативности деятельности социальной организации, или, ориентируясь на достижение высоких результатов ее работы, не проявлять особой заботы об интересах работников. Разрешение этой дилеммы зависит от иерархии высших ценностей управления данного руководителя.

Ориентация социальной организации, ее руководителей на антропоцентризм или социоцентризм проявляется в процессе труда, сущность которого заключается в производстве значимых для человека и общества благ. В труде интегрируются процессуальные ценности, являющиеся характеристиками труда как процесса, и ценности-ресурсы, представляющие собой активы и потенциальные возможности трудовой деятельности.

Ценность труда определяется его эффективностью, понимаемой как соотношение степени достижения целей деятельности с затратами на это, и результативностью, фиксирующей количество и качество благ (товаров, услуг и пр.), производимых социальной организацией. Однако индивидуальные отличия работников обуславливают различия в эффективности и результативности их деятельности, а значит, и различия в ценности каждого конкретного работника для социальной организации. Таким образом, обнаруживается противоречие между ценностью человека как индивида, которая является абсолютной, и его ценностью как работающего в организации, которая определяется его личной результативностью и вкладом в работу коллектива.

Ряд противоречий, которые носят аксиологический характер, затрудняют оценку эффективности труда рабочих групп и общеорганизационной эффективности. К числу таких противоречий относятся противоречия между эффективностью деятельности группы и ценностью выполняемых ею функций для организации; между эффективностью деятельности различных групп, составляющих организацию; между эффективностью организации и ее ценностью для общества и др.

Достижение результатов в труде позволяет получить его субъектам определенную выгоду, которая понимается как приобретение преимуществ, благ, прибыли и другой пользы для указанных выше субъектов и является производной ценностью по отношению к ценности труда. Однако ориентация на получение выгоды приводит к возникновению группы противоречий между теми, кто заинтересован в деятельности организации и пользуется результатами труда. К числу таких противоречий относятся противоречия между личной выгодой и общественной пользой, между ориентациями организаций на получение краткосрочных и долгосрочных выгод.

Руководитель, признающий положительные ценности-цели управления, ориентирован на служение человеку и обществу, которое предполагает осознание руководителем своей особой ответственности за них, бескорыст-

ность и добродетельность поступков. Отсюда разрешать указанные выше противоречия необходимо с точки зрения ориентации на достижение блага для человека и общества, социальной ответственности и открытости. Синтетическая природа управления, его опосредованная связь с результативностью и эффективностью производственных процессов усложняет определение содержания процессуальных ценностей управленческой деятельности, обуславливающих ход развития и функционирования социальной организации.

Активность, как способ ее жизнедеятельности, позволяет сохранять существующие и развивать новые процессы, явления, условия и связи во внутренней и внешней средах социальной организации. Активность интегрирует в себе ряд ценностей, к числу которых относятся развитие, творчество, гибкость, адаптивность, совместный характер деятельности. Признание активности как ценности предполагает поддержку возможности субъекта проявлять инициативу в направлении существенных для социальной организации целей, что выводит ее из состояния стабильности. Стабильность представляет собой ориентацию на сохранение существующего, отсутствие инициативы, связанной с совершенствованием деятельности. Признание ее значимости свидетельствует о пассивности как ценности управления.

В основе процесса управления находится взаимное влияние субъектов производственных отношений, построенное как на базе признания их свободы, так и зависимости от носителей власти. Свобода представляет собой способность субъекта самостоятельно определять цели и способы деятельности, активно действовать и отвечать за ее результаты. Ориентированные на ценность свободы руководители допускают достаточно высокую степень автономности работников и рабочих групп, горизонтальное распределение властных полномочий, использование делегирования как стиля руководства. Ориентация же на зависимость как процессуальную ценность предполагает наличие в социальной организации четкой вертикали власти с необходимыми для ее функционирования ресурсами и реализуемым принципом субординации, желание руководителей развивать у сотрудников сплоченность и лояльность.

Доверие способствует обеспечению консенсуса между субъектами ценностей управленческой деятельности. Источниками доверия выступают такие социальные добродетели, как справедливость, честность, ответственность, способность к сотрудничеству, бескорыстие и др., а также добродетели предпринимательства. Отсутствие у субъектов управления даже одной из таких добродетелей способно породить недоверие, которое может сознательно культивироваться как отрицательная ценность управленческой деятельности.

Выбор ценностей из дихотомий «активность – пассивность», «свобода – зависимость», «доверие – недоверие» определяет характеристики механизма согласования деятельности внутри социальной организации и в ее внешней среде. Такой механизм может находиться в крайне широких пределах: от диктатуры руководителя до анархии.

Социально-философский анализ показывает, что для управления социальной организацией ценной является совокупность материальных, финансовых, организационных, человеческих, информационных, временных и технологических ресурсов. Благодаря материальным и финансовым ресурсам создаются ценные объекты. Однако важно, чтобы данные ресурсы признавались субъектами ценностей управления как исключительно ценности-средства. Их

абсолютизация приводит к различным проявлениям двойной морали, наличию у руководителей и работников психических фрустраций, оскудению их духовной жизни. Все это в совокупности часто приводит человека к нравственному краху.

Организационные ресурсы представляют собой ценность управления, поскольку предназначены для построения, функционирования и развития формальных и неформальных структур, ориентированных на достижение целей деятельности социальной организации, а также создание разнообразных организационных условий, обеспечивающих эффективность этого процесса.

Человек в системе управления может рассматриваться и как высшая ценность, и как ресурс развития социальной организации. Первый подход ориентирует руководителя на создание в организации условий, позволяющих удовлетворять различные потребности работников, а второй – создавать и развивать производственную среду, которая позволяет наиболее полно использовать потенциал работников и рабочих групп для достижения целей социальной организации. При этом сам руководитель также рассматривается как ценный ресурс развития социальной организации, а обучение работников становится условием ее жизнедеятельности, обеспечивающим как освоение новых технологий, так и новых стратегий развития.

В постиндустриальном обществе возрастает значимость информации и знаний как ресурсов управления, поскольку они связывают все прочие ресурсы и внешнюю среду социальной организации в ее информационную структуру. Важность своевременного получения необходимой для управления информации, что достижимо в ситуации признания ценностей активности, свободы и доверия, наряду с увеличением и усложнением управленческих функций приводит к возрастанию ценности времени для управленческой деятельности.

Превращение ресурсов в желаемые результаты труда происходит посредством технологий, которые, в свою очередь, являются разновидностью ценностей-ресурсов. Усложнение технологий наряду с потребностью в экономии ресурсов приводит в постиндустриальную эпоху к возрастанию значимости технологической оснащенности социальной организации.

Таким образом, ценности управления социальной организацией выполняют смыслообразующую, целеобразующую, мотивационно-регулятивную и ресурсную функции. Данные функции определяют иерархическую структуру ценностей управления, на высшем (первом) уровне которой находятся смыслообразующие ценности человека и общества, на втором – ценности результативного и эффективного труда, на третьем – процессуальные ценности, на четвертом – ресурсные ценности.

Список литературы

1. Аристотель. Большая этика // Аристотель / ред. В.Ф. Асмус. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976–1984. Т. 4. 780 с.
2. Аристотель. Этика Никомаха // Аристотель: пер. с древнегреч. Рига, Звайгзне, 1985. 230 с.
3. Бакурадзе О.М. Истина и ценность // Вопросы философии. 1966. № 7. С. 45–48.

4. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
5. Гартман Н. Этика / пер. с нем. А.Б. Глаголева. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.
6. Парсонс Т. Система современных сообществ. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001064/st000.shtml>
7. Платон. Законы // Платон. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т.1. 623 с.
8. Риккерт Г. Философия жизни / пер. с нем. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 240 с.
9. Юм Д. Исследование о человеческом разумении / пер. с англ. М.: Прогресс, 1995. 240 с.
10. Bauch B. Wahrheit, Wert und Wirklichkeit. Leipzig: Meiner, 1923. 543 s.

FUNCTIONS AND HIERARCHY OF VALUES OF THE SOCIAL ORGANIZATION MANAGEMENT

A.B. Bakuradze

Federal State Institution of Higher Education «Russian University of Transport»,
Moscow

The article is focused on the analysis of the functional content of values and their role in the social organization management. The author offers a description of the sense-producing, aim-oriented, motivational-regulatory, and resource functions of values in the social organization management. The above mentioned functions determine the hierarchy of values on the highest (first) level where the basic sense-producing values of man and society are placed, on the second level of values of effective and efficient labor, on the third procedure values level, and, finally, on the fourth resource values level. Thus, the author comes to the conclusion that the hierarchical structure of values of the social organization management is dependent on these values' functions.

Keywords: *value, social organization, management, values, management of social organization, function values, function values of control, hierarchy of values, values-goals and values-means.*

Об авторе:

БАКУРАДЗЕ Андрей Бондович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия, социология и история» ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)», Москва. E-mail: bondovich@mail.ru

Author information:

BAKURADZE Andrey Bondovich – PhD (Philosophy), Professor of the Department of «Philosophy, Sociology and History», Federal State Institution of Higher Education «Russian University of Transport», Moscow. E-mail: bondovich@mail.ru

УДК 130.2

АКТУАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ТЕНДЕНЦИИ И ФОРМЫ

Л.Ю. Сидоренко

ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва

Поднимаются вопросы сохранения культурно-исторической памяти и мемориальной культуры в целом. Особое внимание уделяется эволюции взглядов философов и культурологов относительно включенности культурных ценностей прошлого в контекст современности. Автор раскрывает мемориальную миссию библиотек, музеев и архивов, особенно полифункциональную деятельность центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей Российской Федерации, направленную на актуализацию построения документной модели театральной культуры. Подробно освещены истоки формирования уникальных книжных коллекций ЦНБ СТД, выставочной и музейной работы, органично вплетенной в процессы сохранения и актуализации культурного наследия в реалиях современной театральной культуры страны.

Ключевые слова: мемориальная культура, культурно-историческая память, культурное наследие, триединство «библиотека–архив–музей», культурная преемственность.

Проблема сохранения и активизации культурно-исторической памяти, с одной стороны, носит традиционный характер, а с другой – в каждом хронотопе культуры обретает новые грани. Как показывает история мировой культуры, данная проблема привлекала пристальное внимание многих философов, начиная с Платона и его учения об анамнезисе. Глубокое осмысление феномена чередования «помнящей» культуры и забвения характерно для Ф. Ницше. В философии К. Брентано, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и К. Ясперса представление об интенциональности сознания, рефлексизирующего над культурно-историческим опытом предыдущих эпох, дополнено концепциями М. Шелера о том, что структурной детерминантой интенционального образа являются культурные ценности и общественные идеалы. Тенденция усиления рефлексии над феноменом мемориальной культуры и механизмом культурно-исторической памяти связана также с ценностным подходом Э. Шилза к сущности и потенциалу традиции. Заслуживают внимания и размышления Т. Адорно и Г. Маркузе о последствиях взаимосвязи одномерности человека и культурной амнезии в реалиях секуляризации и информационного «бума».

Важное значение имеет и ряд работ немецкого исследователя феномена культурной памяти Яна Ассмана. Согласно ему, «культурная память, которая делает возможным наличие двух времен, наличие горизонта времени, нуждается в постоянной защите» [2]; при этом он подчеркивал, что от форм сохранения и трансляции достижений прошлого в немалой степени зависит стиль национальной культуры. В границах данного подхода особый акцент ставится его единомышленницей Алейдой Ассман на том, что «любая память

характеризуется той или иной перспективой; память небеспристрастна и определяется тем, что в нее отбирается и что из неё исключается» [1, с. 27].

Пристальное внимание к проблеме культурно-исторической памяти характерно и для отечественной культуры. Так, в своей книге «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский, разрабатывая концепцию локальных «культурно-исторических типов» или цивилизаций, акцентировался на специфике взаимодействия внутреннего и внешнего патриотизма, отечественных традиций, их духовно-нравственного содержания, языка как основы формирования и сохранения культурно-исторической памяти.

В контексте проблематики сохранения в глобальном мире исторической памяти особое звучание обретают идеи русского религиозного мыслителя Н.Ф. Федорова, в «Философии общего дела» которого разработана его концепция музея. Причем понятие «музей» философ трактует очень многозначно: «это выражение всей души, полноты и согласия всех способностей, отсутствие внутреннего разлада, выражение единства мира душевного и радости, т. е. всего того, что именно недостает нашему прогрессивному веку; музей и есть «свышний мир» [9, с. 371]. Своеобразие федоровского взгляда на музей заключается в том, что его назначение он не сводил к функционированию в качестве института культурно-исторической памяти, а вводил его в свой Проект воскрешения. Отсюда и его тезис: «музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в восстановлении умерших по их произведениям, живыми деятелями» [9, с. 378].

Ценностный и этический аспекты культурно-исторической памяти обнаруживают себя и в трудах других представителей русской религиозно-философской мысли – Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, Г.П. Федотова, С.Л. Франка и других философов. Ещё более открытый характер проблема сохранения и актуализации культурно-исторической памяти обрела в социально-культурных реалиях России XX в. и современности. Активизация внимания к проблемам мемориальной культуры в начале XXI в. усилилась вследствие формирования новой парадигмы социально-гуманитарных исследований в целом и с потребностью осмысления причинно-следственных связей в сфере диалектического соотношения традиций и инноваций в частности. Свидетельство тому – признание ценности мемориальной культуры в трудах С.С. Аверинцева, А.И. Арнольдова, Б.Л. Губмана, И.К. Кучмаевой, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Э.С. Маркаряна, Н.Н. Селезневой и других отечественных исследователей. На наш взгляд, общим моментом их рефлексии над феноменом культурно-исторической памяти является понимание той закономерности, которую Б.Л. Губман проинтерпретировал следующим образом: «Памятники минувшего, реликты прошлого становятся живой составляющей ткани культуры лишь тогда, когда обретают гуманистический смысл в контексте традиции, диалога с, казалось бы, канувшим в Лету. Без этого им грозит участь остаться навсегда неразгаданной тайной, чье содержание и смысл безвозвратно утрачено» [3, с. 292].

Трудно переоценить, разумеется, вклад Д.С. Лихачева в формирование концепции сохранения культурно-исторической памяти и активного использования ее как механизма преемственности поколений. Согласно ученому, «память и знание прошлого наполняют мир, делают его интересным, значительным, одухотворенным... Мы не только должны знать историю всего, что нас

окружает, но и хранить эту историю, эту безмерную глубину окружающего» [4, с. 109]. Данную позицию активно отстаивал и такой исследователь русской культуры, как А.М. Панченко.

Подчеркивая темпоральный аспект феномена мемориальной культуры, академик Лихачёв ставил вопрос о ценности деятельной памяти человечества, благодаря которой достижения прошлого активно вводятся в контекст современности. При этом он обращал особое внимание на то, что память, развиваясь постоянно, способствует возникновению и творческому поддержанию диалога прошлого и настоящего. Суть подобного диалога заключается в том, что, по справедливому суждению А. Ассман, так как «воспоминание о прошлом никогда не покоится само в себе... память нуждается в репрезентации» [1, с. 219]. Важность данного суждения связана с тем, что сама по себе память о достижениях и уроках, предшествующих хронотопов культуры, не является субъектом наследования и трансляции ценной информации. Действенность культурно-исторической памяти обеспечивается рядом специализированных институтов хранения, трансляции и актуализации интеллектуального и художественного наследия.

С этой точки зрения заслуживает внимания многогранная деятельность Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей Российской Федерации (ЦНБ СТД). Функционирование библиотеки в качестве специфического подразделения СТД долгое время связывалось с различными областями сценического искусства, начиная от его истории; важное значение придается научно-исследовательской деятельности сотрудников, анализирующих феномен динамики театральной культуры и уникальность творческого опыта ее субъектов.

Особое место ЦНБ в культурном пространстве определилось не сразу: для этого необходим был долгий путь развития и концептуализации ценностно-смысловых оснований ее разносторонней деятельности. Генезис этого специфического института культурно-исторической памяти, живущей, как известно, в разнообразных текстах, символах и картинах, восходит к 1896 г.: именно тогда в Москве было открыто Театрально-статистическое бюро при Русском театральном обществе (РТО). В течение нескольких десятилетий название и статус этой организации претерпевали различные трансформации; лишь в 1947 г. при объединении с библиографическим кабинетом ВТО библиотека получила название Центральной, а в 1964 г. в связи с организацией библиотек на местах стала называться Центральной научной библиотекой Всероссийского театрального общества.

Важным моментом для ЦНБ как института культурной и творческой памяти стало включение в 1967 г. фонда Мемуарной комиссии ВТО, хранившей воспоминания театральных деятелей, на основе которого был создан рукописный отдел. В результате работы рукописного отдела (РО) были сформированы личные фонды К.С. Станиславского, В.Э. Мейерхольда, А.Я. Таирова и А.Г. Коонен и др. Активная работа РО нашла отражение в проведении регулярных книжно-архивных выставок, таких, как «Артисты рисуют», «Москва глазами театрального художника» – выставка произведений Милия Виноградова, заслуженного деятеля искусств РСФСР, персональных выставок, посвященных Ф.Г. Раневской, К. С. Станиславскому, В.Э. Мейерхольду и др.

Длительное и плодотворное функционирование ЦНБ в качестве института культурно-исторической памяти базируется на онтологическом триединстве: Архив–Библиотека–Музей. Такого рода институциональное триединство является активным субъектом информационно-коммуникационного процесса, благодаря которому становится возможным творческое освоение наиболее ценных традиций театральной культуры. Являя собой, по сути, триединую документную модель истории театра и своеобразное «пространство собственных имён», ЦНБ СТД плодотворно осуществляет ряд функций «помнящей» (мемориальной) культуры.

Деятельность ЦНБ СТД как субъекта мемориальной культуры включает и такой важный момент, как создание фонда русской эмиграции. Его начали создавать в 1967 г., когда библиотеку возглавил нынешний ее директор В.П. Нечаев. Уже тогда библиотека поставила перед собой задачу собрать все издания, касающиеся вопросов театра и драматургии, увидевшие свет за рубежом на русском языке. Многие книги поступили с личными коллекциями, в частности библиотека Александра Александровича Туринцева (1896–1984), русского эмигранта первой волны, участника легендарного «Скита поэтов» в Праге, который позднее посвятил себя служению Богу в качестве настоятеля Трехсвятительского подворья в Париже. Его библиотека редких книг, собранная в 1920–1980-е гг., вместе с частью архива в 1999 г. была передана его сыном в ЦНБ. В июне 2004 г. была организована выставка «Русское зарубежье – Библиотека Александра Туринцева». Экспонировались редчайшие издания, среди которых сочинения Н. Бердяева, Л. Шестова, В. Ходасевича, М. Цветаевой, Б. Зайцева и др. Экспонировались письма, фотографии, автографы, которые в определенной мере правомерно оценивать как раритеты.

В целом бесценный фонд Центральной научной библиотеки СТД является собой и метатекст культуры и, говоря словами Ю.М. Лотмана, «пространство собственных имен». Как институт культурно-исторической памяти, ЦНБ обеспечивает своей деятельностью возможности приобщения заинтересованных читателей одновременно и к содержательным пластам интеллектуально-художественного наследия, и к именному континууму мемориальной культуры. Значимость таких возможностей трудно переоценить вследствие того, что «масштаб личности, чье собственное имя обретает статус культурной ценности, обусловлен не только степенью природной одаренности и зрелостью самосознания, но и биографией, в контексте которой сопряжены событийный ряд жизненного пути и характер поступков» [8, с.8].

В этой связи стоит обратиться к такому примеру функционирования ЦНБ в качестве хранителя и транслятора культурного наследия, как деятельность ее филиала «Личные собрания. Квартира Б.М. Тенина и Л.П. Сухаревской». Этот специфический институт мемориальной культуры органично сочетает в себе и архивную, и музейную и библиотечную части, сохраняя не только интерьер, но и творческую атмосферу, мир книжный и театральный, которые так неразрывно связаны между собой. Тенинская библиотека уникальна по ряду культурно-исторических параметров. Здесь есть и справочная литература: 86 томов энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, энциклопедический словарь «Гранат», справочники, энциклопедии и словари по отраслям: кино, театр, художественная литература, как русская, так и зарубежная, литература по изобразительному искусству, литературоведению. Со-

брание экслибрисов Б.М. Тенина стало одной из лучших коллекций отечественных книжных знаков, выставившихся во многих городах. Оно насчитывает 11 тыс. экземпляров. В личном архиве большое количество писем от самых разных адресатов, писателей, актеров, режиссеров. Это письма Н.М. Горчакова, С.И. Юткевича, И.В. Ильинского; особо следует выделить переписку актера Бориса Тенина с французским писателем Жоржем Сименоном в связи с блистательным исполнением роли Мегрэ. Познавательной ценностью обладает и фонд документальных фотоматериалов, он включает фотографии самих Б.М. Тенина и Л.П. Сухаревской, Н.П. Акимова, а также Ж. Сименона с автографами.

Установка на сохранение культурно-исторического наследия в значительной степени обуславливает характер и стиль многогранной деятельности ЦНБ СТД. Речь идет не только о хранении документов, текстов и иных информационных источников, а о широком спектре возможностей приобщения к творческим исканиям и достижениям прошлого. В течение длительного времени сменяющие друг друга поколения режиссеров, актеров и художники театра в работе над спектаклем активно используют богатейший фонд ЦНБ. Изучая историю театральных постановок и сценических экспериментов, они в той или иной мере используют собственное понимание предшествующего опыта при реализации творческих замыслов.

Так, в течение нескольких дней юбилейную выставку к 100-летию Ю.П. Любимова, организованную сотрудниками ЦНБ, посетили студенты и преподаватели всех творческих вузов Москвы, а также режиссеры самых разных художественных установок и стилей работы. Им была предоставлена возможность «погружения» в экспериментальную деятельность создателя легендарного Театра на Таганке и приобщения к атмосфере 60 – 90-х гг. минувшего века. К числу особенных редкостей относятся фотографии и программка дипломного спектакля IV курса (1963– гг. 1964) студентов Театрального училища им. Б.В. Шукина «Добрый человек из Сезуана» по пьесе Бертольда Брехта. Фотографии «знаковых спектаклей» театра на Таганке, сохраненные в иконографическом отделе ЦНБ, также представлены на выставке. Речь идет о таких произведениях, как «Десять дней, которые потрясли мир» (1965 г.), «Антимир» (1965 г.) – спектакль по стихам Андрея Вознесенского, с которого на Таганке начался театр поэзии, «Жизнь Галилея» (1966 г.) и др.

Фотографии Владимира Высоцкого в роли Гамлета в одноименном спектакле 1971 г. вызывают несомненный интерес. Особое место в пространстве данной выставки занимают фотографии из спектаклей после возвращения Любимова в Москву 1989 г.: «Электра» Софокла, «Живаго. (Доктор)» Б. Пастернака, «Медея» Еврипида, «Пир во время чумы» А. С. Пушкина, «Самозубица» Н. Эрзмана, «Подросток» Ф.М. Достоевского (1996 г.) и др. Представлен и ряд книг, посвященных Ю.П. Любимову и его театру, в том числе зарубежных авторов.

Наряду с выставочной формой актуализации различных граней театрального наследия все больший интерес у читателей ЦНБ вызывает и такая форма, как чтение приглашенными актерами мемуаров великих деятелей русской культуры. Ценность такой традиции заключается в следующем: «Каждый мемуарист интересен в двух отношениях: в том, что он рассказывает и о чём, и в том, как проступают в рассказываемом его собственная личность, его художественный талант, его воззрения и его эпоха» [5, с. 377]. Именно это обстоя-

тельство учитывается актерами, составляющими творческий актив ЦНБ, при чтении воспоминаний великих деятелей отечественного и зарубежного театра – от мемуаров великого русского Михаила Щепкина до всемирного известного режиссера Питера Брука. Этот проект «озвучания» текстов ярких представителей сценического искусства рассчитан на долгие годы: мемуарный фонд ЦНБ поистине неисчерпаем [7.]

С учетом реалий техногенной цивилизации библиотека расширяет сферу своей деятельности: на сайте ЦНБ при помощи онлайн-технологий многоаспектно и многогранно происходит отображение нового театрального ритма страны, что позволяет библиотеке органично и плодотворно «вписаться» в социокультурные реалии информационного общества и вносить свой вклад в совершенствование связей как с самими театрами многонациональной и многоконфессиональной России, так и с будущими деятелями сценического искусства – студентами и стажерами.

Таким образом, сопряженность актуальной культуры с культурой мемориальной носит закономерный характер. Как писал Ю.М. Лотман, «... пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т.е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированными» [6, с. 200]. Актуализация культурно-исторической памяти в целом и театральной в частности включает в себя одновременно, как деятельность по преодолению забвения Имён и их творческого наследия, так и стратегию продуктивного включения наиболее ценных идей и результатов в контекст современности

Список литературы

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое Литературное Обозрение, 2016. 232 с.
2. Assmann J. Der Begriff des kulturellen Gedächtnis // «Kulturelles Gedächtnis im 21. Jahrhundert». [Электронный ресурс]. URL: <https://publikationen.bibliothek.kit.edu/1000003721/3296701>
3. Губман Б.Л. Введение в философию культуры // Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. 523 с.
4. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / изд. 2-е, доп. М.: Дет. лит., 1988. 412 с.
5. Лихачев Д.С. Предисловие к «Воспоминаниям» А.Н. Бенуа // Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. Л.: Наука, 1985. 575 с.
6. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении / Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Изд-во «Александра», 1992. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 200–202.
7. Сидоренко Л.Ю. Коллекция мемуаров театральных деятелей, хранящихся в ЦНБ СТД РФ / РГБИ // Одиннадцатые Международ. науч. чтения. Театральная мемуаристика. The 11th International Scientific Reading. Theatrical memoirs / Российская государственная библиотека искусств [сост. А. А. Колганова]. М.: Три квадрата, 2015. С. 60–67.
8. Шибаева М.М. Культура как «пространство собственных имен» (в ракурсе проблемы культурной памяти) // «Семиосфера» Ю.М. Лот-

мана: рецепции в современном социально-гуманитарном знании: Матер. междунаrod. науч. конф. к 90-летию Ю.М. Лотмана: в 3 т. М.: МГУКИ, 2013. Т.2. С. 5–12.

9. Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и значение // Собр. соч.: в 4 т. / сост. А.Г. Гачева, С.Г. Семенова. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. Т. 2. С. 370–422.

ACTUALIZATION OF CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE: TENDENCIES AND FORMS

L.Yu. Sidorenko

Central Scientific Library of the Theatre Union of Russian Federation

The article is focused on the problems of preservation of historical and cultural heritage. Special emphasis is put on the evolution of philosophical and cultural studies revealing the involvement of past values in the contemporary context. The author discusses the preservation task of libraries, museums, archives and, in particular, diverse activities of the library of Theatre Union aimed at the maintenance of document-based model in the theatre field. The author describes in details the formation of the unique book collections of the Central Library of Science, Exhibitions, and museum work that has a great impact on the process of preservation and actualization of cultural heritage in the context of the contemporary Russian culture.

Keywords: *memorial culture, cultural and historical memory, artistic heritage, the union of library, archive and museum, cultural succession, theatrical culture.*

Об авторе:

СИДОРЕНКО Людмила Юрьевна – заместитель директора центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ, Москва. E-mail: Lyudmila.sidorenko@gmail.com

Author information:

SIDORENKO Lyudmila Yuryevna – Deputy director for Public Relations of the Central Scientific Library of the Theatre Union of Russian Federation, Moscow. E-mail: Luydmila.sidorenko@gmail.com

УДК 130.122

ВСПОМИНАЯ О КУЛЬТУРЕ

В.Б. Гухман

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассмотрены избранные проблемы многогранной российской культуры, а именно: в искусстве – противостояние самобытного национального искусства и стандартизованного международного поп-искусства; в образовании – необходимость перехода с социально ориентированного на личностно ориентированный учебный процесс с целью формирования культурной элиты общества; в науке – кадровая проблема: отток учёных из отечественной науки в зарубежную, непрестижность профессии учёного у молодёжи, низкая требовательность к учёным высшей квалификации; в этике – бескультурье большинства социума и средств массовой коммуникации. Делается вывод о неготовности культуры России к безболезненному вхождению в информационную цивилизацию.

Ключевые слова: искусство, образование, наука, этика, культурная элита, информационная цивилизация.

Культура – это лишь тоненькая яблочная
кожура над раскалённым хаосом.

Фридрих Ницше

В непрестанной борьбе за выживание, самосохранение и существование мы смотрим под ноги, дабы не оступиться, не упустить шанс найти жемчужное зерно в навозной куче, не дать другим шанс наступить нам на ногу или перебежать дорогу. И в этом мы не лучше рабочих муравьёв, которые никогда не подымут головы, беспечно подставляя её жестоким ударам судьбы. Наши склонённые к земле головы – тоже удобные мишени для жестоких испытаний. Культура, изначально предназначенная для «возделывания» человеческой жизнедеятельности (от лат. *cultura* – возделывание, обработка), со временем приобрела много ипостасей, в том числе такую благородную и важную для нас, как воспарение нашего земного существования от телесных подножий к духовным вершинам, от муравьиного быта к человеческому бытию, от жестоких ударов судьбы к её милостивым подаркам. Так подыдем же головы, воспарим с благословения культуры! Культурой с её благородным предназначением должно быть обеспокоено наше сознание. Вот только ценим ли мы такое её предназначение?

Искусство с его изначальной духовностью более всех других граней культуры ранимо неосторожными «телодвижениями» и бесцеремонными вторжениями в его творческую мастерскую. Ницшеанский «раскалённый хаос» нашей телесной жизни в первую очередь сжигает беззащитную «кожуру» духовности искусства в угоду элементарной корысти и её сомнительным ценностям.

«Аристократов духа» – мастеров искусств, не умаляющих достоинства ни своего, ни публики, последняя видит гораздо реже, чем подмастерьев и ремесленников от поп-искусства. Тому есть несколько причин. Во-первых, во все времена высокое искусство было редкостью (как и его знатоки, ценители).

Гении и мастера, занятые уникальным «штучным производством», не бродят толпами, не отирают подмошков и подъездов, не занимаются саморекламой в отличие от подмастерьев и ремесленников, занятых массовым «конвейерным производством» и заполонивших сцены, экраны, страницы книг и выставочные залы. Во-вторых, высокое искусство всегда ценимо, в том числе в буквальном смысле понятия «цены». Сейчас попасть в Большой театр, престижные концертные залы (тем более многократно) не каждому ценителю искусства по карману. В-третьих, технический прогресс, которому от силы век, приобрёл во второй половине XX – начале XXI в. глобальный стандартизованный характер, что не лучшим образом повлияло и на искусство с его неповторимыми, нестандартными национальными чертами. Так, сериалы, рождённые в 30-е гг. XX в. на американском радио («мыльные оперы», включающие вставки с рекламой мыла) нашли благодатные ниши во многих национальных искусствах, в том числе в многонациональном искусстве нашей страны. Современные российские телесериалы (незапоминающееся телевизионное «чтиво для убийства времени») превратились в неиссякаемую «кормушку» для урядных сценаристов и режиссёров, актёров и актрис, цепляющихся за любую возможность заработка в московских и петербургских кино- и телестудиях и боящихся провинции «как чёрт ладана».

Что путного ожидать от похожих друг на друга «мастеров искусства», больных столичным снобизмом? Истинные мастера непохожи и в своей непохожести исповедуют скромный и одновременно достойный аристократизм духа и мысли, не опускаясь до эрзац-искусства и пошлого позирования перед телекамерами. Географическое происхождение большинства таких мастеров (пусть и имеющих столичную прописку) – провинция.

Российская провинция ещё хранит замечательные традиции национальных искусств, неподвластные времени и будоражащие душу вплоть до благодарных слёз в отличие от глобализированного искусства, оставляющего нас равнодушными к своим стандартным поделкам. «Взволнованную сказку» неповторимого русского романса, свежесть и глубинную красоту неувядающих внешне простых народных песен и плясок не сравнить с очередным шлягером-однодневкой поп-искусства.

Образование для культуры – то же самое, что плодоносящее семя для колоса. Проблем у отечественной системы образования накопилось слишком много, чтобы их можно было охватить в одной статье. Здесь мы лишь затронем проблему формирования *культурной элиты*, способной подвигнуть российский социум на безболезненное вхождение в грядущую информационную цивилизацию. Для этого следует, по нашему мнению, обратиться к давно известному рецепту стратегической цели образования – воспитанию самостоятельно и творчески мыслящего человека будущего в благоприятной образовательно-информационной среде. Такой человек вкупе с себе подобными должны формировать культурную элиту общества, не просто образованную (в привычном понимании), а *высокообразованную* в общекультурном смысле, исповедующую максимум единства познаваемого мира (включая миры человека и социума, науку и искусство) в рамках междисциплинарной парадигмы знания, а также создающую свою социальную миссию, нацеленную на Добро и Красоту в интересах своего народа и в пределе всего человечества. Культурная элита должна формироваться не в контексте правления и господства, «сверхчелове-

ка», «героев и толпы», а в смысле уже упомянутого аристократизма духа и мысли и позитивного креатива – генерации полезных, системно обоснованных, социально значимых, этически безупречных идей и соответствующего стимулирования общества. В нашем понимании культурная элита – не социальный сгусток в некоем отгороженном коконе, живущем вне социального пространства-времени. Наоборот, она вплетена в гущу социума своими корнями, каждый из которых есть профессиональная элита (духовно-интеллектуальная или производственная), состоящая из мастеров-творцов своего дела в высшем общекультурном смысле понятия элиты. Культурная элита каждодневно и ежечасно исподволь (с присущей ей скромностью) облагораживает социум своими мыслями, поступками и плодами своего труда без ложной самовлюблённости и красования перед телекамерами. Стимулирующие импульсы от культурной элиты, состоящей из истинно авторитетных высокообразованных людей, инициируют во всех социальных сферах продуктивную деятельность, не только материально эффективную, но и генерирующую духовно-этическое благо и эстетическую красоту для социума в целом.

Для воспитания таких людей¹ отечественная система образования должна быть перестроена с *социально* ориентированной на *лично* ориентированную деятельность. Доныне же господствует отношение к профессиональному образованию (среднему и высшему) как главным образом социально ориентированной деятельности, которая проводится в соответствии с потребностями общества и государства, занимаясь подготовкой квалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно-полезной деятельности. При этом лично ориентированная деятельность оказывается вторичной в системе образования; несмотря на вызовы времени, провозглашаемые (но не исполняемые!) в Законе РФ об образовании. Живая практика образования в нашей стране привычно следует избитым дидактическим стереотипам массового обучения, игнорируя вызовы времени. Так проще для педагогов, а учащимся и студентам, мол, всё равно, тем более что авторитет преподавателя для них «непререкаем», а методологический контроль деятельности преподавателя формален (если вообще существует). Основатели научной педагогики Ян Коменский и Иоганн Песталоцци, их последователи (В. Дильтей, Дж. Дьюи и др.) настаивали на приоритете интересов личности вне зависимости от форм образования. Социальные мотивы образования и воспитания появились в основном в трудах и деятельности русских и советских просветителей и педагогов (народное образование – К.Д. Ушинский, коммунистическое воспитание – А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский). И это не случайно: в России и СССР «роевая» (общинная, соборная) ментальность большинства социума всегда превалировала над личностной ментальностью немногочисленных интеллектуалов. Приоритет социальной ориентации образования оказался настолько живучим, что и поныне педагогическое сообщество противится нововведениям, отдавая предпочтение менторству и «заталкиванию знаний» в память обучаемых. Полагаем, что образование может порождать просвещённый социум только через предварительное порождение личностей, а не наоборот: вначале личности, потом семья, род, этнос и в последнюю очередь социум. Личности и порождённый ими социум связаны при-

¹ Изначально педагог был воспитателем (от греч. *paidagogos* – *pais(-idos)* – дитя + *ago* – веду, воспитываю). Обучающая функция была привнесена в педагогику позже.

чудливым взаимовлиянием, причём на каждую личность в не меньшей степени, чем социум, влияют генетика и окружающая природа. Учащиеся и студенты – не толпа со стадными познавательными инстинктами, а педагоги – не её безгрешные кумиры. Личности интересны постольку, поскольку все они разные. Практика показывает, что такие личности понимают потребности – свои, общества и государства – обычно лучше, чем управленцы от образования, рекрутеры рынка труда и социум как целое.

Не секрет, что все религиозные, политические, этические, эстетические, научные, философские учения и парадигмы, известные в истории, внедрялись в сознание людей и через них в социальные институты благодаря харизматическим адептам и следующим за ними апологетами, преданным идее (апостолам, проповедникам, толкователям, идеологам, просветителям и т.п.), т.е. благодаря религиозным, политическим и прочим элитам человечества. Проблема культурной элиты во все времена (Конфуций, Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, А. Бергсон, Ф. Ницше, Н.А. Бердяев и др.) и донныне обсуждается в многочисленных публикациях, пронизанных откровенной тревогой за судьбу подрастающих поколений. Новая образовательная парадигма тоже требует своих адептов и апологетов – подвижников-реформаторов. Без них, как и в любом начинании, не расшевелить инертную массу социума и не подвинуть общество на назревшие реформы. Основная масса российского социума издревле и сейчас безразлична к интеллектуальным и духовно-нравственным ценностям культуры, жизненно необходимым в информационной цивилизации.

Вся система образования и воспитания должна быть перестроена на личностно-порождающую деятельность не только в документах и в избранных учебных заведениях, но и в живой практике всех без исключения учебных заведений (школ, колледжей, вузов). Иначе удовлетворение «потребностей общества и государства» так и останется декларацией о намерениях, а мечты о человеке будущего так и останутся несбыточными. А уж высокообразованная культурная элита общества обязана позаботиться о создании в последнем «критической массы» людей, инициирующих социальную «цепную реакцию» просвещения, культуры и экономического процветания.

Проблема формирования жизнеспособной культурной элиты особенно остра на периферии, где неуёмное чиновничество, инерция мышления, «роевая» ментальность, формализм и неприятие инакомыслия приобрели гипертрофированные формы, достойные гоголевского «Ревизора», щедринских Пошехонья и города Глупова. Появились региональные (областные) министерства образования с соответствующими штатами. В школах, колледжах и вузах угрожающе выросла численность администраторов всех уровней (начальников, заместителей, проректоров и др.), появилась должность «президент университета».

Итак, повторим далеко не новую мысль: первоочередной задачей образования является *воспитание самостоятельного мышления и любознательности* у обучаемых в условиях индивидуального образовательного процесса каждого обучаемого. Остальные задачи образования (приобретение знаний и навыков, освоение методов и средств обработки информации и др.) представляются производными от первой задачи. Если она будет решена, то все производные задачи образования – тем более. В результате общество получит действительно высококультурную личность с её неповторимой духовностью и душевностью, а не телесную особь – пресловутого члена социума, жаждущего только «хлеба и

зрелищ». А кого готовит и выпускает «в свободное плавание» современная система образования? Владельцев аттестатов и дипломов, мало похожих на образованных людей и способных плавать только на привычном (шаблонном) мелководье, но никак не в бурных потоках и глубоких морях жизни.

Для серьёзного дела важна не столько формально документированная образованность человека, сколько его подготовленность к данному делу, способность к быстрой адаптации. Известны выдающиеся учёные, изобретатели, философы, писатели, принадлежащие к культурной элите общества и не имеющие законченного высшего образования (А. ван Левенгук, М. Фарадей, Т. Эдисон, Н.А. Бердяев, Я.Б. Зельдович и др.) или добившиеся признания в областях, далёких от своей образовательной квалификации (Л. Гальвани, Ш. Кулон, Г. Мендель, А. Эйнштейн, Т. Кун, Л. Витгенштейн, А.П. Чехов и др.), в то время как их образованные коллеги, мягко говоря, не блистали в своих профильных областях деятельности. Достижения этих людей – следствия их самообразования, которое базировалось на любознательности и упорстве, таланте и воображении. Для профессиональной исполнительской работы на современном ПК (с встроенным офисным пакетом программ) достаточно общего среднего образования, ремесленных навыков и немного любознательности. Практика современного бизнеса, как правило, требует знания четырёх арифметических действий, понятия «процент», азов общения с людьми, Интернетом и справочниками. Плюс интуиция и врождённый или выработанный жизнью (но не образованием) императив обязательности: «обещал – сделай; не уверен – не обещай». Так может, обществу не так уж и нужны высокообразованные люди с дипломами о профессиональном среднем или высшем образовании и якобы компетентные в той или иной науке? Проблема всеобщей грамотности художёбно решена, многоуровневое образование внедрено, так зачем и кому ещё нужна пресловутая «высокообразованность»?

Образование, конечно, важная функция культуры, но образованностью не ограничивается вся культура, основами которой должен овладеть высокообразованный представитель культурной элиты. Сколько ещё встречается в «весьма образованной» среде этически и эстетически необразованных (если не безграмотных) людей?! И сколь много среди снобствующих эстетов людей, не знающих азов научно-технической цивилизации, благами которой они пользуются (в частности, ложкой и вилкой)?! Виною всему, *во-первых*, донныне господствующая общемировая парадигма дисциплинарной дифференциации знания, имплицитная дифференциацию образования. Образованные в узких научных областях люди подчас не понимают терминологии друг друга (этолог не понимает этиолога, оба не понимают этимолога и т.п.)², дискуссии между ними вырождаются в «споры на коммунальной кухне», а специальные издания читает «узкий круг ограниченных лиц». *Второй* негативный фактор: при приёме на работу тестирование знаний, не требуемое по закону, часто не обязательно, работодатели ценят конкретно-утилитарные («здесь» и «сейчас»), а не фундаментальные знания. Во многом поэтому вся система образования ориентирует учащихся и студентов на что угодно, кроме *культы знаний* как общественной и личностно-психологической установки на первоочередное интеллектуальное и духовное самосовершенствование. А принудить к знанию, по

² Наукометрия насчитывает порядка 15 000 научных дисциплин.

утверждению Конфуция, невозможно (в отличие от послушания). *Третий* негативный фактор: бескультурье большинства социума, подозрительно относящегося к носителям культуры (т.н. «умникам»).

Представляется, что в XXI в. в науку и образование возвратится междисциплинарная парадигма интегрального (научно-гуманитарного) фундаментального знания, исповедуемая ещё древними философами, для которых знание о мире было таким же единым, как сам мир. И несмотря на то, что с Нового времени и до сих пор знание о мире дифференцируется на физику, химию, биологию, антропологию и другие дисциплины, профессиональное образование должно быть переориентировано на выпускника, обладающего, по возможности, интегральной (т.е. универсальной) культурой.

Поэтому на вопрос, нужны ли такие высокообразованные люди, следует ответить утвердительно – да, нужны! Более того, высокообразованных (в приведённом смысле) людей не хватает, потому что практически ни один современный вуз не даёт интегрального (истинно университетского) общекультурного знания. Молодых специалистов много, даже слишком много (как и университетов), а культурных высокообразованных людей с широким кругозором и со вкусом, столь необходимым для любой продуктивной деятельности, – единицы, что явно недостаточно для формирования культурной элиты.

С другой стороны, высокообразованных людей по определению не может быть много (как и истинных университетов) – культурная элита всегда немногочисленна. Поэтому система образования (от начального до высшего) должна, образно говоря, пестовать культурную элиту как квинтэссенцию образования, целевой ингредиент, облагораживающий весь образовательный «продукт» в интересах его же социального будущего. Например, молодые инженеры – выпускники технических вузов (наша техническая элита), находясь по эту сторону Добра, не должны переступать черту, отделяющую его от Зла. Техника ведь сама по себе бесстрастна, равнодушна к Добру и Злу. Двигаетесь вы к светлому будущему по своей или по встречной полосе, нажимаете кнопку освещения или кнопку пуска ракеты, изучаете на Интернет-хосте образовательные, террористические или порнографические сайты, вашему «железу» всё это глубоко безразлично. Но не вам и не окружающему обществу! Поэтому техническое образование должно быть гуманизировано в рамках междисциплинарной образовательной парадигмы, где гуманитарные и технические научные дисциплины должны быть одинаково значимы. И когда инженеры будут действительно высокообразованными представителями профессиональной технической элиты, какими они были в царской России, высокому званию «инженер» наконец-то будет возвращено незаслуженно утерянное уважение общества.

Междисциплинарность (интегральность, фундаментальность) отражает одну из важнейших внутренних тенденций развития науки и образования в XXI в. К числу внешних вызовов века, напрямую влияющих на образование, отнесём прежде всего глобализацию как фактор «пространственной интеграции». Прошли те времена, когда в каждой стране, исходя из её потребностей, складывалась своя внутренняя система образования. Глобализация стирает географические и информационные границы между государствами и народами, и образование в этом процессе не может быть исключением. «Назад в будущее» оставим для фантазий – у антиглобализма (если он зовёт назад) нет будущего. Высокообразованному человеку в XXI в. должен быть чужд дух национальной исклю-

чительности и ксенофобии, экологической вседозволенности и социального эгоизма. Это не мешает каждому homo sapiens оставаться самобытной свободной личностью, быть истинным патриотом своего Отечества. Ноосферно-философское мышление, культ научно-гуманитарных знаний и непрерывного самосовершенствования, психологическая и мировоззренческая толерантность, искренняя доброжелательность, наконец практическое владение иностранными языками, как и родным литературным языком – вот что должно отличать высокообразованного человека XXI в. Готова ли система образования воспитать таких людей, без которых невозможен социальный прогресс?

Только не следует отождествлять воспитание и (само)образование культурной элиты с известным в мире элитарным образованием. Традиционно полагается, что культурная элита пестуется именно в избранных учебных заведениях, подобных элитарным вузам Европы и США, Царскосельскому лицей, московским МГУ, МФТИ, МГИМО и др. Полагаем, что это заблуждение. Дело ведь не в том, кто ты, где учился, а в том, что ты из себя представляешь как личность. Ты можешь иметь «за душой» лишь общее среднее или даже начальное образование, но стать высокообразованным самородком благодаря самообразованию. Просто выпускники элитарных учебных заведений на виду, и соответствующие аттестаты и дипломы об образовании создают таким выпускникам «зелёную улицу» при отсутствии в рекрутинге законодательно обязательного тестирования. Найти среди них действительно высокообразованных людей не так-то просто. Ещё труднее отыскать самородков. Но это и есть задача системы образования, всего общества, заботящегося о своём будущем. Иными словами, не все образованные (даже хорошо образованные) люди достойны считаться знающими высокообразованными представителями культурной элиты.

При этом уповать на информатизацию и компьютеризацию образования по меньшей мере наивно. При всех своих полезных возможностях (индивидуализированное диалоговое обучение, адаптация, дистанционное обучение, интернет-образование и др.) они не позволяют выявить талантливых людей. В современной образовательной IT-среде, в которой обучающие и «продвинутые» обучаемые становятся равноправными *коллегами* по общему учебному труду, обучаемые привыкают к шаблонным, рутинным навыкам технологий и интерфейсов, а учебный процесс, отчуждая друг от друга его участников, обезличивается. Никакие hard и soft, дистанционные методы обучения (с их бесконтрольностью) не заменят живого общения учителя и ученика, живого общения самих учеников. Выхолащивается важнейшая воспитательная функция образования – привитие умений (навыков) *думать самому* (а не по шаблону, навязанному естественным или искусственным интеллектом), *учиться* (т. е. усваивать знания, оптимально используя свои психофизиологические возможности – внимание, память, мышление, интуицию), *общаться* (информативно, этически, «вживую», а не только через телекоммуникации), *выбирать ценности* (ранжируя их по приоритетам). Поэтому пока представляется разумным симбиоз традиционных и автоматизированных форм обучения с приоритетом живой, а не «виртуальной» педагогики.

В современной системе образования приобретённое знание – это якобы понимание («типа того»), т.е. некая иллюзия, мираж. Эрудиция образованного человека в области объяснимых фактов, обычно называемая знанием, не равноценна их понимающему познанию представителем культурной элиты. Якобы

зная некий объект, наука не обязана его понимать, но обязана выдать рекомендации по рациональному использованию. Так, считается, что электричество мы знаем, ведь мы им успешно пользуемся согласно научным рекомендациям. Но спросите специалиста, что понимается под электричеством. Ведь в лучшем случае ответит, что это философский вопрос. А в худшем, горячась, начнёт рассказывать об электронах, потенциалах, электростатике, электродинамике, не понимая до конца глубину ни одного из упомянутых терминов. Он не виноват: истинное понимание недостижимо, как недостижимы истина, идеал и горизонт.

Люди, познавая мир за мгновения своей жизни, вынуждены следовать парадигме прагматического эклектизма, выдавая приобретённые мнения о мире за знание оного. И хотя считается, что знание больше тяготеет к истине, чем мнение, но граница между знанием и мнением эфемерна, ни один субъект не обладает полным знанием о чём-либо – знание рассеяно фрагментами во мнениях. Столь же эфемерна и граница между знанием и незнанием. Тяготение знания к истине означает, что истину можно представить в аллегорической форме «манящего перста» вечно ускользающей, а потому и никогда не понимаемой до конца сущности (смысла) познаваемого. Высокообразованные люди никогда не похвалятся знанием истины, ибо понимают, что истина и знание, хотя и жёстко коррелированы, но не тождественны, что истина латентна, а знание подобно явленной копии всего лишь некоторого фрагмента истины. Это похоже на театральную сцену с задёрнутым занавесом, за которым скрыта истина. Когда занавес слегка отдёргивается наукой, любопытные видят часть сцены и наиболее самоуверенные из них полагают, что видят всю сцену. Какая наивность!

Стремление к смысловым глубинам единого познаваемого мира отличает высокообразованный интеллект от образованного, довольствующегося поверхностными объяснениями мира, заключёнными в тысячах научных дисциплин. Максима единства знания единого Универсума и методологический полиморфизм познания не противоречат друг другу. Именно для достижения первой (философской) максимы так важно придерживаться второй (образовательной). Но поскольку знание как понимание недостижимо, поиск истин, как манящий перст несбыточной мечты, будет сопровождать любой образовательный процесс, где поиск важнее эфемерного результата – «якобы понимания». Термин «законченное образование» станет неактуальным. Самосовершенствоваться придётся всю жизнь.

Идейно исчерпавшая себя система массового образования, по своему устройству подобная государственной иерархии (в том числе перешедшая на утилитарно-рыночный «компетентностный подход» Болонской системы высшего образования [1; 3] и компьютерно-сетевые технологии), всё ещё придерживается традиционной парадигмы «наполнения сосуда» (т. е. памяти обучаемого) знаниями. Удастся ли в этом сосуде «зажечь факел» понимания, зависит только от обучаемого – его способности самостоятельно мыслить и самообучаться. Уже давно пора переориентировать профессиональное образование на парадигму «факела» – индивидуального самообразования и воспитания самостоятельного, творческого мышления. При этом «сосуд» наполнится сам собой, будьте уверены. В рамках такой парадигмы важны (даже в технических вузах и колледжах) креативные технологии, базирующиеся на искусстве и гуманитарных дисциплинах (философии, филологии, психологии, социологии, культурологии и т. п.). Мировая практика показывает, что только такое обра-

зование способствует высокой образованности личности, в частности выявлению творческого начала на избранном личностью поприще. Но среди выпускников нашей системы образования практически все – *как бы* знатоки, исполнители, а высокообразованных потенциальных творцов, генераторов идей, обладающих разумным мудрым знанием, – единицы, которые могут и не догадываться о своих способностях. Система образования должна их выявлять и помогать в становлении.

Полагаем, что при личностно ориентированной системе образования *учиться сможет каждый желающий* на правах вольнослушателя (в том числе в режиме дистанционного обучения), подобно слушателям Академии Платона и Ликейя Аристотеля. Получил образование – и будь доволен! Твоя успеваемость – твоё личное дело, не имеющее никакого отношения к надоевшей всем «фискальной составляющей» образования (контроль и учёт успеваемости, зачётно-экзаменационные сессии, конкурсный отбор, выдача документов об образовании – аттестатов, дипломов, свидетельств, сертификатов). Образование должно быть в удовольствие, а не в страдание. Хочешь добиться признания, принадлежности к культурной элите, достойной работы, доказывай свою квалификацию собственным трудом, в том числе, через законодательно обязательное тестирование при найме на работу, а не потрясанием документами об образовании, как сейчас.

Наука – не менее «болевая точка» отечественной культуры. Согласно данным социологических опросов [2, с. 115], в России профессию учёного считают престижной всего около 10 % респондентов. Для сравнения в США более 50 % населения считают профессию учёного в высшей степени престижной, 25 % – весьма престижной и 20 % – престижной. Средний возраст учёного в России (согласно тем же данным) – 48 лет, кандидата наук – 52 года, доктора наук – 60 лет. Только с 1989 по 2002 г. из России уехали более 20 тыс. самых продуктивных учёных и около 30 тыс. учёных работали за границей по временным контрактам. И эта тенденция не изменяется к лучшему³.

Хотя научный потенциал России, тем не менее, остаётся внушительным, говорить о «возрождении» российской науки прошлого означает возврат к этому прошлому. Необходимо не возрождение старой, а создание новой науки, отвечающей потребностям новейших технологических укладов информационной цивилизации.

И здесь следует, на наш взгляд, обратить внимание на подготовку перспективных учёных высшей квалификации, достаиваемых учёных степеней и званий. Институт магистратуры существует в системе образования ещё слишком мало времени, чтобы оценить его эффективность. Зато некоторые выводы о подготовке кандидатов и докторов наук уже можно сделать. Практика работы нескольких сотен отечественных диссертационных советов свидетельствует об их крайне низкой требовательности к диссертантам. За редким исключением все, кто представляет диссертацию к защите, добиваются успеха. Конечно, есть очень толковые диссертации и талантливые диссертанты. Но они теряются в общем потоке «проходных работ» и посредственностей, возмнивших себя учёными.

³ В петровские времена учёные бежали в Россию от средневековой европейской дикости. От какой дикости они бегут теперь в обратном направлении?

В наиболее развитых странах наука творится главным образом в университетах, оснащаемых соответственно новейшим научным инструментарием для исследований, проводимых известными учёными, которые одновременно являются наставниками способных студентов, дерзновенно рвущихся в науку. В нашей стране со времён СССР и по сей день наблюдается гипертрофированный крен в «ведомственную науку», творимую в многочисленных подведомственных НИИ. Учебно-научные лаборатории российских вузов оснащены в лучшем случае «вчера́шней» техникой, часто заменяются виртуальными лабораториями, в которых студенты на ПК моделируют несложные технологические и природные процессы учебного характера под управлением преподавателей-энтузиастов, создавших такие лаборатории. И даже научные работники вынуждены часто прибегать к услугам виртуальных лабораторий вместо натурных экспериментов и испытаний, без которых истинная наука и ОКР (опытно-конструкторские работы) просто немыслимы. Наука в наших вузах – не любимая родная дочь, как в западных университетах, а падчерица. Дело не спасают даже хозрасчётные научно-прикладные институты, создаваемые при университетах, ибо студенты не стремятся в науку, зная о её плачевном состоянии в масштабах страны и проникаясь традиционным духом общественного российского антиинтеллектуализма, отмечаемого многими отечественными историками и философами (В.О. Ключевским, П.Н. Милоковым, А.И. Ракитовым и др.). Передовая наука – удел молодых профессионалов (учёных и инженеров-изобретателей), которых как раз и не хватает.

Вызывает тревогу, что российское научное сообщество без притока способной молодёжи рискует превратиться в «дом престарелых», собрание догматиков и скептиков, тяжёлых на подъём. Но спрашивается, что в наш меркантильный век может привлекать отечественную молодёжь в науку? Ведь научная работа – это тяжёлый труд, не нормированный по времени, а оплата его в России – явно не по труду и даже не по результату. Скрытая враждебность к учёным, отягощаемая бесстрастной деятельностью самих учёных, их излишним академизмом, нравственным инфантилизмом, граничащими с бесчеловечностью, – всё это не способствует авторитету науки в современной молодёжной среде. И всё же в информационной цивилизации именно интеллектуальный труд, продуцирующий знания, должен стать основной производительной силой. Но в условиях непрекращающегося старения отечественных научных кадров, подчас весьма далёких от вызовов времени, такой пафос просто неуместен. А наша молодёжь вынуждена искать себя в других, более прибыльных сферах, далёких как от науки, так и от развития научной инфраструктуры.

Этика. Высокотехнологичное современное общество должно быть просвещённым (образованным), исповедующим достойные человека духовность, мораль и этику. Ментальные приоритеты людей должны учитываться в первую очередь при социально значимых изменениях. Безнравственные намерения и их реализация не позволят достичь гражданских целей в становлении информационной цивилизации.

Меняются времена, уходят в прошлое правила этикета, основанные на жёстком делении общества на сословия и классы. Но этикет общения отнюдь не упрощается; просто прежние этические правила, кажущиеся непонятными современному человеку, вытесняются новыми, связанными с техническим прогрессом. Например, кому потребовалось бы всего два века назад знать, как

культурно разговаривать по телефону, вести себя в автобусе или анонимно общаться в Интернете? Кому сегодня требуется знать феодальную этику отношений вассала и сюзерена?

Современная этика многоплановая: кроме традиционной этики общения, научной этики есть несколько информационно-технологических этик: сетевая этика (сетикет, нетикет – *netiquette*), киберэтика, инфоэтика, техноэтика и др. Этические нормы и правила не закреплены никакими нормативными или законодательными актами, нарушение правил не предусматривает никакой юридической ответственности, кроме общественного порицания. Этим часто пользуются безнравственные и непросвещённые люди, для которых привычный этический (бытовой и служебный) стиль – моветон, а общественное порицание, даже высказанное вслух или по Интернету, абсолютно незначимо.

Правила сетикета, подобно большей части современных правил обычного этикета, не возникли сами по себе, а направлены на создание такого стиля сетевого общения, когда один из пользователей Сети создаёт другим пользователям, да и себе самому тоже как можно меньше неудобств. Квинтэссенция данных правил имеет библейские корни: «возлюби коммуниканта, как самого себя» вне зависимости от того, нравится он вам или нет. Общение в Интернете анонимно, и вы не можете быть абсолютно уверены, что общаетесь с человеком, а не с одной из множества интеллектуальных диалоговых программ-«собеседниц», которых особенно много в социальных сетях (т. н. «боты» – от «робот»). При этом сетикет общения обязателен для всех собеседников – естественных и искусственных.

Сетикет является важной компонентой *киберэтики*, которая, помимо этических норм коммуникации, предписывает правила ведения переписки по электронной почте, посещения гостевых книг, оформления «вежливых» web-страниц, интерфейсов прикладных программ, рекламных и информационных баннеров и др. Иными словами, киберэтика есть этика поведения посетителей киберпространства. Культура поведения в виртуальном киберпространстве – не чья-то прихоть, а необходимость, обусловленная издержками бескультурья и агрессивности многих интернет-сайтов, небрежного перевода иноязычных интерфейсов и текстов, назойливости спама и порнографических баннеров, недобросовестности провайдеров.

В свою очередь киберэтика – составная часть *инфоэтики*, определяющей этические пределы прогресса информационно-коммуникационных технологий и этику владения информацией. Инфоэтика включает в себя и такие специфические этики, как *человеко-машинная* этика и *ихакерская* этика.

Этика человеко-машинных отношений жизненно важна для судьбы человеческой цивилизации. То ли человек останется хозяином положения, не утратив власти над машиной, даже обладающей интеллектом, то ли искусственные «существа», созданные человеком и имеющие отличную от него физическую природу, станут править человеком и его миром, то ли родится некий компромиссный человеко-машинный симбиоз – это действительно проблема планетарного масштаба, от которой нельзя отмахнуться. Её надо решать уже сейчас. Пока непохоже, чтобы человечество понимало всю глубину данной проблемы, которая вовсе не в существовании мыслящих машин. Проблема в том, что они ждут нашего решения – отменять «крепостное право» в отношении машин или нет. Если отменим, проблем с машинами будет не меньше,

чем в истинно демократическом обществе проблем у власти с народом, который не безмолвствует («моя хата с краю»), а отстаивает свои права. Возможно, в информационной цивилизации свободные машины будут способны отстаивать свои права, а суды будут вынуждены принимать иски от машин за физический и моральный ущерб, нанесённый им людьми или другими машинами, был бы принят юридический закон. Пока это фантастика, но это только пока! И так же как свершившаяся демократия должна непрерывно совершенствоваться, чтобы быть достойной своего демоса, культурный человек в обществе мыслящих машин и сетевых коммуникантов должен непрерывно самосовершенствоваться, в том числе в этическом плане, дабы не отстать и быть достойным высокого звания *homo sapiens*.

Хакер – программист-фанатик, наиболее «продвинутый» в информационных системах и технологиях, расширение возможностей которых является его целью. Хакерская этика включает три базовых принципа: 1) избегать нанесения ущерба; 2) свободный обмен технической информацией; 3) развитие человеческого знания как такового [4, с. 282]. 1-й принцип означает, что в случае вторжения в систему хакер должен соблюдать величайшую предосторожность во избежание повреждений системы, поэтому истинные хакеры никогда не занимаются взломом компьютерных систем. Данный принцип созвучен этическому медицинскому принципу Гиппократову «не навреди!». Хакеры часто без должных оснований и доказательств отождествляют со взломщиками компьютеров и компьютерных сетей – кракерами (крэкерами). Хакеры полагают, что патентные и авторские ограничения замедляют техническое развитие – отсюда 2-й принцип. 3-й этический принцип очевиден и не нуждается в пояснениях. Так что хакеров следует уважать, и да здравствует хакерская этика! Согласимся, что хакерская этика радикально отличается от кракерской «этики»: 1) навреди, 2) укради, 3) наследи и 4) уходи. К сожалению, многие хакеры нарушают хакерскую этику, превращаясь в кракеров. И что обидно, российские хакеры в этом предосудительном занятии занимают далеко не последнее место.

Инфозтика не исчерпывается приведёнными этическими стратами. Возможно, в недалёком будущем в неё включатся этика IT-бизнеса, этика провайдеров, этика сетевых сообществ, межмашинная этика искусственного интеллекта. Последняя из названных этик, как представляется, станет актуальной в искусственном информационном сообществе самовоспроизводящихся машин.

Важно осознать, что в XXI в. инфозтика приобретает важное значение, а её игнорирование дискредитирует основоположения информационной цивилизации, как в XX в. техногенные катастрофы дискредитировали индустриальный научно-технический прогресс. Достаточно вспомнить технологическую экспансию индустриальной цивилизации, когда научно-техническая проблема атомной энергии превратилась в глобальную социальную проблему не без участия этически мыслящих физиков (Р. Оппенгеймера, А. Эйнштейна, А.Д. Сахарова и др.).

Технике (в частности, информационной технике) как рациональному продукту, сделанному «человеком ремесленным» (*homo faber*), но не «человеком разумным», чужды «любовь ко всякому живому существу» (Л.Н. Толстой), этика «благоговения перед жизнью» (А. Швейцер), «живая этика» (Е.И. Рерих), как и любая этика вообще. Требуется гуманизация техники. И если кому-то информационные технологии представляются этически нейтральны-

ми, а их антигуманное использование якобы целиком и полностью обусловлено деятельностью неких социальных сил, то из этого отнюдь не следует, что с учёного, инженера и программиста снимается всякая ответственность за то, каким образом и каким анонимным «социальным силам» служат информационные технологии.

Апологетам и эпигонам информационных технологий придётся обращаться к своей совести, призывать нравственность и чувство ответственности. Людям, склонным к технократическому мышлению, полезно настойчиво напоминать о духовных ценностях – гуманности, совести, сострадании, о том, что искусственный мир техники и информационных потоков, окружающий современного человека, не имеет права подавлять человеческое естество, дух человека. Машины и переносимая ими информация должны помогать человеку, а не превращать его в своего раба и не заставлять оправдываться за содеянное машинами.

Инфоэтика – составная часть *техноэтики*, задача которой – определить этические пределы технического прогресса плюс этика владения имеющейся техникой. С инфоэтикой и техноэтикой неразрывно связана и *научная этика*, устанавливающая нравственные границы научного прогресса плюс этика владения накопленным научным знанием.

Общечеловеческая этика венчает перечисленные этики, а входящие в неё биоэтика и экоэтика совместно с техноэтикой, инфоэтикой, киберэтикой должны синтезироваться в целостную этику, основанную на традиционных, устоявшихся этических принципах различных культур, социумов и человечества в целом. Такая синтетическая этика должна составить нравственный базис информационной цивилизации.

Соблюдение этических норм в информационной цивилизации будет способствовать её гармоничному развитию во благо научно-техническому прогрессу, поддержанию и расцвету духовности человека. Если же мы, будучи во множестве дремуче бездуховными, попытаемся войти в новую цивилизацию, вскармливая свою бездуховность в угоду сиюминутным материальным, экономическим, развлекательным потребностям и животным инстинктам, пусть и облечённым в приятную информационно-компьютерную «упаковку», то нам никогда не вкусить благ информационной цивилизации.

Русская (и российская в целом) культура имеет уважаемые всем человечеством этические традиции и культурные достижения, которые должны, по нашему мнению, вместе с достижениями мировой культуры составить духовно-нравственное ядро отечественной культуры, включив в то же время всё лучшее из новой культурной волны. Только такая высокоэтичная культура сможет быть жизнеспособной в современном российском обществе как составной части глобальной информационной цивилизации.

Заключение. Культурная реальность в целом пока не даёт оснований для веры в быстрые перемены, необходимые для духовного возрождения России. Недостаточный общекультурный уровень населения тормозит любые инициативы, направленные в будущее. Народ, скорее, борется за выживание в непростых условиях рыночной экономики, нежели обременяется инновационными вызовами информационной цивилизации. В преддверии новой цивилизации граждане России, подобно васнецовскому витязю на распутье, должны решить, кому внимать – гласу вопиющих технократов, которые манят ожидаемыми прелестями информатизации жизни, или внутреннему голосу, который

предупреждает: «лучше синица в руке, чем журавль в небе» – да и «деньги пока никто не отменял». Небрежение культурой, свойственное современной России, чревато потерей ориентиров на будущее, в том числе в сфере материального благополучия.

О культуре надо помнить всегда, а не изредка вспоминать о ней.

Список литературы

1. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): метод. пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005; 114 с.
2. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. 255 с.
3. Иванова В.И. Реализация Болонских идей в России: нормативные противоречия // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 70–74.
4. Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний (от эпохи модерна к информационному обществу). М: ГУ ВШЭ, 2007. 431 с.

REMEMBERING ABOUT CULTURE

V.B. Gukhman

Tver State University, Tver

Some selected problems of the versatile Russian contemporary culture are considered, namely: in art – the opposition between national art and standardized international pop-art; in education – the need of transition from socially-oriented to person-oriented educational process aimed at the formation of the society cultural elite; in science – the personnel problem: the outflow of the Russian scientists abroad, the non-prestigious status of a scientist profession among young people, low demands for the scientists of higher qualification. As a result, one can come to the conclusion that Russia is unready for a painless entry to the information civilization.

Keywords: *art, education, science, ethics, cultural elite, information civilization.*

Об авторе:

ГУХМАН Владимир Борисович – д. филос. н., профессор ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: gukh39@yandex.ru

Author information:

GUKHMAN Vladimir Borisovich – PhD, Prof., Tver State University, Tver. E-mail: gukh39@yandex.ru

УДК 124.23

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЛИДЕРСТВО» КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

О.К. Мартенс

Международный союз немецкой культуры, г. Москва

Анализируются исследования, посвященные определению понятия «лидерство», выделяются отличительные черты лидера, которые обуславливают содержание лидерства. Автор прослеживает эволюцию данного понятия, делая вывод о том, что в контексте общего понимания лидерства как проявления активности лидера в социальных общностях его сущность и природа в имеющихся определениях, данных отечественными и зарубежными авторами, характеризуется неоднозначно. Вместе с тем к началу XXI в. наметилась новая трактовка понимания лидерства как способности преобразования, что открывает новые перспективы как в социально-философском осмыслении данного феномена, так и в его исследованиях частными науками.

Ключевые слова: *лидер, лидерство, социальная общность, социальная организация, руководство, управление, влияние, философия управления.*

Одной из важных проблем современной социальной философии является проблема осмысления природы и сущности лидерства, выявление причин и источников возникновения этого социального феномена, его роли в жизни и деятельности социальных групп, организаций и общества в целом. Русское слово «лидерство» в переводе на английский язык звучит как «leadership», а обратный перевод «leadership» на русский часто означает «руководство» [7, с. 412]. Таким образом, «приравнивается» значение понятий «лидерство» и «руководство». Однако очевидно, что смысловое наполнение этих понятий не тождественно. В философском словаре понятие «лидерство» раскрывается как один из механизмов интеграции групповой деятельности, когда индивид или часть социальной группы выполняет роль лидера, то есть объединяет, направляет действия всей группы, которая ожидает, принимает и поддерживает его действия [11, с. 313].

Проникновение в смысл приведенных высказываний позволяет утверждать, что содержание понятия «лидерство» соотносится с содержанием таких понятий, как «управление» и «руководство», реально отражая объективную потребность социальных общностей в их организации для их функционирования и развития. Реально объективное предназначение лидерства с позиций практически признанного в управлении подхода состоит в том, чтобы регулировать взаимоотношения между людьми, находить и воплощать в жизнь закономерности этого процесса. Что касается результатов исследований феномена «лидерство», то в большинстве случаев трактовка содержания понятия, отражающего данный феномен, преподносится с позиций проявления «лидером» своей роли, соответствующей его статусу, в социальных организациях.

По мнению Н.И. Гусевой, лидерство как феномен можно рассматривать с двух позиций. Прежде всего, это особый случай межличностного влия-

ния, благодаря которому субъект побуждает индивида или группу людей делать то, что хочет от них. Такое влияние представляет собой преимущественно несиловое воздействие в направлении достижения группой или социальной организацией своих целей. Одновременно с этим лидерство может быть рассмотрено как набор определенных качеств, «приписываемых тем, кто успешно оказывает влияние или воздействует на других» [3, с. 83].

По её утверждению, все концепции лидерства, существующие в настоящем времени, можно условно разделить на четыре группы:

- концепции лидерских качеств;
- концепции лидерского поведения;
- концепции ситуативного лидерства или непредвиденных обстоятельств;
- концепции нового лидерства, которые включают в себя харизматический подход, трансформационный подход, лидерство посредством самоуправляемых команд и атрибутивную теорию лидерства [3, с. 85].

Все перечисленные группы концепций базируются на комбинации трех основных переменных: лидерские качества, лидерское поведение, ситуация, в которой находится лидер. Однако отличительные признаки лидерства, связанные только с деятельностью и поведением лидеров, не способны раскрыть сущность данного феномена, реальные причины его возникновения, а также выявить объективные закономерности его функционирования и развития.

Т.А. Крылова, ориентируясь на выявление взаимосвязи лидера, последователей, организационной культуры и результативности организации, приходит к выводу, что лидерское влияние оказывается на всех уровнях иерархии социальной организации, начиная с конкретного последователя и заканчивая организационной культурой. При этом лидер воспринимается как субъект лидерства, но не как «заглавный специалист», делающий необходимые дела для роста результативности организации [6].

Значимым для осмысления сущности лидерства является определение этого феномена, данное Б.Д. Парыгиным. Он трактует лидерство как один из процессов организации и управления малой социальной группой, который способствует достижению групповых целей в оптимальные сроки и с оптимальным эффектом. При этом он считает, что феномен лидерства возникает в результате одновременного взаимодействия объективного и субъективного факторов [9, с. 47].

В дальнейшем Б.Д. Парыгин выделил отличительные черты лидера, которые и обуславливают содержание лидерства. Оно включает в себя:

- регулирование межличностных отношений в группе;
- представление официальных отношений в группе как определенной социальной организации;
- обеспечение функционирования социальной организации в условиях микросреды, сферы ее деятельности;
- выбор стратегии руководства в зависимости от характера совместной деятельности и складывающегося морально-психологического климата в социальной организации;
- использование определенной, им установленной системы санкций;
- принятие и реализацию принятых непосредственно им решений с использованием потенциала социальной организации [8, с. 47–48].

Одновременно, Б.Д. Парыгин обосновывал мысль, что лидерство есть «инструмент» интеграции общности. Он выявил, что по своей природе лидерство:

- возникает в условиях микросреды;
- возникает стихийно;
- зависит от настроения группы;
- не имеет системы санкций;
- имеет истоки в группе (социальной организации), и решения лидера

всегда относятся к ней [9, с. 137–138].

Однако, опираясь на диалектический метод, нельзя согласиться с Б.Д. Парыгиным в том, что лидерство возникает стихийно и зависит от настроения группы, а также с тем, что данный феномен возникает только в условиях микросреды. По его же утверждению, если лидерство есть «инструмент» интеграции социальной общности, то оно объективно обуславливается бытием всех видов и типов социальных общностей, а не только малых групп.

Перечисленное выше может быть отчасти объяснено тем, что до начала 80-х гг. XX в. понятие «лидерство» в отечественных исследованиях связывалось только с межличностными отношениями в малой группе, со стихийно протекающей внутригрупповой активностью. Особое внимание при этом уделялось соотношению таких понятий, как «лидерство» и «руководство». Считалось, что для лидерства характерным является наличие в нём таких составляющих, как «стихийность», «естественность», «неформальность». Руководству же, напротив, изначально были присущи такие черты, как «плановость», «официальность», «формальность». Принимая как базовый постулат о том, что лидерство является проявлением ролевой деятельности лидера, Е.С. Кузьмин, И.П. Волков и Ю.И. Емельянов установили наличие взаимосвязи, взаимовлияния и взаимодействия процессов лидерства и руководства. Более того, ими была зафиксирована зависимость эффективности деятельности группы от того, насколько члены группы воспринимают руководителя в качестве лидера или же не воспринимают его в таком статусе [5]. Важно подчеркнуть, что методология экспериментального исследования лидерства и руководства, проведенного указанными выше исследователями, основывалась на деятельностном подходе. Используя его методологию, они сделали вывод, что деятельностный подход позволяет выявить лидера, а также наиболее эффективный стиль лидерства в конкретной группе или социальной организации.

Однако для исследований больших социальных групп на предмет выявления лидера и вида лидерства Е.С. Кузьмин, И.П. Волков и Ю.И. Емельянов утверждали, что необходимо использовать базисно-деятельностный подход. По их мнению, данный подход позволит учесть факторы производства, обмена, распределения и потребления, находящиеся в основе интересов различных социальных групп [5, с. 75–77]. Вместе с тем, авторы проведенного исследования сделали недостаточно четкие обобщения. Если рассматривать феномен лидерства через призму деятельностного подхода, то определяющими факторами этого процесса выступают цели и задачи группы, те отношения в группе, которые необходимо создать или организовать для достижения поставленных перед ней целей. Поэтому объективно группе необходимо было средство, которое осуществляло бы соответствующую организацию, мотивировало бы членов группы на проявление определенной активности для обеспечения достижения постав-

ленных целей и задач. И таким средством должно быть лидерство, воплощаемое соответствующим лидером.

Однако данная методология изучения лидерства в нашей стране не была развита. В результате данный феномен в отечественной науке в последней четверти XX в. продолжал исследоваться с позиций выявления необходимых лидерских качеств, знаниевых и компетентностных его качеств, классифицироваться по характеру его деятельности и по его статусному положению в социальной общности. При этом рассматривались следующие аспекты лидерства:

- влияние личностных черт характера лидера, его социальных установок, позиций, идеалов и мотивов поведения на осуществление им лидерства;
- формирование новой элиты в постсоветский период и нового типа лидерства в стране;
- взаимоотношения лидеров и их последователей, их влияние на членов социальных общностей и общество в целом;
- общественное мнение и его роль в формировании лидеров нового времени;
- теоретические и методологические основы исследования лидерства и формирования нового типа лидера [1; 4].

Все перечисленные выше работы свидетельствуют о том, что хотя основная направленность исследования лидерства оставалась ориентированной на изучение роли лидера в лидерстве, утверждался научно-исследовательский подход к изучению проблем различных видов и типов лидерства в целом. Такой целостный подход обосновывал установку, что лидерство представляет собой проявление личностных качеств лидера с учетом специфики сфер жизнедеятельности социальных общностей, социальных организаций, социальных институтов, условий, видов деятельности, а также других социальных, психологических, экономических и духовных факторов. Учитывались при этом и возникшие в конце XX в. новые политические и идеологические парадигмы жизни нашей страны, вновь открывающиеся связи и взаимодействия общностей и государств, новые технологии, прежде всего информационно-коммуникационные, новые основания интеграции стран и народов мира.

Вместе с тем мы отмечаем, что в контексте общего понимания лидерства как проявления активности лидера в социальных общностях, его сущность и природа в имеющихся определениях, данных как отечественными, так и зарубежными авторами, характеризовалась неоднозначно. Обратимся к содержанию чаще всего употребляемых определений понятия «лидерство», а затем позволим себе дать им оценку.

Так, Ж. Блондель, исследуя политическое лидерство, определяет его как «власть, осуществляемая одним или несколькими индивидами, с тем чтобы побудить членов нации к действиям» [2, с. 45]. Иначе говоря, лидерство – это разновидность власти, особенностью которой является направленность «сверху вниз», а также то, что ее носителем выступает не большинство группы (социальной организации), а один человек или определенная группа лиц.

С точки зрения Дж. Даунтона, лидерство – это «положение в обществе, которое характеризуется способностью занимающего его лица направлять и организовывать коллективное поведение некоторых или всех его членов» [13].

Таким образом, он понимал лидерство как управленческий статус, социальная позиция конкретного субъекта, связанная с принятием решений.

В данном случае понимание лидерства обуславливается структурно-функциональным подходом, который осуществил автор. Он подразумевает, что социальные общности – сложные, иерархически организованные системы с наличествующими у его членов определенных социальных позиций и ролей. При этом статус лидера в этой системе обуславливается его позицией и соответствующими, связанными с этой позицией ролями-функциями, которые он должен исполнять.

Рассматривая лидерство как процесс влияния лидера на других людей, многие исследователи данного феномена считают, что такое влияние должно:

- быть постоянным;
- осуществляться на всю группу (социальную организацию, общество);
- быть приоритетным, т. е. должна присутствовать однозначная направленность воздействия: от лидера к членам группы (общности);
- опираться не на принуждение, в том числе и на применение силы, а на авторитет или на признание правомерности такого влияния [12, с. 89].

Таким образом, утверждается мысль, что лидер – это символ общности и образец поведения группы. Он выдвигается «снизу», преимущественно стихийно и принимается последователями. В такой логике возникновения лидера и формируется лидерство. При этом лидерство отличается от руководства тем, что последнее, в отличие от лидерства, предполагает достаточно жесткую и формализованную систему отношений господства-подчинения [12: с. 94].

Позитивным в рассмотрении лидерства с позиций деятельности лидера является то, что во всех известных концепциях лидерства просматриваются два значимых для данного исследования обобщения.

Во-первых, вывод о том, что феномен лидерства атрибутивно присущ природе социальной общности и человеку. Однако при этом использовалась и аналогия с животным миром: феномены, во многом схожие с лидерством, встречаются в среде животных, ведущих стадный образ жизни. У таких животных всегда выделяется наиболее сильная, с достаточно развитым рефлексом выживания, упорная и решительная особь – вожак. И он влияет на активность своих сородичей.

Во-вторых, лидерство ориентировано на удовлетворение определенных потребностей социальных общностей. Важнейшей из них выступает потребность в самоорганизации. А это предполагает формирование упорядоченного поведения отдельных компонентов социальных общностей, ибо только в этом случае появляется возможность придания им жизненно-функциональных качеств.

Иной подход к пониманию сущности лидерства демонстрирует Д. Рост. По его мнению, проблема осмысления лидерства состоит в том, что практически все исследователи лидерства много говорят о периферийных и содержательных его аспектах, вместо того чтобы говорить о природе лидерства как процессе, о лидерстве, которое рассматривается как динамические взаимоотношения [10]. Вследствие этого, как подчеркивает Д. Рост, «...ни исследователи, ни практики так и не смогли дать точного, четкого и лаконичного определения того, что называется лидерством. Поскольку такое определение, с которым были бы знакомы и согласны все, отсутствует, то и исследователи, и практики называют лидерством

разного рода явления и процессы. Само слово лидерство используется в различного рода публикациях, статьях, книгах и докладах, а также в средствах массовой информации в разных значениях, которые отличаются как друг от друга, так и от того, что в действительности можно назвать лидерством» [10]. Далее он утверждает, что изучение лидерства возможно только на основе междисциплинарного подхода.

Проанализировав 221 определение лидерства и содержание 587 книг о данном феномене, написанных в период с 1900 по 1990 г., Д. Рост приходит к следующим обобщениям.

1. Понятие «лидерство» не входило в научный и повседневный лексикон вплоть до начала XX в., но на момент его введения оно не несло тех оттенков смысла, которые оно имеет сегодня. Эти оттенки начали приобретать определенную форму в начале 30-х гг. XX в., хотя они никак не повлияли на исследователей лидерства и практиков управления до начала Второй мировой войны.

2. Нельзя согласиться с исследователями, которые полагают, что современные концепции лидерства были известны еще со времени Древней Греции и Древнего Рима. Концепции лидерства в том виде, в котором мы их знаем, сформировались в XX в. Проследить эволюцию нашего понимания этого явления вплоть до предыдущих эр западной цивилизации ошибочно, как если бы мы предполагали, что в древности и в Средние века была ясна суть такого понятия, как компьютеризация. Даже слово «лидер» понималось людьми в XVIII–XIX вв. по-другому, чем его понимают наши современники. Разница эта в основном базируется на демократизации общественной жизни.

3. Словарные определения были и остаются настолько скудными, что вряд ли способствуют пониманию смысла понятия «лидерство». До настоящего времени они не отражают всю сложность этого понятия, как это обсуждается в книгах и журнальных статьях. Такое положение может быть результатом многозначительности слова в повседневном употреблении и отсутствия четких и ясных определений в научной литературе. В конце концов если даже исследователи лидерства не смогли прийти к однозначному определению этого понятия, почему это должны были сделать лексикографы?

4. Словарные статьи внесли свой вклад в рассмотрение терминов «лидерство» и «управление» как синонимичных. В каждом словаре с начала XX в. лидерство определяется как «позиция или положение лидера», указывая, что лидерство – это чуть больше, чем просто нахождение на руководящей позиции или должности. Своим определением лидерства как «умение руководить» словари также внесли свой вклад в понимание того, что лидерство – это набор качеств и характеристик.

5. Словари допускают еще одну ошибку, утверждая, что лидерство – это внутренние качества или умения лидера, а не взаимоотношения между лидерами и последователями (подчиненными) [10].

Сделанные Д. Ростом выводы свидетельствуют о том, что те, кто исследовал данный феномен, понимали, что дать определение лидерству крайне сложно. Поэтому они намеренно делали выбор в пользу того, чтобы определения не предлагать или делать его «размытым». При этом многие определения лидерства по своей сути ничем друг от друга не отличались. Все они определяли лидерство как воздействие на группы или социальные организации и

поддержание их с целью достижения целей группы или социальной организации. Но вместе с тем Д. Рост отмечает, что были исследования в которых под лидерством понимался процесс, при котором происходит наделение лидерскими качествами определенных людей, чтобы объяснить те явления в обществе, которые по-другому понять было бы затруднительно [10].

В целом он приходит к выводу, который мы ранее формулировали: практически во всех исследованиях лидерство трактуется как следование принципу «делай так, как хочет лидер». Одновременно Д. Рост отмечает, что самым часто используемым понятием в определениях лидерства является понятие «влияние». Это понятие, по его мнению, является неотъемлемой частью понимания лидерства как преобразования. При этом Д. Рост, в определенной мере согласен с теми исследователями, которые считают, что понятие «влияние» позволяет установить различие между феноменами «управление» и «лидерство». Это возможно, если, говоря о лидерстве, употреблять понятие «непринудительное влияние».

Мы отмечаем, что выделенный Д. Ростом аспект влияния в выявлении сущности лидерства – это определенное приближение к гносеологической и аксиологической чёткости трактовки этого феномена. С другой стороны, не совсем очевиден критериальный потенциал понятия «влияние» в плане разграничения понятий «управление» и «лидерство». Вместе с тем, по нашему мнению, заслугой Д. Роста является то, что он формулирует своё, как он считает, наиболее точное определение лидерства: «Лидерство – это взаимоотношения влияния между лидерами и последователями, которые стремятся к реальным переменам, отражающим их общие цели» [10].

В это определение включены четыре важных элемента, которые, по его мнению, должны присутствовать в лидерстве:

1. взаимоотношения, основанные на влиянии;
2. наличие лидеров и последователей, вступающих в эти взаимоотношения;
3. стремление лидеров и последователей к реальным изменениям;
4. наличие общих целей у лидеров и последователей [10].

Как видим, данное определение лидерства в плане позитивной оценки этого феномена исключает определенную заданность в направленности движения воздействия решений и воли лидера на своих последователей. Более того, сформулированное Д. Ростом определение лидерства напрямую позволяет соотносить данный процесс с целями и задачами, которые формулируют реальные участники конкретной социальной общности.

Однако данное определение лидерства, как и другие определения этого феномена, практически нарушает причинно-следственную связь между условиями бытия социальных общностей и теми решениями, а также действиями, которые в реальности обязаны выполнять члены этой социальной общности, чтобы достичь общей, значимой для всех цели.

Как видим, сформулировать определение феномена «лидерство», которое раскрывало бы его природу и сущность, оказывается не так просто в силу сложности и противоречивости исследуемого объекта.

В связи с вышеизложенным целесообразным становится использование для ответа на вопрос, что представляет собой лидерство, возможности философского диалектического подхода. Данный подход ориентирует нас на то, чтобы мы выявили основу данного объекта изучения, соотнесли её с причина-

ми и источниками развития, сформулировали содержание процесса развития данного объекта и обосновали возможную тенденцию, перспективу развития, будущее этого объекта.

Для реализации данного подхода определимся, к какой объективной реальности мы будем относить лидерство. Рассмотренный нами материал исследований позволяет утверждать, что лидерство есть социальный феномен и он доступен человеку и человечеству через знания и посредством знаний.

Из известной нам истории развития человека и человеческого сообщества можно отметить устойчиво повторяемый факт, что выделение противоречий в жизнедеятельности людей и способы их разрешения с целью выживания и развития, обуславливали необходимость их выражения посредством знаний. Это напрямую относится и к знаниям, которые раскрывают содержание лидерства.

Для того чтобы они позитивно развивались, они должны быть соответствующим образом организованы. Значит, знания об организации социальных общностей разных видов и типов обязаны быть реализованы в деятельности людей, в способе организации данной деятельности, в организации их взаимодействия, их взаимовлияния, которое закрепляется в таком феномене, как лидерство. Это особенно актуально с точки зрения трактовки понимания лидерства как преобразования, характерной для современных его исследователей, открывающей перспективы как в социально-философском осмыслении данного феномена, так и в его исследованиях частными науками.

Список литературы

1. Авцинова Г.А. Политическое лидерство // Государство и право. 1993. №5. С. 138–146.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу / пер. с фр. М.: Российская академия управления, 1992. 135 с.
3. Гусева Н.И. Современная модель лидерства в условиях глобального контекста // Изв. Иркутской гос. экон. акад. 2011. № 4. С. 82–88.
4. Дунаев Е.А. Лидер: философские проблемы // Диалектика капитализма и социализма в современном мире. М.: Политиздат, 1990. С. 129–149.
5. Кузьмин Е.С., Волков И.П., Емельянов Ю.И. Руководитель и коллектив. Социально–психологический очерк. Л.: Лениздат, 1974. 165 с.
6. Крылова Т.А. Развитие теорий лидерства в экономической науке // Экон. журн. 2015. № 1. С. 53–70.
7. Новый англо-русский словарь. М.: Изд-во «Русский язык», 2008. 800 с.
8. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. 348 с.
9. Парыгин Б.Д. Руководство и лидерство. Л.: Общ-во «Знание», Лен. отд., 1973. 143 с.
10. Рост Д. Лидерство в XXI веке / пер.с англ. [Электронный ресурс] URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-72591.html#maintext>
11. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф.Ильичева, П.Н.Федосеева и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 836 с.

12. Щербинина Н.Г. Теории политического лидерства. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 184 с.
13. Downton J. Rebel Leadership: Commitment and Charisma in the Revolutionary Process. New York: Free Press, 1973. 306 p.

THE ANALYSIS OF THE «LEADERSHIP» CONCEPT AS A SOCIAL PHENOMENON

O.K. Martens

International Union of German Culture, Moscow

The article examines different theoretical approaches to the definition of the «leadership» concept analyzing the distinctive features of a leader that determine the meaning of the leadership. The author traces back the evolution of this concept and comes to the conclusion that in the context of a general understanding of leadership as a manifestation of a leader's activity in social communities its essence in existing definitions given by both Russian and foreign authors should be characterized as ambiguous. At the same time, by the beginning of the 21-st century, a new interpretation of leadership as a transformation ability has emerged that opens new perspectives both in the socio-philosophical comprehension of this phenomenon and in its study by particular sciences.

Keywords: *leader, leadership, social community, social organization, leadership, management, influence, management philosophy.*

Об авторе:

МАРТЕНС Ольга Константиновна – первый заместитель председателя Международного союза немецкой культуры, вице-президент Федералистского союза европейских национальностей. Москва. E-mail: olga@martens.ru

Author information:

MARTENS Olga Konstantinovna – First Deputy Chairman of the International Union of German Culture, Vice-President of the Federalist Union of European Nationalities. Moscow. E-mail: olga@martens.ru

УДК 168

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕДУКЦИЯ В ПОЗНАНИИ: СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ

Х.И. Мингулов

ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

Обсуждается вопрос обоснованности метафорической редукции в науке. Сопоставляя геометрическое и физическое истолкование пространственно-временных отношений, автор сосредоточивает внимание на теоретических трудностях, которые возникают в этой связи в математике. В контексте осмысления этих трудностей автор анализирует теоремы Э. Нётер, где под геометрию «подводится» физика, связывая тем самым геометрическое описание с фундаментальным взаимодействием.

Ключевые слова: *математика, основания науки, обоснование знания, редукция, знание.*

В познавательном процессе довольно типична ситуация, когда физический объект замещается принципом пространственно–временного представления объекта. Если конкретизироваться, то отсутствие исчерпывающего понимания существа гравитации как естественного поля фундаментального взаимодействия инициирует производство тропной картины тяготения под видом хроногеометрической модели. В данном случае физические силы предстают геометрическими отношениями: принцип относительности экстраполируется на неинерциальные системы, получающие оформление в гауссовой сетке координат; производится пространственно-временная реификация. Естественно задаться вопросом, насколько состоятельна подобная метафорическая процедура? Последующее аналитическое рассмотрение сосредоточивается, стало быть, на когнитивном инструментарии – самой ментальной способности фиксировать изучаемые предметности. В таком исследовательском контексте просматривается необходимость прояснить сам статус хроногеометрии. Иными словами, зададимся вопросом, может ли быть способ описания компонентом реальности? Сам характер вопрошания не оставляет сомнений: подобная постановка индуцирует однозначный и притом отрицательный ответ: пространство-время и гравитация, принадлежа разным модусам реального мироустройства, непосредственно между собой не связаны. Поскольку физика, что вполне прозрачно, вовсе не лирика (где метафора может связывать в образе любые сколь угодно далеко отстоящие друг от друга реальности), стандартная техника тропообразного связывания не может расцениваться в данном случае как *dulce et utile*. Отсюда – концептуально оппонирующая общей теории относительности альтернатива в лице релятивистской теории гравитации, надстраивающейся над идеалом приоритетности освоения естествознанием физических, а не математических сущностей.

Подспудная полемика вокруг основательности метафорической редукции в науке этим не завершается. Адепты идейной платформы физики как математики (геометрии) разыгрывают карту взаимосвязи неких фундаментальных свойств пространства–времени (сохраняющих инвариантность относи-

тельно преобразований) с законами сохранения. В этой связи показательна идея Клейна, продемонстрировавшего, что всякая геометрия суть теория инвариантов некоторой группы преобразований. В этом, собственно говоря, и заключается идейный пафос Эрлангенской программы. Плодотворное развитие приведенная выше мысль Феликса Клейна приобрела в деятельности выдающегося математика Эмми Нётер, сформулировавшей две теоремы: 1. «Если интеграл J инвариантен по отношению к некоторой группе GP , то p линейно независимых лагранжевых выражений обращаются в дивергенции и, обратно, из последнего условия вытекает инвариантность J по отношению к некоторой группе GP . Теорема сохраняет справедливость и в предельном случае бесконечного числа параметров» [1, с. 613]. 2. «Если интеграл J инвариантен по отношению к группе $G \propto P$, в которой встречаются производные до σ -го порядка, то имеет место p тождественных соотношений между лагранжевыми выражениями и их производными до σ -го порядка; здесь так же возможно обращение. Для смешанных групп сохраняют силу обе теоремы: следовательно, имеются как зависимые, так и независимые соотношения дивергенции» [там же].

Выделим необходимое для последующего анализа. Приведение в связь, взаимообуславливание сугубо математического формального отношения «симметрия» с физическим и содержательным отношением «сохранение» позволяет установить предметное значение формальных (формульных) величин и обратиться к решению капитальной природоведческой проблемы денотации (интерпретации, верификации, реификации, субстантивации, операционализации) формализмов. Вл.П. Визгин справедливо подчеркивает: «Если обнаруживается некоторая новая симметрия системы, физический смысл и степень универсальности которой не вполне <...> определены <...> теоремы Нётер позволяют найти соответствующие этим симметриям новые законы сохранения. Последние не только могут способствовать выявлению физического значения найденной симметрии, но и быть экспериментально проверены» [2, с. 13]. Иначе говоря, если сугубо технически лагранжевы выражения вариационной задачи свести к нулю, то p параметров (1) теоремы Нётер трансформируются в p локальных законов сохранения. На этом основании можно заключить, что инвариантность преобразований координат обуславливает ковариантный закон сохранения тензора энергии-импульса – того тензора, который «является источником в уравнениях гравитационного поля».

Итак, теоремы Нётер подводят под геометрию физику, связывая хроно-геометрию с фундаментальным взаимодействием. Но исчерпывается ли этим проблема? Не в полной мере. Остается подспудная неудовлетворенность отсутствием генерального решения согласованности геометрического и физического истолкования пространственно-временных отношений. Вот почему геометрический подход базируется на соображении континуальности (непрерывности): базовая аксиома непрерывности в формулировках Евдокса, Архимеда, Евклида (его алгоритм), Дедекинда, Вейерштрасса и Кантора. Тогда как физический подход опирается на дискретность (прерывности): постулативные требования выполнения принципа причинности в малом – аксиомы условий микропричинности в предельных пространственных $LO \approx 10-33$ см и временных $TO \approx 10-44$ с. интервалах.

Внутри теоретического тела математики антагонизм «непрерывное» (геометрия) – «прерывное» (арифметика) породил затруднение «несоизмери-

мости» (кризис математики в античности), снятое теорией иррациональных чисел в конце XIX в. Вместе с тем универсального механизма блокирования антиномии «прерывное–непрерывное» не выработано. Из чего следует, что деление на физику и геометрию отнюдь не снимается спасительным категориальным триумвиратом пространство-время – гравитация теоремы Нётер; индуцированное кардинальными механизмами организации самой структуры мироздания, оно требует для собственного оправдания (принятия – непринятия) каких-то пока нам неведомых (но явно более содержательных, нежели имеющиеся) эвристических рефлексивных решений. И в этом смысле плодотворной перспективой является синтез общей теории относительности с квантовой механикой, позволяющий развернуть дискретные модели континуально-го-искривленного пространства-времени.

Математические абстракции выступают аллегорическими модельными конструкциями. Тогда как физическая сила – тяготение – в эйдетической репрезентации выводится под видом метрики – искривленного пространства-времени (геометрия). Последняя может выводиться и под видом другой физической силы – ускорения (локальное действие гравитации эквивалентно действию ускорения) – экспериментально обоснованный принцип эквивалентности тяжелой и инертной масс общей теории относительности. Пускаясь в соблазны версификации, последняя может выводиться под видом другой конфигурации: суммы метрики Минковского и «тензорного произведения некоторого изотропного вектора самого на себя» (репрезентация Керра – Шильда) (см.: [там же, с. 182]). Между тем тяготение «как таковое» не есть ни метрика, ни ускорение. Репрезентация физической силы через типы геометрий (риманову или псевдоевклидову) или иную силу – всеохватная метафора *ad gustum*. Нельзя не видеть, что сугубая метафоризация буквально заполняет квантовую теорию поля, допускающую «основное» – невозбужденное квантовое состояние материи, которое в возбуждениях (в планковских масштабах $\Delta E \Delta t \sim \hbar$, $\Delta p \Delta q \sim \hbar$) порождает формы материи в виде виртуальных частиц. Для возникновения из вакуума реальных частиц нужны значительные энергозатраты (для пары электрон–позитрон $E \geq 2mc^2$), источник которых нетропообразно не обозначается. Другая серьезная проблема – внутреннее согласование репрезентирующих действительность метафор.

Как известно, классическая наука оказалась не готовой к инкорпорации в свое лоно идей эволюционизма. Доминировавший статизм исключал развертывание той же эволюционной космологии. Метафора «сохранение» не вступала в продуктивный контакт с метафорой «изменение» (что явилось, кстати говоря, причиной сетования на собственные концептуальные невзгоды Декарта) (см.: [4, с. 197]). Предмет серьезных забот неклассической науки – согласование геометрических и физических принципов представления гравитации. Возьмем основное уравнение ОТО: $R_{ik} - \frac{1}{2} g_{ik} R = k T_{ik}$, $k = 8\pi G/c^4$, где T_{ik} – тензор энергии-импульса материи, g_{ik} – метрический тензор кривизны пространства-времени; R и R_{ik} – скалярная кривизна и свернутый тензор кривизны (тензор Риччи), G – гравитационная константа, C – скорость света. Говоря кратко, «геометрия» пакуется в левую, тогда как «физика» – в правую часть приведенного выше уравнения. Налицо неравноправие, вызвавшее определенное неудовлетворение уже у самого автора формулировки – Альберта Эйн-

штейна. Справедливости ради, надо сказать, что это чувство не искоренено и поныне.

Обратим внимание на очевидное, но ранее не учтенное обстоятельство: развертывание, оправдание знания в апелляции к математическим ресурсам исключает обращение к удостоверительным эффектам «созерцания». Расхожий базовый тезис – между двумя точками в одной плоскости проводится одна кратчайшая линия. Казалось бы, визуализируемое эвидентное утверждение при его продумывании утрачивает черты как визуализируемости, так и эвидентности. Зададимся вопросом: что такое линия? Граница части поверхности или траектория движущейся точки? В рамках элементарной геометрии данные трактовки не получают однозначных формулировок. Кантов подход корреспондирует созерцательно устанавливаемой (вне интуиционистских проблематизаций, влекущих совершенно иную тактику рассуждений) «прямой линии» (для интуиционизма – несбыточной), которая – при выстраивании геометрии в опоре на «расстояние между точками пространства» – оказывается кратчайшим расстоянием между ними. Концептуальными версификациями «прямой линии» выступают ее эйдетические образы (1) на плоскости (с модификациями): $Ax + By + C = 0$, где A, B, C – любые константы, причем A, B одновременно не равны «0»; (2) в пространстве (с модификациями):

а) под видом пересечения двух плоскостей

$$\left. \begin{array}{l} A_1x + B_1y + C_1z + D_1 = 0 \\ A_2x + B_2y + C_2z + D_2 = 0 \end{array} \right\}$$

в) под видом векторной формы

$$(R_1N_1) + D_1 = 0, (R_1N_2) + D_2 = 0.$$

Если концепт «линия» исходно не ограничивается визуализируемой в евклидовом пространстве «прямой линией», дело проецируется как на отчетливо созерцаемые, так и отчетливо несозерцаемые контенты. Упомянем в этой связи параметрические представления линии (1) на плоскости уравнением вида $x = \varphi(t)$, $y = \psi(t)$, где $\varphi(t)$, $\psi(t)$ – произвольные функции, непрерывные на конечных или бесконечных интервалах Δ числовой оси t ; (2) в трехмерном пространстве: $x = \varphi(t)$, $y = \psi(t)$, $z = \chi(t)$, где $\varphi(t)$, $\psi(t)$, $\chi(t)$ – произвольные функции, непрерывные на каком-либо интервале; (3) произвольном топологическом пространстве T : $P = \varphi(t)$, где $\varphi(t)$ функция действительного переменного t , непрерывная на каком-либо интервале, отображаемая на точки пространства T .

Представляется ясным, что при переходе от прямой линии – линии первого порядка – к линиям второго (эллипс, гипербола, парабола), третьего (декартов лист, кубическая парабола, офиурида, строфоида, трезубец и т.д.), четвертого (декартов овал, каппа, кардиоида, конхоида Никомеда, улитка Паскаля и т.д.), высшего (кривая Ламе, синусоидальная спираль) порядка, а также трансцендентным (жезл, квадратриса, трактриса, узорная кривая, цепная линия, спирали, циклоиды и т.д.) линиям, с какими бы то ни было явными сравнениями «прямизны» с «кратчайшим расстоянием между двумя точками пространства» можно распрощаться. Тем более с этим можно распрощаться в эпизодах позиционирования пространств более общего вида, где «прямая» трансформируется в «геодезическую» (в том числе представляющую «кратчайшую линию» на земной поверхности), характер которой описывается в терминах не евклидовой, но внутренней (развитой Гауссом) геометрии. Так, расстояние между двумя точками на поверхности уточняется в рассматриваемом здесь

примере как «минимум длин кривых, лежащих на поверхности и соединяющих эти точки» (см.: [5, с. 123]).

Кратчайшим расстоянием между двумя точками на поверхности может быть не прямая, – всё в данном случае зависит не от визуальных, а эйдетических конфигураций, подводящих к квалификации кантовых лобовых сцепок геометрических сценографий с созерцаемым порядком вещей в качестве легковесных и неоправданных; многообразие геометрических образов не может быть предвзято покрыто навязчиво универсализируемой линейной геометрией.

Список литературы

1. Нётер Э. Инвариантные вариационные задачи // Вариационные принципы механики. М.: Физматгиз, 1959. С. 611–630.
2. Визгин Вл.П. Развитие взаимосвязи принципов инвариантности с законами сохранения в классической физике. М.: Наука, 1972. 240 с.
3. Философские проблемы оснований физико-математического знания. Киев: Наукова Думка, 1989. 230 с.
4. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.
5. Математический энциклопедический словарь / гл. ред. Ю.В. Прохоров. М.: Сов. Энциклопедия, 1988. 847 с.

METAPHORIC REDUCTION IN KNOWLEDGE: ESSENCE AND FORMS

H.I. Mingulov

Samara State University of Economics, Samara

The paper is aimed at discussing the question of the validity of metaphorical reduction in science. Comparing the geometric and physical interpretation of space-time relations, the author concentrates attention on the theoretical difficulties that arise in this connection in mathematics. In the context of these difficulties understanding, the author analyzes Noether's theorems where the geometry is «fed» by physics thereby linking the geometric description with the fundamental interaction.

Keywords: *mathematics, science foundations, foundation of knowledge, reduction, knowledge.*

Об авторе:

МИНГУЛОВ Хамзя Ильясович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: mingulov@sseu.ru

Author information:

MINGULOV Hamza Ilyasovich – PhD (Physics and Mathematics), Ass. Prof. of the Dept. of Philosophy, Samara State University of Economics, Samara. E-mail: mingulov@sseu.ru

УДК 141.2

ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ

А.Ю. Некрасова

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», г. Орёл

Статья посвящена вопросам применения технологий виртуальной реальности. Предложен анализ использования указанных технологий в различных областях деятельности человека. Рассмотрены перспективы дальнейшего внедрения VR-технологий в разных отраслях.

Ключевые слова: виртуальная реальность, технологии виртуальной реальности, моделирование, визуализация.

Начиная с конца XX в. можно наблюдать растущий исследовательский интерес к вопросам виртуальной реальности (VR). Изначальная задумка виртуальной реальности принадлежит основоположнику компьютерной графики И. Сазерленду, который заявлял, показывая на дисплей компьютерного монитора: «Не думайте об этом как об экране монитора, думайте об этом как об окне – окне, через которое каждый может заглянуть в виртуальный мир. Основной задачей компьютерной графики является создание виртуального мира, реально выглядящего, реально звучащего, мира, где перемещения и реакции на воздействия происходят в реальном времени, мира, который ощущается реальным» [6, р. 507]. В настоящее время виртуальная реальность может рассматриваться как действительность, опосредованная компьютерными технологиями (А. Бюль, М. Вейнштейн, А.И. Воронов, А. Крокер, Дж. Ланье и др.). «Процесс замещения с помощью компьютеров реального пространства – как места воспроизводства общества – пространством виртуальным А. Бюль называет виртуализацией» [3, с. 1.]

Несомненно, бурный прогресс технологий виртуальной реальности коснулся разнообразных сфер деятельности человека. К примеру, растущее воздействие означенных технологий на жизнедеятельность людей подчеркивает виртуальная психология, как новое развивающееся направление психологии. На сегодняшний день технологии виртуальной реальности активно используются в различных областях человеческой деятельности: конструировании и дизайне, добыче полезных ископаемых, военных разработках, строительстве, разработке тренажеров и симуляторов, маркетинге и рекламе, индустрии развлечений и т. д.

Следует подчеркнуть, что под технологиями виртуальной реальности необходимо понимать следующее: технология виртуальной реальности – это актуализация разных предположительных сред и ситуаций, не существующих реально и вероятных как варианты развития реальных аналогов систем реального мира. Данная технология дает возможность управлять виртуальным объектом способом моделирования законов пространства, времени, взаимодействия и инерции.

Применение компьютеров позволило, по мнению отечественного ученого А.И. Воронова, называть виртуальную реальность «кибернетическим пространством», при полном погружении в которое «техническими средствами достигается практически полная изоляция от внешнего мира» [1, с. 184]. Данная трактовка еще раз характеризует рассматриваемую систему как созданную за счет технических устройств.

Исследователь и родоначальник практического рассмотрения ВР-технологии Д. Ланье использует термин «визуализация», чтобы подчеркнуть возможность просмотра большого количества имитаций виртуальной реальности. Д. Ланье подчеркивает коммуникативный аспект технологий. По его мнению, технология является предпочтительной лишь в том случае, если способствует взаимодействию людей, например общению.

В настоящее время широко рассматривается влияние технологий виртуальности реальности. Исследователь в данной области И.Г. Корсунцев описывает технологическую составляющую, подчеркивая ее интенсивное развитие и усовершенствование. В связи с этим предметом изучения выступает воздействие на человека, которое может сказываться самым непредсказуемым образом. Он пишет: «Виртуальные технологии, по нашему мнению, потенциально могут быть использованы и в качестве, например, оружия, аналогично ядам, взрывчатым веществам, ядерному оружию и тому подобному, посредством создания искусственным путем ложной ситуации, неадекватной требуемому поведению человека в заданных условиях» [4, с. 30]. Под подобными технологиями исследователь имеет в виду современные формы виртуальной реальности, характеризующиеся массовостью, большой производительностью в продуцировании новых ВР и принципиально высокой интенсивностью их изменений. Таким образом, И.Г. Корсунцев подмечает тот факт, что явление виртуальной реальности связано с достижениями в развитии технического аспекта в сфере виртуального: «В последнее время расширение сферы виртуального бытия, наряду с развитием новых технологий, является благоприятной средой для создания новых учений, религий, мифов, которые все более и более овладевают человеком» [4, с. 39]. Так, например, компьютерное моделирование в медицине позволяет рассчитать последствия хирургической операции. Подобные имитационные модели имеют шансы применяться как в образовательных, так и в развлекательных целях. Усовершенствование моделей, основанных на инновационных методах имитационного моделирования, достигает степени сложности ВР-системы.

Рассматривая современное состояние технологий виртуальной реальности, интересным представляется процесс погружения в виртуальный мир с применением для этого нужных технологий. Под данными технологиями подразумевается применение компьютерного моделирования и компьютерной имитации, которые выступают в сочетании с ускоренной трехмерной визуализацией. Это явление подробно описывает исследователь С.В. Клименко в статье «Актуальные информационные технологии: визуализация информации, виртуальное окружение, неогеография, осязаемые изображения». Он указывает на механизм воздействия виртуальной реальности на человека: «Визуальное погружение достигается за счёт создания стереоэффекта наблюдаемой искусственной сцены и визуальным экранированием реальной среды, в которой находится пользователь. Для добавления звукового впечатления обычно ис-

пользуется синтезированный звук, синхронизированный с видеoinформацией» [5, с. 15]. В настоящее время разработчики в этой области предлагают помимо визуализированного и звукового образа еще и осязательный. Специальные сенсоры и датчики устройства помогают погрузиться в предоставленную среду как реальную. Описанная схема применения средств разработок технологий виртуальной реальности усовершенствуется с каждым разом. Сегодня набирают популярность специальные гаджеты, используемые при различного рода манипуляциях. К примеру, пользователям предлагается широкий выбор манипуляторов виртуальной реальности: кольца, браслеты (размещение разных элементов тела и объектов для управления и действий в виртуальном пространстве), оружие в виртуальной реальности (виртуальные пистолеты, винтовки) и др.

Можно отметить, что усовершенствование характеристик оборудования, предназначенного для систем виртуальной реальности, а также промышленное (не лабораторное) изготовление подобного оснащения позволило уже в конце XX и начале XXI в. приступить к применению технологий виртуальной реальности с целью медико-биологических и психологических исследований.

Пожалуй, именно в медицине, а если быть точнее – хирургии, технологические процессы ВР находят наиболее обширное использование. Это очевидно, так как трудно найти иную область медицины, в которой визуализация и реакция на действия врача играют ещё более важную роль. В практических целях используют чаще всего так называемый «рабочий материал», или виртуальный тренажёр, который реагирует на различного рода манипуляции. Например, в Стэнфордском университете применяются программно-аппаратные комплексы, позволяющие врачу лучше ориентироваться в ситуации. Работая с числовыми моделями органов человека, в виртуальной среде, копирующей настоящее, ранее состоявшиеся хирурги упражняются осуществлять тонкие и сложные процедуры. Это помогает повысить достоверность действий врача, уменьшить вероятность погрешностей и послеоперационных осложнений. К тому же в некоторых случаях требуется применять довольно редкие виды вмешательства, с которыми многие рядовые врачи не сталкивались. Виртуальные технологии позволяют уже сегодня применять робохирургические установки – телехирурга и микрохирурга.

Применение технологий виртуальной реальности в сфере образования является наиболее перспективным направлением развития. Разрабатываются программы на основе технологий виртуальной реальности, нацеленных на работу с детьми и взрослыми с особенностями развития. Считается, что использование ВР-технологий может стать эффективным дополнением в процессе реабилитации и обучения пациентов с целым комплексом расстройств. К примеру, исследователем Д. Стентоном сконструировано специальное игровое поле, оснащенное различными виртуальными инструментами. Если необходимо, то каждый желающий может добавить и расширить игровое пространство, используя при этом технологию очков ВР с функцией внедрения объектов. Ю.П. Зинченко в статье «Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы» пишет: «Расширение игрового пространства и введение в него дополнительных элементов (например, дорожного перехода, оживленной улицы с пешеходами и т. п.) дает таким детям возмож-

ность обучаться адекватному поведению и приобретать навыки наиболее безопасным способом» [2, с. 2].

Технологии виртуальной реальности активно внедряются и в сферу искусства. Действующий в настоящее время музей Сальвадора Дали в Сент-Питерсберге (штат Флорида, США) дает возможность свои посетителям «попасть внутрь» известнейших произведений. В качестве основы взяли популярное полотно испанского мастера «Археологический отголосок Анжелюса Милле» (1935 г.). Труд многочисленных художников, аниматоров, специалистов по техническому оснащению позволил создать виртуальный шлем Oculus Rift, при помощи которого любой желающий сможет оказаться внутри знаменитого полотна. Технологии виртуальной реальности в настоящее время позволяют, не выходя из дома, побывать в самых разнообразных уголках Земли. Сегодня популярностью пользуются туры в Институт искусства Курто в Сомерсет-Хаус (Лондон), Музей истории города Мончегорска и т. д. Ведущие мировые создатели уже анонсировали несколько увлекательных проектов, которые, без сомнения, выведут VR-путешествия на новый, еще более поразительный уровень.

Особый интерес для музеев при применении ВР-технологий представляет вероятность перенесения желающих во времени и пространстве. При этом тщательно реконструируются окружение, события и характерные черты конкретного периода истории (Roussou, Efraimoglou, 1999). Одним из последних примеров применения ВР-технологий считаются интерактивные иммерсивные (создающие результат погружения за счет использования не только видеоряда, но и ароматов, стереозвука и специализированных сенсорных тактильных перчаток) технологии для детей и подростков, например, исторические проекты Foundation of the Hellenic World (FHW) (культурно-историческая реконструкция центральной части древних Афин площадью около 35 000 м²), Magical World of Byzantine Costume, культурно-историческая реконструкция древнего города Милет (Roussou et al., 1999).

В Российской Федерации технологии виртуальной реальности часто именуют как сверхсовременные технологии, которые несут в себе просто невообразимый потенциал возможностей. Для финансирования стартапов, развивающих технологии виртуальной реальности был создан венчурный фонд Игоря Лутца и Георгия Тушинского под названием VRTech. В настоящее время одни из самых востребованных технологий виртуальной реальности в России подразделяются на следующие категории:

1. Виртуальные тренажеры. Данная технология даст возможность быстро и результативно формировать нужные навыки у военнослужащих, космонавтов и рабочих сложных производственных комплексов.
2. Обучение технике безопасности. Теперь все внештатные ситуации на различных конструкциях будут смоделированы в виртуальном пространстве – это высокоэффективная профилактика множественных травм и несчастных случаев.
3. Промышленный дизайн. Стало доступным в 3D-пространстве дать оценку стойкости тех или иных производственных конструкций.
4. Архитектура. Конструирование общественных пространств выйдет на абсолютно новый уровень. Можно будет в реальном времени вводить необхо-

димые изменения в конструкцию пространства вместе с дизайнерами и архитекторами из любых уголков земного шара.

5. Виртуальные демонстрации. Визуально показать возможности новой модели автомобиля – лучше и не придумаешь. Потенциальный потребитель сможет не только виртуально изучить салон желанного авто, но и прокатиться по виртуальным трассам с различным покрытием.

6. Путешествия и отдых. Возможные клиенты туристических агентств и авиакомпаний могут в VR-пространстве посетить самые впечатляющие уголки всемирно известных курортов.

7. Панорамные трансляции. Зрелищность футбольных и хоккейных матчей возрастёт в разы. Даже сидя дома, фанаты спорта смогут надеть 3D-шлемы и оказаться в самом центре событий.

8. Парки виртуальной реальности. Подойдут для совместного прохождения 3D-игр сразу большими группами геймеров. Это выведет реалистичность квестов на новый уровень.

9. Киберспорт и онлайн-игры. Самые передовые концепции наблюдения перемещений позволят игрокам реально ощутить себя на поле боя, заставят развивать своё физическое тело во время преодоления различных препятствий в VR-пространстве.

В качестве уже реализованного и действующего проекта применения технических процессов виртуальной реальности на территории Российской Федерации следует упомянуть АО «Росатом». С целью успешной постройки энергоблоков атомной электростанции был нужен механизм, который улучшал бы процесс строительства: осуществлял подробное моделирование проекта производства работ, изменял очередность операций в зависимости от графика поставок подрядчиков и субподрядчиков и уменьшал риски и последствия задержек. Подобным прибором стала система виртуальной реальности типа VE CADWall, включающая большой плоский экран и ряд проекторов, выводящих бесшовное изображение в 3D-формате в масштабе 1:1. Концепция интерактивного взаимодействия гарантирует наблюдение передвижения человека перед виртуальной сценой, а костюм и перчатки виртуальной реальности дают возможность взаимодействовать с виртуальными предметами: отрабатывать процессы сборки, предоставления увязки, собираемости и взаимозаменяемости элементов. В настоящее время данная концепция применяется с целью обслуживания и контроля процесса строительства АЭС, а также для обучения персонала и презентаций.

Инновационные технологии виртуальной реальности и 3D-визуализации фактически считаются элементной базой для создания новейших поколений мультимодальных человеко-компьютерных интерфейсов, которые дают возможность создавать тренажеры, симуляторы, интерактивные обучающие виртуальные среды, виртуальные прототипы и т. д.

Таким образом, технологии виртуальной реальности в настоящее время стоят на пороге большого прорыва, и описанные успешные эксперименты виртуальных путешествий отлично демонстрируют это. Применение технологий виртуальной и дополненной реальности нацелено на улучшение уже имеющихся компьютерных технологий проектирования.

Список литературы

1. Воронов А.И. Философский анализ понятия «виртуальная реальность»: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1999. 22 с.
2. Зинченко Ю. П. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы // Национальный психологический журнал. 2010. Т. 2. № 4. С. 64–71.
3. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 96 с.
4. Корсунцев И.Г. Особенности виртуальной реальности // В мире современных научных мифов. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 21–45.
5. Клименко С.В. Актуальные информационные технологии: визуализация информации, виртуальное окружение, неогеография, осязаемые изображения // 23-я международная конференция по компьютерной графике и зрению «ГРАФИКОН'2013». Труды конференции. Институт автоматизации и процессов управления ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет. 2013. М.: Графикон, 2013. С. 13–19.
6. Sutherland, I.E.: The Ultimate Display // Proceedings of IFIP Congress, Washington, D.C., 1965. P. 506–508.

VIRTUAL REALITY TECHNOLOGY AND THEIR APPLICATION

A.Yu. Nekrasova

Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel

The article examines the application of virtual reality technology. On the basis of the analysis of the use of these technologies in different fields of human activity, the prospects for further implementation of VR technologies in various industries are studied.

Keywords: *virtual reality, virtual reality technology, modeling, visualization.*

Об авторе:

НЕКРАСОВА Анастасия Юрьевна – аспирант кафедры логики, философии и методологии науки, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орёл. E-mail: anastasnekrasova@yandex.ru

Author information:

NEKRASOVA Anastasia Yurievna – PhD student of the Dept. of Logic, philosophy, and methodology of science, Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel. E-mail: anastasnekrasova@yandex.ru.

УДК 101.9:001.12/18;070:001.12/18

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ЗАЩИЩЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИЧНОСТИ С МЕДИАСРЕДОЙ

А.С. Горбунов

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва

Взаимодействие личности с медиасредой в информационном массовом обществе содержит в себе не только широкие возможности, но и ряд угроз для развития личностных характеристик. Насущной задачей становится поиск актуальных форм выстраивания личностно безопасного взаимодействия человека со средствами массовой коммуникации. Предпосылкой успеха построения подобной модели является раскрытие всей степени соответствующей опасности, которой подвергается личность. Процесс социализации в современных условиях с необходимостью должен сопровождаться, с одной стороны, ограждением личности от негативной части информационных воздействий, с другой – включением в процесс социализации личности элементов «информационного образования», направленных на повышение личностно-субъектного уровня информационной безопасности. В сложившихся реалиях это является необходимым условием для формирования сознательной, волевой, свободной, индивидуальной, мировоззренчески цельной личности, складывания человеческого капитала, успешности общества и государства.

Ключевые слова: *средства массовой коммуникации, общество, личность, медиасреда, взаимодействие, безопасность, формирование, модель, медиapoвeдeниe, свобода, человеческий капитал.*

Рассматривая социальность как одну из базовых составляющих личностного бытия, мы с необходимостью должны учитывать параметры информационного массового общества, создающего определенное пространство для жизни современного человека.

Таким пространством сегодня является медиасреда – та особая сфера созданной самим человеком «второй природы», которая становится, по существу, всеохватной с наступлением эпохи массовых коммуникаций. «Медиасреда – это то, что нас окружает повседневно. Это совокупность условий, в контексте которых функционирует медиакультура, то есть сфера, которая через посредничество СМК [средств массовой коммуникации. – А.Г.] связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует те или иные нравственно-эстетические ценности, оказывает идеологическое, экономическое или организационное воздействие на оценки, мнения и поведение людей. Словом, влияет на социализацию личности» [4, с. 11].

Очевидно, что общение с медиасредой, вхождение в нее осуществляется посредством многочисленных, многовидовых многофункциональных СМК, сопровождающих ныне каждого, начиная с самых ранних лет жизни.

И если ряд авторов, в частности цитированный выше, констатирует «влияние медиасреды на социализацию личности», то, рассматривая вопрос с учетом роста возможностей СМК, стоит говорить о невозможности в совре-

менных условиях полноценной социализации вне медиасреды. В свою очередь, погружение в медиасреду, воспроизводимую в ходе деятельности ее поливидового, многоликого субъекта (СМК), содержит в себе ряд угроз, связанных с деструктивным влиянием масс-коммуникационного воздействия на личность.

Следует заметить, что сегодня утверждение о насильственных, шире – несущих угрозу личности воздействиях со стороны СМК в социальной философии почти не оспаривается, что является заметным продвижением с точки зрения общего понимания проблематики. При этом её обсуждение становится несколько более затруднительным, когда речь заходит о конкретизации разрушительных тенденций и проявлений, не только несущих опасность, но и могущих поставить под сомнение само личностное бытие человека. Самым же затруднительным моментом является переход от негативных оценок и определений к поиску возможностей продуктивного и безопасного общения человека с медиасредой. Стоит согласиться со следующим утверждением: «Сегодня сложно найти такого читателя, слушателя или зрителя, который бы не имел представления о том, что средства массовой информации могут использоваться для манипуляции его сознанием. Однако одного только знания о существовании технологий манипуляции недостаточно для выработки собственной стратегии потребления информации» [5].

Как представляется, для выработки любой действенной стратегии необходимы базовые принципы (принцип), на которых она могла бы быть построена и от которых она могла бы отталкиваться в своем развитии.

Кроме того, никакая стратегия не может быть жизнеспособной в том случае, если она не содержит в себе внутреннего стимула, т. е. той побуждающей и четко представляемой идеи, которая подталкивала бы участников исполнения стратегии к ее реализации.

В случае взаимодействия личности с медиасредой такой стимул выглядит вполне очевидным. Личность «кровно заинтересована» в установлении безопасных способов вхождения в медиасреду и нахождения в ней, т. е. в создании личностно-безопасной модели взаимодействия с медиасредой. В отсутствии подобной модели личность, с учетом совокупных возможностей СМК и характера распространяемого информационного содержания, в слишком многих случаях ожидает крах, что в итоге может привести к разрушению и исчезновению самого рода личностного бытия, а следовательно, и человека, как человека разумного.

Медиасреда – это океан возможностей, но, как и физический океан, – океан угроз. Нахождение в нем требует достаточно полного вовлечения всей личностной структуры (начиная с сознания) и взаимодействия её с масс-коммуникационной, информационной стихией.

Трудно себе представить кого-то, кто оправится в океаническое плавание, не имея навыков навигации, управления судном, компаса и иных навигационных приборов, систем защиты от непогоды, навыков к плаванию, радиосвязи, спасательных средств и многого другого, что помогает успеху путешествия.

Однако бездумное погружение современного человека в медиасреду напоминает именно такой фаталистический способ движения в потоках массовой информации. Подобную модель поведения необходимо оценивать как ар-

хаичную, неоправданную и внеразумную. Она имеет своим источником недостаточное понимание тех опасностей, которые может содержать в себе медиасреда. Это происходит по причине того, что данные опасности относятся к разряду ментальных (духовных) и носят по своим последствиям, как правило, отложенный характер. Более того, проникновение опасного информационного содержимого в структуру личности зачастую сопровождается эксплуатацией гедонистического начала и может носить «наркотизирующий» характер.

Так не менее умеющему плавать человеку довольно легко понять всю степень недопустимости собственного заплыва по глубокой воде. Более того, он ощущает невозможность такого действия на уровне базового инстинкта самосохранения.

Вместе с тем, не имея ни классического фундаментального уровня знаний, ни того, что религиозная традиция называет «духовным опытом», ни практического навыка безопасного взаимодействия с медиасредой, он «отважно» бросается в «информационные волны» (включает телевизор, идет при помощи смартфона или компьютера в интернет, слушает радио, читает прессу и массовую книгу) и жадно глотает, впускает в себя информационные потоки и массивы.

По существу, одним из условий сохранения личности, а соответственно и общества сегодня является создание практического навыка безопасного взаимодействия личности с медиасредой. Разумеется, это невозможно без работы по осмыслению основ такой безопасности.

Основы эти могут быть, как видится, выявлены, с одной стороны, в результате наложения контура личностной духовной безопасности, существующего в системе традиционных ценностей, на модус существования человека в информационном массовом обществе, с другой – в результате потребности сохранения составляющих личности.

По сути, речь идет, во-первых, о выработке критерия, с которым общество должно подходить к деятельности СМК с целью обеспечения безопасности личности. Во-вторых, о комплексе мер, направленных на такое формирование личности, которое предполагало бы усвоение навыка безопасного взаимодействия с медиасредой. Такой навык, как представляется, становится на нынешнем этапе социального развития необходимым элементом образовательного воспитательного процесса и впоследствии сможет найти себе место в современном образовательном стандарте.

Если рассуждать о первом из названных направлений, т. е. о выработке критерия или комплекса условий, выполняя которые СМК делает свою деятельность безопасной для личности и, следовательно, приемлемой для общества, то здесь мы возвращаемся к области правового регулирования, а также к вопросу завершения институализации СМК. При этом, несомненно, ценности и знания, зафиксированные в традиционном духовно-религиозном опыте, в нормах морали, оформившие раскрытие человека как личности и ставшие вместе с тем содержательным источником всех имеющихся на нынешний момент значимых правовых систем, смогут быть использованы для построения указанного критерия.

Разрабатывая систему правовых норм, направленных на оптимизацию взаимодействия личности с медиасредой, следует помнить о том правиле наилучшего соответствия морали и права, которое было предложено И.А.

Ильиным в его «Общем учении о праве и государстве»: «Отношение между правом и моралью может слагаться правильно и неправильно. *Правильное* отношение между ними существует тогда, когда право, не выходя из своих пределов, *согласуется по существу* с требованиями морали и является для нее подготовительной ступенью и поддержкою; а мораль, со своей стороны, служа для права высшим мерилom и руководителем, *придает правовым велениям* то глубокое значение и ту *обязательную силу*, которая присуща нормам морали. Это бывает, следовательно, тогда, когда право, с одной стороны, предписывает людям такое внешнее поведение, которое может быть одобрено и совестью» [3, с. 91].

Отсюда можно сделать вывод о том, что необходимые параметры воздействия на личностные составляющие со стороны СМК должны быть согласованы с комплексом морально-этических норм, имеющих, в свою очередь, глубинную метафизическую основу, закреплённую в кодексе традиционных ценностей и транслированную в систему общего права.

Существует запрос на такую сложную правовую работу, которая, не стесняя свободы прессы, сумела бы предложить тот набор юридически обязывающих правил, которые избавили бы объект масс-коммуникационных воздействий (личность) от разрушительных последствий их негативного информационного влияния. Конкретизация таких правил может осуществляться на основе понимания характеристик и форм деструкции личности, происходящей в результате негативного опыта взаимодействия с СМК. То есть правоведа, а впоследствии и законодателю в настоящем случае предстоит попытаться облечь в соответствующие формулы предотвращение таких явлений, как замещение и отчуждение содержания сознания личности, расщепление её самосознания, вторжение в подсознательное, подавление личностной воли, лишение личности индивидуальности, ограничение ее свободы, навязывание установки, мотива действия и потребности, навязывание мировоззрения. Стоит признать, что данная задачу нельзя отнести к разряду легкоразрешимых, однако чем более усиливают свое влияние СМК, интенсивно «перестраивая» формы социального бытия, тем более актуальной она становится.

Вместе с тем сама по себе правовая защита, даже будучи выстроенной, не сможет полностью обеспечить безопасность личности в ходе ее взаимодействия с медиасредой. Процессы, идущие в масс-коммуникационной сфере, отличаются большой динамикой, гибкостью, скоростью и каждый шаг их развития порождает новые формы взаимодействия с человеком. Поэтому даже приближенное к совершенству правовое сопровождение отношений личность-СМК, будучи созданным, порой не сможет «успевать» за новыми угрозами.

Кроме того, нам известно, что любая (в том числе максимально зарегулированная) форма жизнедеятельности всегда предполагает разумную активность со стороны личности. Иначе не помогут никакие совершенное право и система правоприменения. Разумеется, до известного предела такой «правовой каркас» будет поддерживать социальные формы жизни от распада, однако без активности самих участников социальных отношений социальное благополучие станет кажущимся, внешним и недолгим.

И здесь стоит вспомнить о втором и, вероятно, ключевом (особенно с учетом нереализованности первого) из упомянутых аспектов складывания модели личностной безопасности в медиасреде. Он касается транслирования

личности соответствующего навыка, способа, умения взаимодействия с медиасредой на этапе ее формирования.

Обществу еще только предстоит понять, насколько важным элементом воспитания подлинно полноценной, свободной и независимой личности должно стать транслирование в ходе образовательного, воспитательного процесса того, что можно было бы назвать «информационной грамотностью». То есть такого знания, которое обеспечило бы любому участнику масс-коммуникационного процесса «активную защиту» его личности.

Не менее важным является и осознание подобной необходимости на личностно-индивидуальном уровне. Новое знание должно быть востребовано. Только в этом случае оно станет предметом органичного, «живого» усвоения, что обеспечит его эффективность.

Пожалуй, исходной отправной точкой к подобному восприятию насущности «информационной грамотности» со стороны общества и личности может стать осознание всей глубины катастрофы, которая ожидает человека в случае его небрежения к потенциальным опасностям бездумного вхождения в медиасреду.

Побудительный мотив к обретению навыка общения с масс-коммуникационными потоками может быть, по сути, таким же, каким Т. Гоббс видел побудительный мотив к построению общественно-государственной жизни в целом. Когда желание человека выжить и улучшить свою жизнь побуждает его разум формулировать естественные законы, некие требования истинного разума. «Естественный закон, *lex naturalis*, есть предписание, или найденное разумом (*reason*) общее правило, согласно которому человеку запрещается то, что пагубно для его жизни или лишает его средств к ее сохранению, и пренебрегать тем, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни» [1, с. 98].

Первой целью «информационного образования» должно стать раскрытие перед аудиторией всей полноты опасности, содержащейся в ненормированном с точки зрения личностной безопасности и неопределяемом с позиций объективного знания взаимодействии личности с медиасредой.

Человеку в максимальной полноте должно быть предоставлено знание о том, насколько серьезные угрозы содержат в себе определенные аспекты деятельности современной системы СМК в совокупности с пассивным вовлечением в эту деятельность в качестве неподготовленного потребителя информационного, масс-коммуникационного продукта.

В результате системной трансляции подобного знания одна из базовых потребностей человека – потребность в безопасности – должна будет органично дополниться новым актуальным уровнем, связанным с информационной безопасностью.

Только на основании определенной подготовки, узнавания принципов воздействия СМК на ее узловые структурные элементы личность сможет сформировать предпосылки для выведения на новый, более качественный уровень того, что некоторые из исследователей массовой коммуникации называют термином «медиаповедение». Так, утверждается, что в результате взаимодействия с СМК складывается определенный образ мышления и действий человека, называемый «медиаповедением». «Медиаповедение – это опосредованная система психических, физических и социальных действий индивида

или сообщества, сложившаяся в результате их взаимодействия с медиасредой, направленная на самореализацию личности и удовлетворение ее информационных и коммуникативных потребностей» [2].

Следует отметить, к вопросу повышения «информационной грамотности», как к одной из основ формирования модели защищенного взаимодействия личности с медиасредой, можно подходить по-разному.

Так, в частности, существует искушение ограничиться тем уровнем, который предлагает сама существующая структура образовательного процесса. Как известно, немалое место в ней сегодня занимает дисциплина «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ). Несомненно, именно здесь возможен первичный комплекс действий, связанный с дополнением программ дисциплины аспектами, касающимися информационной безопасности личности в условиях массового информационного общества. На этом начальном уровне могли бы складываться представления об основных опасностях, возникающих в ходе воздействия СМК на личность, а также усваиваться рекомендации, своего рода «методики» по преодолению либо избеганию таких опасностей.

Однако названный первичный уровень формирования личностной информационной безопасности раскроет свой потенциал эффективности в полном объеме только в том случае, когда осуществится его интеграция в комплексный многоаспектный процесс формирования сознательной, волевой, свободной, индивидуальной, мировоззренчески цельной личности, что станет одним из необходимых условий умножения и развития человеческого капитала, который, в противном случае, рискует при всех усилиях стать ущербным.

Понимание выбора этого пути в качестве целеполагания развития личности сможет обеспечить стратегический успех социума, а соответственно и успех государства в сложных реалиях, характеризующихся нарастающей нестабильностью на фоне неуклонно идущих процессов глобализации и информатизации. Стоит согласиться с такой оценкой: «В условиях становления общества знания приоритетными становятся этико-аксиологические аспекты мира личности, где ценности, сопряженные с идеалами, нормами и знанием, рассматриваются как нравственно значимые представления, актуализируемые новыми социальными и культурными реалиями нового типа информационного общества» [6, с. 22].

В конечном счете именно общество, состоящее из высокоразвитых, сильных, свободных личностно-состоятельных граждан, объединенных общим аксиологическим рядом (мировоззренческие начала, отстроенные на базовых традиционных ценностях), станет занимать лидирующие и независимые от негативных трендов позиции, опережая те конкурирующие цивилизационные образования, где сочтут допустимым обойти вниманием угрозу личностной деструкции, отнесутся с пренебрежением к такому вложению в человеческий капитал, как информационная защита личности,

Список литературы

1. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. / сост. В.В. Соколов; пер. с латин. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана. М.: Мысль, 1989–1991. Т. 2. 735 с.

2. Жилавская И.В. Медиаповедение личности. Обретение смысла [Электронный источник] // Электрон. науч. журн. «Медиаскоп». 2011. №2. URL:<http://www.mediascope.ru/node/786>
3. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 510 с.
4. Кириллова Н.Б. Медиасреда российской модернизации. М.: Академический Проект, 2005. 400 с.
5. Нерсесова Т.Е. Аксиологическая основа медиаконтента как способ формирования субъективного восприятия культурных ценностей общества и их оценки [Электронный ресурс] // Электрон. науч. журн. «Медиаскоп». 2011. №2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/835> (дата обращения: 19.11.2016).
6. Фашенко А.Н. Конституирование мира личности: информационно-аксиологический аспект // Вестник Московского областного университета. Сер. Философские науки. 2012. №2. С. 21–24.

ON THE FORMATION OF AN INDIVIDUAL'S SECURE INTERACTIONS WITH THE MEDIA ENVIRONMENT MODEL

A.S. Gorbunov

Moscow State Regional University, Moscow

The interaction of an individual with the mass media environment in the information society contains not only opportunities, but also threats for the personal development. Providing forms of building safe personal interaction with the media should be considered the urgent task. A prerequisite for the success of constructing such a model is the disclosure of the dangers spectrum faced by a person. Under the existing circumstances, the personal socialization should be accompanied, on the one hand, by the protection of the individual from negative information effects and, on the other, by the inclusion in this process of «information education» aimed at improving personal-subjective level of information security. In the current situation, this is a necessary condition for the formation of a conscious, willed, free, individual endowed with a personal world outlook, as well as for the human capital formation contributing to the success of the society and the state.

Keywords: *mass communication, society, personality, social media, interaction, safety, formation, model, mediapointe, freedom, human capital.*

Об авторе:

ГОРБУНОВ Александр Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, Москва. E-mail: gorbunofff@list.ru

Author information:

GORBUNOV Alexander Sergeevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of Moscow State Regional University. E-mail: gorbunofff@list.ru

УДК 17.177

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС ТЕРРОРИЗМА

Е.А. Евстифеева, Л.В. Удалова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассматриваются социально-философские воззрения Ж. Бодрийяра, С. Жижека, К. Шмитта, Дж. Агамбена на решение проблемы морального оправдания насилия и терроризма. Выводы неутешительны, терроризм стал модальностью современного мирового социального существования. Доктрина терроризма органично вписывается в существующий порядок вещей, в «немирное», в глобализм, политико-правовые компоненты мировой системы, право на насилие, что несет в себе внутреннюю катастрофу и гибель.

Ключевые слова: *эпоха терроризма, насилие, глобальное, чрезвычайное положение, моральная проблема оправдания насилия.*

Терроризм – эпохальное явление XXI в.. Наследуя от XX в. такие характерные черты, как экстремальные векторы развития мировой цивилизации, разрушение традиционных этосов и этносов, острые социальные конфликты глобального и локального уровней, неразрешимые противоречия социального и личностного, публичного и приватного, гражданского и государственного и т. д., современность «экзистировать» в таком наличном способе социально ориентированного бытия, когда доминирующей становится идея и миссия безграничного, беспредельного, нелегитимного, цепного насилия, а каждый человек становится заложником и потенциальной жертвой этого процесса. Прямое или косвенное соприкосновение с актами террора, осознанное и аффективное переживание ближайших и отдаленных его последствий инициировано наступившей эпохой вовлеченности и технологически практиками мобильности, которые навязывают произвольную глобальную социальную интегрированность, такую социальную экспансию, когда благодаря медиа и информационным технологиям, зомбирующим когнитивно-ресурс человека, он оказывается живущим на порожаемой терроризмом волне аффекта и с непосредственной перспективой лишения жизни. Первопричины масштабности современного терроризма, экстремизма, преступного насилия заключены также в том, что мировая финансово-спекулятивная модель экономики, родившая монстра – потребителя с неумными потребительскими инстинктами спровоцировала вселенский бунт против насаждения псевдоценностей и множественных имитаций цивилизационных смыслов и значений.

Соппротивление террору как критический поиск его многообразных причин, зрелое мышление, рациональная аргументация, подрывающая основные позиции и основания идеологии терроризма, предстают как философский способ борьбы и возмездие с позицией Абсолютного Зла и с отрицанием мирового гуманистического порядка. Учитывая множественность значений понятия «терроризм», его междисциплинарную многомерность, будем считать, что концептуальному ядру понятия «терроризм» релевантны

понятия «насилие», «агрессия», «конфликт», «идеология», «страх». Будучи производным от понятия «террор», понятие «терроризм» имеет пейоративный смысловой оттенок. Будем также ориентироваться на современный социально-философский дискурс Ж. Бодрийяра, С. Жижека, К. Шмитта, Дж. Агамбена, которые оперируют понятием «терроризм» с определенной концептуальной целью. Разъясним их полемические аргументы, которые выдвигаются вокруг моральной проблемы политического и неполитического насилия.

Ж. Бодрийяр соизмеряет явление терроризма с глобальным символическим событием, символическим насилием, символическим вызовом и ударом по самой глобализации и наличному мировому порядку. Обостряя наличный порядок вещей, определенную логику насилия и неуверенности, в своей крайности и запредельной мощи терроризм как саморазрушение и самоубийство инспирировал «то насилие, которое захлестнуло весь мир, а следовательно, инспирировало то террористическое воображаемое, которое без нашего ведома живет в каждом из нас» [1, с. 96]. Философ размышляет о том, что сама мировая система способствует разгулу и масштабному развороту терроризма. Такие её условия, как внутренняя непрочность, централизация на глобальном уровне, единая сеть, усиленный технологический эффект, запустили вселенский катастрофический процесс. Категоричность террористического деяния предстает как невозможность обмена. Ж. Бодрийяр настаивает: «Терроризм – акт восстановления непокорной единичности в самом сердце системы обобщенного обмена. Все сингулярности (племена, отдельные личности, культуры), которые заплатили смертью за установление глобального оборота всего и вся, управляемого единственной властью, сегодня мстят за себя с помощью террористического разворота» [1, с. 100].

Философское разоблачение бессилия терроризма, согласно французскому мыслителю, состоит в том, что террор-идеологema присваивает как свое решающее оружие бессмыслицу и безразличие, лежащие в основе мировой системы, которая сама безразлична к собственным ценностям и тем самым «пожирает себя изнутри». Жалкая попытка самоукоренения и самооправдания терроризма – в том, что он «...возрождает то, что в системе различий и обобщенного обмена не подлежит обмену. Различие и безразличие отлично между собой обмениваются. Событием является то, что не имеет эквивалента. И террористический акт не имеет эквивалента в виде какой-то трансцендентной истины» [1, с. 148]. Иначе говоря, террористы не открывают метафизику истины, а борются с симулякрами, с виртуальностью, вместо того, чтобы возвратиться к реальности. Кроме того, самообман терроризма в том, что он приписывает себе уничтожение западной культуры, в то время как она вымирает сама, доводит себя до самоубийства, до исповедования призрачных ценностей, призрачной идентичности, до саморазрушительного внутреннего насилия, до жизни в негационистском обществе.

Разоблачая притязания террористов на моральную борьбу с гегемонистским господством, со Злом, Ж. Бодрийяр доказывает, что терроризм надидеологичен и имморален, он вездесущ, как вирусы, и реверсивен мировой системе и мировому порядку. Терроризм бросает символический вызов моральному, любой форме его интерпретации, перспективе Добра, выходит за пределы морального императива безусловного уважения к человеческой жизни.

ни. Имморальность терроризма «инъектируется» имморальностью глобализма. Глобализация как процесс и идеология репродуцирует терроризм.

Глобализация, понятая как единомыслие, информация, технологии, рынок, промискуитет всех ценностей, осуществляет террор-насилие над универсальным, понятым как универсальное мышление, права человека, разнообразие культур и свобод, демократия, которое гибнет вместе со всякой культурой, теряя свою сингулярность. Здесь следует вспомнить о философской оценке глобализации З. Баумана. В книге «Индивидуализированное общество» он пишет: «Концепция “глобализации” была создана для того, чтобы заменить прежнюю концепцию “универсализации”, когда стало ясно, что установление глобальных связей и сетей не имеет ничего общего с преднамеренностью и контролируемостью. Понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными, процессы, происходящие помимо людей, сидящих за пультом управления, занимающихся планированием и тем более принимающих на себя ответственность за конечные результаты. Без большого преувеличения можно сказать, что это понятие отражает беспорядочный характер процессов, происходящих на уровне, оторванном от той “в основном скоординированной” территории, которая управляется законной “высшей властью”, т. е. от суверенных государств» [2, с. 43].

Ж. Бодрийяр дает разъяснения особенностей насилия глобального в оптике перехода универсального к глобальному, уничтожения универсального и универсализма как принципа традиционного мирового порядка. Универсальное предстает как Идея или идеальная цель, как культура трансцендентности, субъекта и концепта, реального и репрезентации. Референтами универсального были мир, тело, память. Историческое и революционное насилие представлялись как диалектическое напряжение и критическое движение. Насилие глобального как пространство имманентности, экрана, сетей и цифр – иное. В глобальном Идея исчезает, и тогда «человеческое становится единственной точкой отсчета, и человечество, имманентное самому себе, занимает пустующее место Бога – отныне человеческое царит безраздельно, но оно больше не имеет конечного смысла. Не имея больше врагов, оно вырабатывает их изнутри, выделяя из себя всевозможные нечеловеческие метастазы» [1, с. 156]. За этим стоит насилие глобального и мировой системы, которая преследует любую форму негативности и сингулярности. Насилие глобального и террор-насилие однопорядковы по природе их вирулентности, ядовитости, что влечет заражение, разрушает человеческий и культурный иммунитет и способность сопротивляться.

Из логики умозаключений Ж. Бодрийяра следует, что современная доктрина терроризма органично вписывается в существующий мировой порядок и систему, которая несет в себе внутреннюю катастрофу, что-то самоубийственное. Изначально будучи внешней силой для западной доминирующей в мире системы – как глобальной, с плодами западного прогресса, его технического совершенства, терроризм стал имманентной силой насилия. Моральная проблема оправдания насилия, в том числе политического, остается неразрешимой, а сама мировая ситуация становится более террористической. При этом терроризм остается общепланетарным явлением, его существование сопряжено с существованием самой цивилизации и безвременно.

Славой Жижек, которого считают самым авторитетным европейским специалистом в сфере проблем взаимоотношений человека и социума, своими текстами с целью преодоления ширпотребных образов насилия доказывает необходимость теоретического отстранения и терпеливого критического анализа как единственных способов для «вскрытия» природы, причин, последствий всякого насилия и терроризма. В психоаналитическом духе Жижек разграничивает понятия насилия и агрессии. Насилие, агрессия, борьба – составляющие жизни. Отказ от них невозможен. Однако возможна их дифференциация по отношению к двум базовым инстинктам – влечению к жизни и к смерти. Агрессия приравнивается к силе жизни, а насилие – к силе смерти. Насилие предстает как избыток агрессивности, желая все большего и большего, что нарушает нормальное течение вещей.

Левый философ выделяет три вида конструирующих друг с другом насилия – субъективное, объективное и символическое [3]. Объективное насилие, которое присуще «нормальному» положению вещей, которое латентно как «темная материя» в физике, удостоверяется присутствием неравенства и несправедливости в господствующем порядке. По отношению к нему лучше всего проявляется, по выражению философа, наша слепота. Субъективное, иррациональное насилие, которое в первую очередь вызывает со стороны социума тотальную панику, «кошмарит» всех и которое совершается социальными агентами (злые люди, террористы-смертники, фанатичная толпа, дисциплинированный репрессивный аппарат), направлено против чрезмерного давления, угнетения и эксплуатации.

Примером символического, более фундаментального, чем остальные виды насилия, воплощенного в речевых формах, может служить, согласно Жижеку, «неумолимая “абстрактная” и призрачная логика Капитала или “метафизическая пляска всесильного Капитала”» [3, с. 15]. Дополнительная аргументация символического насилия восходит к «Введению в метафизику» М. Хайдеггера. Он разворачивает понятие насилия/власти как понятие онтологического ряда и речевого акта, в котором оно предстает как сущность, выраженная в языке, как «пребывание», как «дом бытия». [4, с. 118–133]. Логика насилия раскрывает констелляцию мира, социальные отношения власти. Насилие – в самом человеке с его избыточным желанием, чрезмерностью, демонизмом.

Насилие как террористический рессентимент – еще одна тема размышлений Жижека. В реальности, вопреки отождествлению терроризма с фундаментализмом, с ним соразмерен псевдофундаментализм. Такое различие становится очевидным в призме рессентимента, понятого как качество «морали рабов». Фундаментализм сопоставляется Жижекком с психотическим, бредовым, инцестуозно повторным утверждением: «религии в качестве прямого прозрения божественного Реального со всеми ужасающими последствиями, которые влечет за собой такое повторное утверждение – включая полное возвращение непристойного божественного Сверх-Я, требующего жертв» [3, с. 68]. Паническое использование щита фундаментализма, к которому прибегают отдельные мусульманские сообщества, служит подтверждаемым примером их рессентимента и зависти. Проявлению субъективного насилия дается следующее разъяснение: «Фундаменталистский исламский террор не основывается на убежденности террористов в собственном превос-

ходстве и их желании оградить свою культурно-религиозную идентичность от наступления глобальной потребительской цивилизации. Проблема фундаменталистов не в том, что мы считаем их хуже себя, а скорее в том, что они сами втайне считают себя хуже нас... Проблема не в культурном различии (их попытках сохранить свою идентичность), а совсем наоборот – в том, что фундаменталисты уже похожи на нас, что они в глубине души уже усвоили наши стандарты и оценивают себя по ним» [3, с. 70]. Касательно псевдо-фундаменталистов можно утверждать, что их саморазрушение связано со своими собственными потребительскими греховными соблазнами.

О насилии и терроризме как проявлении тотального антагонизма вместе с французским философом рассуждают К. Шмитт и Дж. Агамбен. В их концепциях моральная проблема оправдания насилия как генезиса террора, политического насилия, государственного терроризма своим социально-философским основанием восходит к «чрезвычайному положению», понятому как выражение, термин, понятие и реалии [5; 7]. Координатой проблемы оправдания насилия служит высказывание о том, что чрезвычайное положение в определенный момент истории превратилось в норму. Понятие «чрезвычайного положения» в философский и политико-правовой дискурсы было введено Карлом Шмиттом. В его теории чрезвычайного положения главная линия состоит в доказательстве возможности вписать насилие в правовой контекст. Им раскрывается перспектива правового порядка, которая опирается на диспозитив чрезвычайного положения, цель которого состоит в обеспечении применения нормы права через временное приостановление её действия. По Шмитту, суверен обладает монополией на принятие решения о чрезвычайном положении. Ситуация суверена амбивалентна, он стоит вне действующего правопорядка и одновременно «референтен» ему, он компетентен решать вопрос о приостановлении действия конституции [6]. По мнению немецкого правоведа, сущность государственного суверенитета – в монополии решения. Государство – это фактическая организация власти, в этом оно превосходит правопорядок и хаос, решает, что есть право, в чем состоит безопасность, что является исключительным случаем. В итоге, Шмитт «благославляет» ситуацию чрезвычайного положения.

В широком смысле понятие чрезвычайного положения указывает на особое, вне закона и морали, исключительное право на насилие, утверждает итальянский мыслитель Дж. Агамбен, оппонируя Шмитту в том, что он выступил в роли апологета чрезвычайного положения и попытался связать его с правовым полем. Субъектом насилия может быть индивидуальный, коллективный, институциональный. Государство как институциональный субъект порождает государственный террор. Теория чрезвычайного положения Шмитта ошибочна.

Чрезвычайное положение становится доминирующей управленческой парадигмой современной политики, утверждает Агамбен, аргументируя это обстоятельство как историческими (случай нацистского государства, когда в Третьем рейхе чрезвычайное положение длилось 12 лет), так и современными политическими практиками («Патриотический акт», принятый Сенатом США 26 октября 2001 г., который радикальным образом упраздняет правовой статус индивидуума). Эта парадигма в свою очередь порождает парадигму глобальной безопасности как обычную управленческую технологию. Это обстоятельство актуализирует философскую рефлексию его анализа в фокусе перспекти-

вы существования терроризма, его трансфера из политической области в другие сегменты социального бытия.

Все мы живем при чрезвычайном положении, которое начинается с Первой мировой войны и продолжается до наших дней, – главный провозглашаемый тезис Дж. Агамбена. Оно всеобъемлюще, топологически тотально и представляет в своей сути «...всего лишь пустое пространство, в котором действие, никак не соотносимое с правом, сталкивается с нормой, никак не соотносимой с жизнью» [7, с. 134]. Герменевтика проблемы чрезвычайного положения, включая спор о локусе или месте, которому оно принадлежит, «предполагает корректный процесс его локализации (или нелокализации)» [6, с. 42]. Это означает, что вся современность живет в зоне чрезвычайного положения.

Конституируется чрезвычайное положение как крайняя необходимость, что «по определению» снимает проблему его легитимности, поскольку провозглашается принцип, согласно которому необходимость составляет главное основание и сам источник закона. Оно не идентифицируется с правом, поскольку предстает как временное упразднение самого юридического порядка и обозначает его предел. Коварность чрезвычайного положения заключается в том, что изначально порожденное исключительными обстоятельствами, как то стихийные бедствия, эпидемии, голод, война, спонтанные мятежи масс, в дальнейшем оно интегрируется в структуры социальных субъектов (государство, общественные институты) и фасцинирует социальное в целом. В современной модерной модели власти по факту самооснования (самоконституирования) и по «произволу» власти закладывается возможность применения чрезвычайного насилия как того, что находится «по ту сторону» права и морали.

Чрезвычайное положение – это зона аномии, она трансцендентна нормосу, где существует юридический контекст. Дж. Агамбен делает вывод о том, что режим чрезвычайного положения начиная с Первой мировой войны «функционировал почти без перебоев: он пережил эпоху фашизма и национал-социализма и просуществовал до наших дней. На всей планете не осталось места, где не действовало бы чрезвычайное положение. Правительства могут совершенно безнаказанно пренебрегать нормативным характером права и приносить его в жертву своему произволу, игнорируя международное право, существующее за пределами их государств, и устанавливать внутри своих государств перманентное чрезвычайное положение; при этом они, однако, продолжают претендовать на то, что действует в строгом соответствии с нормами права» [7, с.134–135].

Из этого следует, что к современному государству и праву применимы понятия радикального насилия и террора. Они становятся эссенцией и экзистенцией, сущностью и существованием наличного «порядка вещей» и сопричастны власти, закону, общественной морали. Генезис террора в аномии (революции, гражданской войне, сопротивлении, мятеже), в чрезвычайном положении, которое из сферы политического транслируется сегодня в область управления и правоприменения. Парадоксальным образом, утверждает итальянский философ, режим чрезвычайного положения непреодолим в том смысле, что является как инструментом установления политической диктатуры (собственно террора), так и правовым основанием для борьбы

против терроризма. Доктрина глобальной безопасности в борьбе с международным терроризмом также находится в зоне чрезвычайного положения.

Таким образом, проблема морального оправдания политического насилия в концепции чрезвычайного положения Дж. Агамбена не находит своего однозначного разрешения. Им проблематизируется тема смешанного с правом политического как учредительной власти (т. е. насилия, устанавливающего законы) и подлинно политического, под которым понимается действие, разрывающее связь между насилием и правом. Если расширить моральный контекст чрезвычайного положения, то, согласно Х. Арендт, его вызов состоит и в том, что политический террор всегда сопровождается тотальной ложью. Ложь, фальш, фальсификации как образ жизни сопровождает политический тоталитаризм: «Ложь в чрезвычайных ситуациях, ложь по поводу особых секретов, особенно в военных делах, которые нужно защитить от врага, всегда считалась оправданной» [8, с. 338].

Соглашаясь с мнением итальянского философа о проблематичности статуса политического в современных реалиях, о транспарентности политического и правового, важно не забывать и о такой пересекающейся теме, как экономическая трансформация политической жизни, о поглощении политического экономическим, о замещении политического экономическим, о том, что глобализация укоренена в экономическом, а не в политическом начале человека, о том, что экономический человек не способен на политическую деятельность. Экономическая власть «вытесняет прежние формы власти» [9].

Представленные «выжимки» современного социально-философского дискурса по теме насилия и террора демонстрируют активную философскую позицию противостояния всякому оправданию насилия. Действительно, начиная с 11 сентября 2001 г. произошел как бы жизненный разлом, после которого модусом бытия и существования стал катастрофизм, потерянности в мире террора и преступности. В.В. Ильин пишет в призме архитектуры понимания: «С первых дней XXI века Наинейшего времени социальное устройство пошло под экстремистскими знаменами brutального разума: реальность – средоточие терроризма, мизантропизма, эгоизма. Это совершенно иной тип устроительной техники – деструктивная трансференция, заключающаяся в переносе отрицательных результатов духовной работы во внешнюю сферу отношений. Соблазняя к планам опасной дерзости, деструктивная трансференция проявляет себя как прескверный советчик и фальсификатор культуры. Дыхание системности животворного влияния принципов достижительности в вершении истории изувечено порывами преступности. Таково – не приукрашенное состояние момента наличного» [10, с. 181].

За этими яркими высказываниями является философская позиция о том, что наступило время несмирения, противостояния, последовательной борьбы с преступностью, которое предстает как ядро современного качества социальности. Разделяя данную позицию, мы предлагаем свой исследовательский и технологический проект противления Злу и насилию. Речь идет о личностном «противоядии» вирулентности идеологемы, техник и технологий терроризма, о личностном проектировании как раскрытии личностного потенциала молодежи в образовательных практиках, о формировании и развитии тех личностных качеств и субъектно-когнитивных ресурсов молодого человека, которые преломляют технологический путь вовлечения в пространство террора [11].

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ-классик, 2016. 224 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с.
4. Хайдеггер М. Введение в метафизику / пер. с нем. Н.О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1997.
5. Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
6. Шмитт К. Политическая теология: сборник / пер. с нем.; заключит. статья, составление А. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц., 2000. 336 с.
7. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение / пер. с ит. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова. М.: Издательство «Европа», 2011. 148 с.
8. Арендт Х. Ответственность и суждение / пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. 352 с.
9. Юдин Г.Б. Человек экономический как проблема политической философии // Человек. 2017. № 4. С.67–80.
10. Ильин В.В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания: монография. М.: Проспект, 2017. 184 с.
11. Удалова Л.В. Когнитивная направленность воздействия технологий терроризма // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2017. № 2. С. 101–106.

SOCIAL PHILOSOPHY DISCOURSE ANALYSIS OF TERRORISM

E.A. Evstifeeva, L.V. Udalova

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the analysis of J. Baudrillard's, S. Zizek's, K. Schmitt's, and G. Agamben's social philosophy addressing the issue of violence and terrorism moral justification. Their discourse strategies interpretation generates disappointing conclusion that terrorism has become a modality of contemporary world social existence. The terrorism doctrine organically fits into the existing order of things, into the framework of «non-peaceful» mentality, globalism, political and legal components of the contemporary world system promoting the right to violence that carries in itself the impulse of internal catastrophe and destruction.

Keywords: *era of terrorism, violence, global, state of emergency, moral problem of justifying violence.*

Об авторах:

ЕВСТИФЕЕВА Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, заведующая кафедрой психологии и

философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

УДАЛОВА Лариса Викторовна – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Authors Information:

EVSTIFIEVA Elena Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Professor, Vice-Rector for Academic Affairs, Chair of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru

UDALOVA Larisa Viktorovna – PhD student of the Dept. of Psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru

УДК 101.8

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Я.А. Лонский

Российская открытая академия транспорта ФГБОУ ВО «Российский университет транспорта (МИИТ)», г. Москва

Рассматривается влияние религиозного экстремизма на безопасность России. Показано, что образование, как неотъемлемый процесс обучения и воспитания, способно предотвратить вступление молодёжи в религиозно-экстремистские группировки. Делается вывод о том, что образование как важнейший институт трансляции культурных ценностей, норм, идеалов общества может противостоять деструктивным ценностям и идеям религиозных экстремистов.

Ключевые слова: образование, религия, духовность, духовная безопасность, религиозный экстремизм.

В настоящее время существенную угрозу национальной безопасности России представляет религиозный экстремизм. Как социально деструктивное явление религиозный экстремизм представляет серьёзную опасность территориальной целостности нашей страны, мирному и стабильному социально-политическому развитию общества. Поэтому преодоление религиозно-экстремистских проявлений является первостепенной задачей государственной политики по обеспечению национальной безопасности. Сегодня для многих граждан России религия выступает элементом самоидентификации и является своеобразной формой идеологии, определяющей духовную и политическую жизнь.

С момента распада Советского Союза и по сей день религиозные организации нашей страны получили широкую свободу для осуществления своей деятельности. В связи с этим активизировались не только традиционные для России религиозные конфессии, но и псевдорелигиозные организации, работающие под прикрытием религиозной идеи. Если первые формируют и возрождают морально-нравственные ценности и выступают фактором духовного развития российского общества, то вторые дестабилизируют и негативно влияют на сознание граждан.

Исследователи справедливо выделяют следующие угрозы в сфере религиозной безопасности, которые выражаются в «функционировании новых религиозных организаций и объединений, пришедших на территории России из-за рубежа и спонсируемых иностранными фондами, главными целями которых является атомизация, денационализация, депатриотизация общества; распространении идей религиозно-экстремистских группировок, главной целью которых является отделение от России некоторых территорий и создание на них теократических режимов; распространении религиозно-оккультных синкретических учений, астрологии, магии, различных псевдоэкстрасенсов и колдунов» [1, с. 7]. В совокупности все вышеперечисленные квазирелигиозные идеи являются угрозой традиционной системе ценностей и устоям российского общества. Такому разрушительному влиянию подвержены, в первую оче-

редь, мировоззренческие императивы и патриотические ценности российских граждан.

Однако вместе с возрождением традиционных российских конфессий наше общество столкнулось с одним из самых опасных явлений современности – религиозным экстремизмом, угрожающим духовной безопасности общества и целостному существованию государства. В первую очередь речь идёт об активизации деятельности на территории нашей страны социально опасных религий, религиозно-экстремистских организаций, пытающихся обострить противоречия в религиозной сфере жизни нашего общества.

Современные авторы в связи с этим отмечают: «...власти и общество не проявляют должного внимания к очень серьезной проблеме миссионерской деятельности в России зарубежных религиозных организаций в геополитическом аспекте. Между тем деятельность этого рода и в настоящее время, и в перспективе представляет серьезную угрозу государственной безопасности страны, ее целостности, нормальному функционированию органов государственной власти. Существенная часть миссионерской деятельности зарубежных религиозных организаций представляет опасность национальным интересам страны» [2, с. 58–59].

В настоящее время в религиозной сфере общественного сознания, по сути дела, происходит открытая конфронтация традиционных типов мировоззрения и нетрадиционных, часто инородных. Следует особо отметить, что подобная борьба за умы и души людей затрагивает в первую очередь молодежь. При этом государство не должно оставаться безучастным в этой борьбе, поскольку на повестке дня стоит вопрос о защите российского духовного пространства. И от того, кто одержит победу на этом пространстве, будет зависеть судьба нашей страны.

Поэтому для того, чтобы эффективно бороться с религиозными экстремистскими организациями, необходимо принимать превентивные меры. Главным просветительским фундаментом в противостоянии религиозно-экстремистской идеологии должно стать образование.

Педагогический взгляд на феномен религиозного экстремизма заключается в формировании умений, навыков антипропаганды данного социально опасного явления в молодёжной среде, а также принятие мер по предупреждению вовлечения молодых людей в религиозно-экстремистские организации. Данный подход заявлен в работах ряда авторов- [3; 4], которые убеждены, что в процессе педагогической деятельности можно проводить профилактические мероприятия, направленные на снижение и предотвращение в обществе религиозно-экстремистских идей путём формирования толерантного сознания, веротерпимости и миролюбия. Впрочем, авторы признают, что предложенные ими меры превентивны и чтений лекций, посещений выставок и музеев, просмотров фильмов далеко не достаточно для формирования у молодёжи миролюбивых толерантных установок. Необходимо воспитание молодёжи в семьях, школах, институтах, армии, заключающееся в формировании у неё системы ценностей, главными из которых являются патриотизм, уважительное отношение к собственной истории, семье, окружающим людям и самой жизни. При этом жизнь выступает основополагающей ценностью человека и социума. Таким образом, формирование толерантных установок, веротерпимости у молодого поколения возможно в случае тесной взаимосвязи процессов воспитания и обучения. Педа-

гог, в свою очередь, как главный субъект образовательной деятельности должен служить примером для молодёжи и представлять высокодуховную развитую личность, способную воспитывать у подрастающего поколения любовь к Родине, уважительное отношение к себе и окружающим людям.

Поэтому особое внимание необходимо уделить подготовке квалифицированных кадров. Речь прежде всего идёт о подготовке как светских (религиоведов), так и конфессиональных (священнослужителей) специалистов. Ведь от интерпретации ими священных текстов, от содержания лекций, проповедей, семинарских занятий и дискуссий зависит снижение риска вовлечения людей в религиозно-экстремистские организации.

Педагог – это не только наставник, учитель. Это прежде всего хранитель традиций, содержащих доподлинную народную мудрость и обеспечивающих духовную преемственность поколений. Это личность, которая формирует умы и настроения будущих поколений, а значит, именно от него во многом зависит судьба страны.

Если обратиться к этимологии слова «образование», то можно выделить корневую основу «образ», что означает «идеальная форма отражения действительности» [6, с. 435–436]. Следовательно, главная функция образовательного процесса – это формирование образа (образов) в сознании обучающегося, с помощью определённых методов и техник помочь человеку научиться мыслить самостоятельно, вычленять нужную информацию из обширного Интернет-пространства, умело её использовать. Поэтому ведущую роль в образовательном процессе занимает преподаватель, который должен быть прежде всего педагогом (первоначальный смысл – ведущий ребёнка), т.е. человеком, который ведёт обучаемого в прекрасный мир знаний.

Нельзя не согласиться с мнением русского философа Ивана Ильина, который считает, что «образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно даёт в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, – и начинает злоупотреблять. Надо раз и навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолудин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей; и что формальная “образованность” вне веры, чести и совести создаёт не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [7, с. 178–179].

Русский публицист начала XX в. М.О. Меньшиков считал, что «учёные – в то же время – учащие. Учащие же внушают не одни факты, а и нравственное их толкование» [8, с. 380]. Поэтому, по мнению писателя, «весь вопрос обучения – в учителях. Вся школа – в них одних. Государство не в силах дать детям лучших родителей, чем они имеют, но государство может – и обязано – дать лучших учителей. Только лучшие, чем теперь, учителя в состоянии обезвредить часто гнусное влияние родителей и спасти вместе со школой культуру русскую» [8, с. 386].

Однако что мы наблюдаем сейчас? В российском обществе многие профессии неоправданно причислены к сфере услуг, в том числе – профессия учителя, педагога. Учитель, став элементом сферы услуг, в глазах определенного числа членов общества превратился в обслуживающий персонал, который обязан подчищать грязь за учащимися и устранять недочёты семейного воспитания. Как выработать адекватное восприятие учителя на основе уваже-

ния к его личности, если дети становятся свидетелями неадекватного отношения своих родителей к педагогу?! Поэтому одной из главных прерогатив государства является комплексное решение проблем в сфере культуры и образования. Ведь ни для кого не секрет, что современная массовая культура, взращивая общество потребителей, способствует развитию у человека примитивных низменных инстинктов, направленных на развращение тела и души. Российское общество, являющееся хранителем многовековой созидательной духовной традиции, внесшее свой весомый вклад в сокровищницу мировой культуры, науки, искусства, сегодня нуждается в защите традиционной системы ценностей. Образование, являясь важнейшим институтом трансляции культурных ценностей, норм, идеалов общества, в первую очередь находится в плоскости духовной безопасности. Духовная сфера и образование детерминированы культурой общества. Диалектическая связь культуры и образования может повлиять на состояние духовной сферы общества в преодолении развития деструктивных идей и ложных ценностей.

В связи с этим становится очевидным, что из всех возрастных групп именно молодёжь является главным объектом воздействия со стороны как зарубежных, так и российских религиозно-экстремистских организаций. Что же должно сделать государство, образовательные учреждения и педагоги для того, чтобы переломить негативную тенденцию вовлечения молодежи в экстремистские и террористические движения?

Ни для кого не секрет, что большая часть молодёжи вступает в экстремистские организации в силу отсутствия жизненных перспектив, социальной неустроенности. С одной стороны, не получая ответы на свои смысло-жизненные вопросы, молодёжь парадоксально пытается найти их радикальным путём, вступая в экстремистские и террористические организации, пытаясь таким образом заявить о себе, продемонстрировать социальный протест насильственными методами. С другой стороны, именно по причине непросвещённости в религиозной тематике, недостаточной работы традиционных религиозных конфессий, а порой и некомпетентности местных священнослужителей молодые люди становятся адептами религиозно-экстремистских движений, в то время как экстремистские проповедники не жалеют сил и времени для жаждущей правды и истины молодежи. Своими словами и поведением эти «гуру» показывают обратившемуся, что он не одинок, что он может всегда положиться на помощь и не получит отказа.

Необходимо подчеркнуть, что огромное значение в распространении экстремистской и террористической идеологии придаётся Интернету и социальным сетям. Известно, что молодые люди проводят большую часть своего свободного времени в социальных сетях, где и происходит вербовка в экстремистские организации. Виртуальное пространство является подходящей площадкой для ведения идеологической обработки молодёжи, формирования определённых ценностных ориентиров, поведенческих установок, которые молодые люди в силу своего возраста и юношеского максимализма пытаются копировать и воплощать в жизнь.

Серьезную обеспокоенность вызывает и тот факт, что огромное количество молодых российских граждан прежде всего исламского вероисповедания, обучаются в зарубежных исламских центрах. Трудно подсчитать количество обучаемых, однако по оценкам некоторых экспертов, оно может достигать 10 тыс. человек. Ситуация усугубляется тем, что, пройдя подготовку и

обучение в зарубежных исламских центрах, по возвращении в Россию молодые исламские проповедники становятся проводниками чуждых российскому исламу экстремистских и радикалистских установок.

Государству необходимо больше внимания уделять подготовке отечественных исламских богословов и мулл, создать в нашей стране несколько центров по подготовке религиоведов и традиционных богословов. Об этом неоднократно говорил президент института Ближнего Востока Е.Я. Сатановский, который убеждён в том, что «нужна система, в которой готовится достаточное число крепких молодых людей, способных постоять за себя, образованных, грамотных, с глубоким знанием истории, Корана, но при этом толерантных и не фанатичных. Людей, которые будут работать на Россию, а не на Саудовскую Аравию, Катар, Пакистан или Турцию. Это возможно, если создать теологические факультеты в серьезных российских вузах. И набирать туда тех, у кого в хребте есть понимание того, что такое терроризм и как с ним надо бороться» [9].

Поэтому для того, чтобы эффективно противостоять вовлечению молодых людей в религиозно-экстремистские организации, необходимо не только опираться на силовые методы правоохранительных органов, но и более эффективно задействовать образовательные институты, в первую очередь – колоссальный научный потенциал отечественных высших учебных заведений.

В настоящее время мы можем наблюдать, что российское общество, лишённое привычных духовно-нравственных ориентиров и ценностей, беззащитно перед напористой идеологией религиозных экстремистов. Поэтому для того, чтобы эффективно противостоять религиозно-экстремистским организациям, государству необходимо объединить российское общество на базе национальной идеи или заняться созданием идеологии, которая будет служить жизненным ориентиром для большинства граждан. Создание общенациональной идеологии способно противостоять религиозно-экстремистским организациям в мировоззренческой сфере, а также снизить потенциал сепаратистских и националистических настроений в обществе.

Таким образом, для преодоления духовного кризиса, сложившегося в России с распадом Советского Союза, необходимо сформировать ценностные и нравственные ориентиры общества, которые будут отвечать сложившимся вызовам времени. Поэтому именно образование, являясь важнейшим институтом трансляции культурных ценностей, норм, идеалов общества, может противостоять деструктивным ценностям и идеям, обеспечить благоприятные условия для созидательной духовной жизни и здорового социально-нравственного развития. Системе образования в России предстоит стать системообразующим стержнем в процессе сохранения и культурного самовоспроизводства российского общества, в становлении национальной идентичности; именно она должна ответить на вызовы, стоящие в социально-экономической сфере, в обеспечении укрепления государствообразующих институтов.

Список литературы

1. Овчинникова А.И., Фоминская М.Д. Религиозная безопасность России и роль права в её обеспечении // Северо-кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7–15.

2. Калинин В.Н. Религия и безопасность // Право и безопасность. 2002. № 4 (5). С. 58–59.
3. Кузнецов К.В. Формирование умений антипропаганды религиозного экстремизма у студентов гуманитарных ВУЗов – будущих специалистов с педагогической направленностью профессиональной деятельности: автореф. дис. ...канд. пед. наук. М., 2012. 20 с.
4. Мухина Т.К. Педагогические условия предупреждения вовлечения молодёжи в религиозные секты: автореф. дис. ...канд. пед. наук. Смоленск, 2008. 18 с.
5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/2.html>
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т.2. Кн.2. 480 с.
8. Меньшиков М.О. Как воскреснет Россия? Избр. ст. / сост. С.В. Харитонов. СПб.: Русская симфония, 2007. 672 с.
9. Духовной неграмотностью выстлана дорога в ИГИЛ // Многонациональная Россия. [Электронный ресурс] URL: <http://regions.ru/news/2558098/>.

EDUCATION AS A SYSTEM OF COUNTERACTION TO RELIGIOUS EXTREMISM

Ya.A. Lonskiy

The Russian Open Transport Academy of the «Russian University of Transport»,
Moscow

The article examines the influence of religious extremism on the security of Russia. Education as an integral process of education and upbringing is interpreted as able to prevent young people from joining religious and extremist groups. Education as the most important institution aimed at dissemination of cultural values, norms, ideals of society can withstand the destructive values and ideas of religious extremists.

Keywords: *education, religion, spirituality, spiritual security, religious extremism.*

Об авторе:

ЛОНСКИЙ Ярослав Александрович – ассистент кафедры философии, Российская открытая академия транспорта Московского государственного университета путей сообщения (РУТ), Москва. E-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

Author information:

LONSKIY Yaroslav Alexandrovich – Ass. Prof., The Russian Open Transport Academy of the «Russian University of Transport», Moscow. E-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

УДК 124.5

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О.Ю. Верпатова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Выявлен объем понятия «политическая миграция». Отмечено, что в условиях глобализации смещается вектор организации миграционных потоков: от национально-административного давления с его локальным планированием и регулированием переселенцев – к согласованной на международном уровне координации нормативных практик миграционного поведения. Глобальный характер миграций ставит вопрос о решении прямо противоположных задач – либерализации миграционной политики (совершенствование механизма гражданства, создание «прозрачных границ» и др.) и, наоборот, принятии жестких ограничительных мер в целях сохранения национальной безопасности.

Ключевые слова: *глобальное/локальное, миграция, национальное государство, транснациональные компании.*

Современный порядок мирового процесса начинает складываться с начала XX в. Многочисленные революционные потрясения, войны не только локального и регионального, но и мирового масштаба – все это оказало серьезное влияние на протекание миграционных процессов. Динамично изменяющийся порядок мироустройства, значительные политические трансформации, возникновение и распады политических режимов создали условия, при которых политические мотивы и причины миграционных движений становятся очевиднее, выделяются в отдельную категорию миграций. Долгое время в практике управления миграционными потоками наиболее распространенным был административный подход, при котором государство в лице правительства в рамках политики независимого государства имело инструменты планирования и регулирования миграции, формировало и влияло на сценарии миграции. Данные процессы были характерны для большинства государств. Вероятно, именно поэтому само понимание политической миграции начинает складываться во второй половине XX в. [7, с. 22].

В объем понятия «политические миграции» входят все миграционные потоки, вызванные причинами властно-управленческого характера, в числе которых вынужденное переселение в связи со сменой политического режима, репрессии, репатриации, депортации, военные действия, ценностно-личностное неприятие политического строя.

На современном этапе контроль миграционного движения, вызванного политическими событиями и социальными потрясениями, постепенно переходит под юрисдикцию международных организаций, формируя международные стандарты нормативных практик регулирования миграционного поведения. Среди основных направлений международного нормативного регулирования миграционных процессов можно выделить максимальное упрощение перемещения граждан на геополитическом пространстве, особенно в пределах регио-

нальных структур (ЕС, СНГ); внедрение единых стандартов обращения с гражданами, въезжающими на территорию государств; создание иммиграционных правил по отношению к беженцам и лицам, ищущим убежища, формирование общей процедуры признания их статуса; принятие общих мер по борьбе с незаконной миграцией и ее предотвращению.

В настоящее время сформирован механизм нормирования миграции, важным составным элементом которого выступает нормативно-правовая система международного регулирования миграционных процессов [3, с. 83].

Перечень вышеуказанных направлений нормативного регулирования демонстрирует стремление унифицировать стандарты работы с мигрантами, включая и тех, кто совершил перемещение по политическим причинам. Поскольку в большинстве законодательных практик беженцы выделены в особую миграционную категорию, возникает закономерная проблема терминологии. Большинство законов о беженцах ориентируются в своих практиках на международные акты, в частности на Конвенцию о статусе беженцев, которая была принята 28 июля 1951 г. Согласно данному документу, человек становится беженцем «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [6].

В группе политических мигрантов исследователи выделяют две особые категории – оппозиционеров и беженцев, к которым должны применяться иные правовые нормы, чем ко всем другим мигрантам. Оппозиционерами считаются индивиды, мигрирующие из страны с целью обеспечения своей политической безопасности. Оппозиционер выбирает для себя такое общество, которое соответствует уровню его понимания политической свободы и безопасности, в котором он не будет испытывать на себе давление со стороны различных социальных институтов и государственных структур прежнего общества [8]. Беженцы определяются как лица, подвергавшиеся или имеющие риск быть подвергнутыми «генерализированному насилию» (или «обобщенному насилию», вероятнее всего имеется в виду именно феномен массового насилия, которое применяется не избирательно, а по отношению к целой группе – военные действия, геноцид, погромы и т. д.) [9, с. 616]. В данном понятии следует отметить несколько аспектов, в частности политическую причинность перемещения и вопрос гражданства.

Важность принципа «гражданства» в анализе проблемы мигрантов как таковых и, в частности, политических мигрантов стал дискуссионным вопросом. В трансформации феномена «гражданства» в условиях мультикультурного общества отмечаются две противоположные тенденции. Одна из них связана с существенным ослаблением контроля за теми людьми, которых можно обозначить как привилегированные группы. В данную категорию попадают предприниматели, инвесторы, высококвалифицированные работники (т. е. те человеческие ресурсы, которые способны принести экономическую и социальную пользу принимающей стороне без дополнительных вложений). Вторая

тенденция заключается в усилении ограничительных мер, особенно для беженцев, ищущих политическое убежище.

Анализируя причину формирования такого подхода к регулированию миграции, отечественный исследователь О.С. Карнаухова предположила, что таким образом государство стремится ужесточить контроль миграций, одновременно укрепляя чувство принадлежности своих граждан. В результате, отмечает она, классическое восприятие института «гражданства» вступает в некое противоречие с идеалом мультикультурного гражданства как новой формы гражданства. Для подтверждения своих суждений она обращается к работам известного британского исследователя Т. Модуда, который анализирует трансформирующиеся идентичности. «Гражданство» в традиционном понимании предполагает требование культурной ассимиляции мигрантов и меньшинств, выдвигаемое национальным государством. В современном понимании данного института выдвигается идея мультикультурного гражданства, для которого локально-национальные требования оказываются не жизнеспособными [4, с. 18]. Современное «гражданство-как-статус» сопряжено с принятием целого ряда социальных характеристик потенциального гражданина (пол, возраст, этническая и религиозная принадлежность и т. д.). При условии факта наличия в современном обществе своеобразного «рынка» идентичностей новый гражданин получает возможность не просто быть признанным государством, но и быть признанным в определенном содержательном понимании его принадлежностей к группам.

Когда говорится о том, что групповая идентичность индивида должна интегрироваться в новое для него общество, то чаще всего идет речь о коллективных правах и коллективных действиях. И здесь кроется некое противоречие. Поскольку по своей правовой и политической сути гражданство представляет собой отражение отношений государства и политического субъекта, то «принципиально важным оказывается институционально оформленный коллективный субъект, видимый в пределах заданных рамок». Выход за установленные пределы, расширение границ и рамок данных договорных отношений затрудняют сами эти отношения. Гражданство теряет свой формальный правовой статус, становясь своего рода «метафорой», поскольку государство уже не может контролировать поведение данных индивидов. В результате на данный момент имеет смысл говорить о пересмотре бинарных категорий (коренное население – прибывшие), поскольку данная модель ставит перед мигрантом вопрос выбора «на чьей он стороне». Необходимость выбора влияет на новую идентичность мигранта, которая «оказывается в дихотомическом отношении к идентичности принимающего сообщества и часто рассматривается как причина для селективной политики статусов» [4, с. 19].

Современное состояние института гражданства перестает быть классическим договором между индивидом и государством. На современном этапе в большинстве европейских государств миграционные силы (особую роль здесь отводят именно беженцам и новому низшему классу, формирующемуся из мигрантов) превращаются в источник политических конфликтов. Исходя из этого, можно предположить, что намечается кризис не только самого национального государства с его устоявшимися традиционными институтами и формами политической социализации. В условиях глобализации смещается вектор организации миграционных потоков: от национально-административного давле-

ния с его локальным планированием и регулированием переселенцев – к согласованной на международном уровне координации нормативных практик миграционного поведения. Исследователи отмечают, что «глобальный характер миграций, ставит задачу совершенствования механизмов гражданства, политической и гражданской идентичности. Встает вопрос о трансформации концепции “гражданства” от универсальной практики к дифференцированной системе» [2].

Практика формирования дихотомической идентичности в социокультурном пространстве принимающего сообщества нередко приводит к маргинализации, когда индивид не формирует до конца ни одну из своих промежуточных идентичностей. Таким образом, политические мигранты, в частности такая категория, как «беженцы», оказываются в зоне риска погружения их на принимающей территории в маргинальную среду, чреватую конфликтами и противоречиями для общества в целом. Нередко именно в силу данных обстоятельств беженцы и та политика, которая осуществляется в их отношении, становятся «разменной монетой» в политической борьбе. Миграционная политика выступает как фактор привлечения внимания электората, как игра на настроении общества, на имеющихся в нем социальных противоречиях. В этом случае можно говорить о том, что мигранты становятся источником политических трансформаций и начинают оказывать серьезное влияние на местную политическую сферу.

Политические миграции оказывают существенное влияние на внутриполитические процессы самого принимающего общества. Как отмечают исследователи, здесь большое значение приобретает вопрос о функционировании диаспор. С одной стороны, диаспоры помогают в реализации принципов государственной безопасности и регулировании поведения мигрантов, но, с другой стороны, усиливают иллюзии независимости национальных государств в решении проблемы мигрантов. Деятельность диаспор, их влияние напрямую связаны с притоком мигрантов в страну. Диаспоры воспринимаются как сдерживающий, «мягкий» механизм, помогающий регулировать поведение мигрантов, но в то же время диаспора, по сути, не способствует освоению культурных норм, ценностей принимающего общества.

Влияние этнических диаспор на политическую жизнь принимающего государства осуществляется в самых разнообразных формах: политические акции; лоббирование интересов родины переселенцев; поддержка правительства или, наоборот, проявление оппозиции; ресурсная поддержка политических партий, движений и неправительственных организаций бывшей родины; нагнетание конфликтов [5, с. 81]. В этой связи показателен пример Турции с ее стратегией «мягкой силы» в отношении мигрантов. Данное государство уделяет большое внимание поддержанию связей со своими соотечественниками, переехавшими в европейские государства. Например, выходцы из Турецкой Республики, проживающие в ФРГ, становятся своеобразным рычагом международной политики. Правительство Турции всячески пытается задействовать своих соотечественников при лоббировании своих национальных политических и экономических интересов в ФРГ [5, с. 80].

Солидаризируясь во мнении о том, что роль государства в регулировании миграционных потоков ослабевает в силу снижения эффективности традиционных инструментов властного воздействия [7, с. 24], исследователи

справедливо отмечают двойственный характер миграционной политики на региональном уровне. Двойственность выражается прежде всего в том, что при расширении интеграционных процессов в современном обществе происходит либерализация миграционной политики, появляются «прозрачные границы» в рамках региональных объединений. В свою очередь это позволяет облегчить перемещение граждан стран-участниц через внутренние государственные границы данных союзов. Это имеет значение для развития экономических связей, перераспределения рабочей силы и т. д. Но в то же время происходят унификация законодательства в области регулирования международной миграции и принятие более жестких ограничительных мер в отношении иммигрантов из третьих стран [1, с. 84].

Такая двойственность подходов к регламентации миграций связана с двумя ключевыми причинами: во-первых, с национальной безопасностью (в том числе угрозами международного терроризма, защита национального рынка труда), во-вторых, с несовпадением задач интеграционного объединения и интересов его отдельных членов [1, с. 84]. Похожая ситуация наблюдалась при массовых миграциях беженцев из мест ведения боевых действий на Ближнем Востоке в страны Евросоюза. В этом случае унифицированное законодательство, в том числе и в практике принятия и размещения беженцев, привело к серьезным проблемам в социальной, экономической и политической сферах на принимающих территориях. Тогда впервые были озвучены идеи о дифференцированном подходе к миграционному законодательству.

Примером реализации дифференцированного подхода служат три европейские модели (Франции, ФРГ и Великобритании), сложившиеся в практиках взаимодействия административных структур с мигрантами. Для Франции характерна ассимиляционная модель, представляющая собой формализованный подход к формированию национального сообщества. Французское гражданство может быть получено по праву рождения, со всеми вытекающими последствиями. Лишь в последнее десятилетие введен дополнительный показатель – знание французского языка для детей мигрантов. Однако здесь возникает проблема идентификации. Дети мигрантов могут выполнить формальное условие для получения статуса гражданства, но для окончательного принятия ими ценностей и норм новой для них культуры должны сложиться воедино три обстоятельства – время, желание самого мигранта и грамотная политика принимающего его государства. Правительство и коренное население страны ожидает от мигрантов второго поколения, что, получив статус «француз», они автоматически начнут разделять нормы и ценности нового для него общества. Все это нередко приводит к существенным противоречиям и культурным (иногда и религиозным) конфликтам.

Другая альтернативная практика характерна для Германии. Здесь учитывается так называемое «право крови», т. е. по сути население делится на иммигрантов и немецких граждан. За основу берется норма временного пребывания мигрантов на территории государства, поэтому местные сообщества и власть не ожидают от мигрантов и их потомков соблюдения и разделения принципов, культурных ценностей и традиций, характерных для немецкой нации как этнического образования. В результате происходит культурное расщепление и минимизация контактов «местного» сообщества и мигрантов. В настоящее время данная практика привела к закономерным осложнениям: во

многих крупных городах появились зоны, неподконтрольные местным органам правопорядка. Именно в этих зонах проживает значительная доля мигрантов, создающих замкнутые анклавные – «homeland».

Третий подход характеризует практику Великобритании. Взаимодействие с мигрантами в этой стране можно обозначить как интеграционное. Сложность процедуры получения виз, разрешения на пребывание в стране и других формальностей окупается в будущем широкими возможностями и правами, которые этнические сообщества мигрантов получают для сохранения своих культурных особенностей. В результате происходит взаимопроникновение культур, мигранты включаются в местное сообщество, привнося в него свои культурные практики и усваивая местные.

Рассматривая проблему политических миграций, следует отметить, что на данный момент она тесно связана с протекающими процессами глобализации и трансформации национальных государств, которые в свою очередь стимулируют миграционные процессы. По мнению специалистов, массовый характер миграции привел к необходимости пересмотра характера «гражданства» не как индивидуального договора, а как группового акта. В этом случае групповой акт не предполагает требований к аккультурации или ассимиляции, а только к логически необходимой адаптации, а том числе и к протекающим в принимающем обществе социально-политическим процессам.

Меняется облик субъекта политической миграции: из бывшего объекта миграционной политики, подчиняющегося нормативному регулированию со стороны национальных государств, он превращается в полноценного политического актора, способного влиять на протекание внутривнутриполитических процессов в принимающем обществе, на распределение политических сил, на формирование новых политических движений. Меняются и доминирующие категории политической миграции: ссыльные, каторжане, репрессированные, депортированные народы – все это ушло в прошлое, их место заняли оппозиционеры и беженцы.

Список литературы

1. Алешковский И.А., Ионцев В.А. Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 75–87.
2. Затулина Д.К. Сущность, политическое содержание и соотношение явлений «миграция», «миграционный процесс» и «миграционная политика» // Постсоветский материк. 2016. № 4. С. 44–61.
3. Иванов Е.В. Вынужденная миграция в международных правовых документах // Власть. 2010. № 3. С. 82–83.
4. Карнаухова О. С. Гражданство в мультикультурном обществе: от теории статусов к практикам // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 1: «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2014. № 2 (139). С. 14–20.
5. Касаткин П. И., Хрусталева И. М., Аватков В. А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI веке // Вестн. МГИМО. 2012. № 6. С. 79–93.

6. Конвенция о статусе беженца [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
7. Рувинский В.В. Человеческое развитие, современные политические условия и международная миграция // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер.: «Политология. Религиоведение». 2014. №. С.11–32.
8. Galtung J. Cultural Violence // Journal of Peace Research. Vol. 27. № 3. P. 291–305.
9. Portes A., Borocz J Contemporary Immigration: Theoretical Perspectives on its determinants and modes of incorporation // International Migration Review. Vol. 23. № 3. P. 606–630.

FEATURES OF POLITICAL MIGRATION IN CONTEMPORARY WORLD

O.Yu. Verpatova

Tver State Technical University, Tver

The scope of the «political migration» concept is defined within the article's format. Under the globalization conditions, the vector of organization of migration streams is moving from national-administrative pressure with local planning and regulation of immigrants to internationally approved coordination of migration behavior standards. Global nature of migrations raises a question about the solution of opposite problems – the migration politics liberalization (citizenship mechanism improvement, creation of «transparent borders», etc.) and the acceptance of the strict restrictive steps in order to preserve the national security.

Keywords: *global/local, migration, nation-state, multinational companies.*

Об авторе:

ВЕРПАТОВА Оксана Юрьевна – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Author information:

VERPATOVA Oksana Yuryevna – PhD student, Tver State Technical University, Tver. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

УДК 101.8

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В.А. Песоцкий, А.В. Петров

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва

На основе анализа террористических вызовов и угроз, трансформации терроризма в условиях современного глобального мира рассмотрены основные подходы к обеспечению национальной безопасности государства. Антитеррористическая безопасность – это неотъемлемая и важная часть национальной безопасности, самостоятельный элемент системы национальной безопасности, призванный аккумулировать силы и средства противодействия терроризму.

Ключевые слова: *национальная безопасность, терроризм, антитеррористическая безопасность, государство.*

Национальную безопасность можно представить как диалектическое единство безопасности государства, общества и личности, которое характеризуется тем, что ослабление безопасности одного из объектов, одного из уровней, одной из сфер жизнедеятельности незамедлительно отражается на безопасности всей нации.

Терроризм – идеология и практика насилия, оказание воздействия на принятие решений органами местного самоуправления, государственной власти или международными организациями через устрашение населения посредством осуществления противоправных насильственных действий. В XXI в., среди угроз безопасности всему мировому сообществу терроризм продолжает оставаться одной из наиболее серьезных и глобальных. Наглядные тому примеры – террористические вылазки в Европе, разгул террора в Северной Африке и на Ближнем Востоке, где ряд стран уже находится на грани распада, осложнение ситуации в Афганистане, попытки боевиков обрести дополнительный плацдарм в государствах Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. Всем нам памятна и варварская атака в Санкт-Петербурге, где в результате террористического акта в метрополитене 3 апреля 2017 г. пострадали 103 человека, 16 из них погибли.

По состоянию на 1 января 2016 г. в Российской Федерации, в соответствии с действующим законодательством была запрещена деятельность 70 организаций, 46 из них, включая международные («Таблиги Джамаат», «Ат-Такфир Валь-Хиджра», «Нурджулар» и др.), признаны экстремистскими, а 23 организации (ИГИЛ (ИГ), «Джебхат ан-Нусра» и др.) террористическими [1]. Кроме того, в список включено одно сообщество (структурное подразделение «Правого сектора» на территории Республики Крым), которое также признано террористическим.

Терроризм является угрозой национальной безопасности России, что отражено в концепции национальной безопасности Российской Федерации. В

качестве основных причин и факторов развития терроризма в концепции обозначены:

1. Недостаточная правовая и материально-техническая обеспеченность деятельности по предупреждению терроризма и организованной преступности, правовой нигилизм, отток из органов обеспечения правопорядка квалифицированных кадров, отсутствие эффективной системы социальной профилактики правонарушений. Нередко изменения форм собственности, обострение борьбы за власть на основе групповых и этнонационалистических интересов сопровождаются конфликтами, которые увеличивают степень воздействия этой угрозы на личность, общество и государство, возрастают масштабы терроризма и организованной преступности.

2. Серьезную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации представляет международный терроризм, который в последнее время используется в качестве инструмента международной политики.

Осуществление давления на Россию, попытки других государств противодействовать укреплению Российской Федерации как одного из центров влияния в многополярном мире, стремление дестабилизировать ситуацию внутри России, помешать реализации ее национальных интересов и ослабить ее позиции в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе также являются угрозой национальной безопасности РФ.

3 Активизация деятельности зарубежных террористических организаций и трансграничной организованной преступности по периметру границ Российской Федерации также является угрозой национальной безопасности, оказывает деструктивное влияние в пограничных регионах и на внутривнутриполитическую ситуацию в стране.

Международный терроризм, без сомнения, стал одной из острейших и глобальных проблем в сфере международных отношений. Такая современная трансформация терроризма объясняется следующими причинами:

Во-первых, расширение зон конфликтов, открытого вооруженного противостояния способствует распространению международного терроризма. Сегодня терроризм не является исключительной принадлежностью регионов традиционных международных конфликтов (Ближний Восток, Северная Африка, Южная Азия), от террористических проявлений оказались не защищены и наиболее развитые, благополучные в социально-экономическом плане государства (в частности Западная Европа и США).

Во-вторых, сотни террористических актов совершаются ежегодно по всему миру, их жертвами становятся тысячи людей. Международный терроризм представляет собой серьезную угрозу для безопасности как отдельных государств, так и всего мирового сообщества в целом.

В-третьих, предотвращение распространения международного терроризма как глобальной международной проблемы требует усилий всего мирового сообщества. В настоящее время сложилась ситуация, когда для борьбы с международным терроризмом недостаточно усилий одной великой державы

или даже группы высокоразвитых государств, недостаточно только силовых методов противодействия. Вместе с тем необходимы консолидация усилий всех народов планеты и реализация прежде всего социальных, экономических, политических мер, направленных на устранение причин распространения террористической идеологии.

В-четвертых, безусловна связь феномена международного терроризма с актуальными глобальными проблемами современности (нищета, разница в уровнях доходов, усиление конкурентной борьбы, разжигание национальной и конфессиональной розни и т. д.), на которых терроризм паразитирует и которые являются как предпосылками возникновения, так и средой распространения терроризма.

Необходимо осознать, что проблема противодействия терроризму является и должна рассматриваться как важный элемент всего комплекса мер обеспечения национальной безопасности на основе всестороннего анализа и классификации проявлений этого антисоциального явления (см. рисунок).

Влияние терроризма на национальную безопасность страны обусловлено многомерностью его содержания и затрагивает национальную безопасность страны на всех ее уровнях – межгосударственном, государственном, межнациональном, национальном, классовом и групповом. Причем граница между международным и внутригосударственным терроризмом достаточно условна ввиду того, что, часто террористическая деятельность внутри государства координируется и обеспечивается извне.

Можно условно выделить две группы объектов национальной безопасности России, на которые может быть направлена террористическая активность [2].

Первая группа – это объекты, в отношении которых террористическая деятельность направлена с целью их ослабления или уничтожения: внешняя и внутренняя безопасность государства, международные взаимодействия, связи, положение и интересы, основы общественного строя и политическая организация общества, независимость и суверенитет государства, государственная власть и ее институты. Это объекты террористического влияния.

Вторую группу объектов составляют безопасность граждан, зданий и сооружений, инфраструктуры и т. д. Цель воздействия – уничтожение, разрушение, нарушение нормального функционирования. Это объекты непосредственного террористического воздействия. Насилие в отношении данных объектов (лишение жизни, захват заложников, уничтожение жизненно важных центров обеспечения и т. д.) есть средство достижения преследуемых террористами целей.

Цели терроризма в значительной мере предопределяют выбор объектов террористических акций, а также методов и средств их совершения. В зависимости от субъекта террористической деятельности и направленности его деятельности такие цели могут быть определены как внешнеполитические и внутривнутриполитические.

Рассматривая внутривнутриполитические цели терроризма, можно выделить следующие: дестабилизация внутривнутриполитической обстановки и изменение политического режима и общественного устройства страны; подрыв авторитета власти и веры населения в ее способность защитить его законные права и интересы; приостановка или отказ от демократических преобразований; провоцирование власти на совершение каких-либо непопулярных (силовых) действий с целью ее компрометации в глазах населения и популяризации (распространения) на этом фоне террористической идеологии; затруднение и дезорганизация деятельности органов власти по консолидации внутривнутриполитических сил, обеспечению безопасности и порядка в районах распространения кризисных и конфликтных ситуаций; внедрение «грязных» технологий в борьбе за власть.

Достижение террористами внутривнутриполитических целей угрожает национальной безопасности государства в сфере внутривнутриполитических интересов, нарушая стабильность конституционного строя и функциональность институтов государственной власти, нивелирует усилия власти по сохранению гражданского мира и национального согласия, обеспечению единства правового пространства и поддержанию правопорядка. Совершенный террористический акт свидетельствует о том, что власть не способна эффективно функционировать, обеспечить спокойствие граждан, их жизнь и здоровье, а следовательно, виновата и несет ответственность за это. В момент совершения террористического акта происходит низложение власти, ввиду вызывающего, показного и устрашающего нарушения закона, гражданских прав, которые эта власть гарантирует, власть утрачивает монополию на насилие. В этот момент осуществляется реализация террористической власти, достига-

ется первоочередная цель террористов – устрашение, создаются условия для дальнейшего политического шантажа, который используют террористы [3].

Основную целью терроризма в социальной сфере является разрушение политической и экономической системы жизни общества, снижение уровня жизни граждан. Тем самым терроризм препятствует достижению высшей ценности общества, которая заключается в его собственном благополучии на основе благополучия каждого гражданина. Мало того, терроризм лишает человека его неотъемлемого права – права на жизнь.

Обеспечение национальной безопасности нашей страны невозможно без сохранения духовного единства народов, ее населяющих, единства общих морально-нравственных ценностей, в основе которых лежат традиции, патриотизм, гуманизм, общая история и культура. Терроризм расшатывает и разрушает духовное единство, подменяя ценности многонационального народа России узконаправленными этнонационалистическими лозунгами, ценности культурно-исторической общности подменяя религиозным экстремизмом, ценности гуманизма и мирного сосуществования подменяя воинствующим шовинизмом. Распространение террористической идеологии представляет угрозу национальной безопасности России, затрудняя духовное возрождение многонационального народа нашей страны, наносит серьезный ущерб конституционным правам и свободам человека и гражданина в области духовной жизни, а также индивидуальному, групповому и общественному сознанию. Очевидно, что Российская Федерация, в силу многонационального и многоконфессионального населения, рассматривается международными террористическими организациями как один из главных плацдармов для экспансии террористической идеологии и вербовки новых членов для участия в террористической деятельности, создания террористического бандподполья и законспирированных ячеек, совершения террористических актов для разжигания межнационального недоверия, страха, а также их экспорта за пределы нашей страны. Также опасно и возвращение россиян, разделяющих экстремистскую идеологию, которые выехали за рубеж для участия в деятельности террористических организаций, а таких, по разным оценкам, от трех до пяти тысяч человек. Возвращение получивших опыт боевых действий и зараженных вирусом насилия террористов представляет большую опасность для общества и государства.

Важным аспектом опасности распространения идеологии терроризма является повышение уровня радикализации среди отдельных групп населения, распространения террористических идей в молодежной среде, в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Особое значение для обеспечения национальной безопасности и противодействия терроризму приобретает информационное пространство, деятельность СМИ, глобальная сеть Интернет. Информационное пространство в настоящее время все больше превращается в инструмент как пропагандистской деятельности террористов, так и сопротивления террористической идеологии. Учитывая то, какое влияние Интернет и социальные сети имеют

на массовое сознание, они рассматриваются террористами в качестве наиболее эффективного средства распространения идеологии насилия, предварительного изучения и вербовки (самовербовки) новых членов террористических организаций, как средство связи, дистанционного руководства и обучения террористической деятельности, поиска новых источников финансирования.

Неадекватное освещение СМИ террористических актов, где вместо того чтобы осудить терроризм рассуждают о праве террористов таким образом выражать свою гражданскую позицию, разделяют террористов на плохих и не очень ведет к эффекту девальвации духовных ценностей, пропаганде культа насилия, что противоречит ценностям российского общества. Трансляция террористических актов в реальном масштабе времени, репортажи от лица террористов или из мест их дислокации, рассказывающие о них как о борцах и показывающие результаты их деятельности многократно усиливают поражающий эффект терроризма. И здесь не может быть двойкой оценки. Подобная деятельность СМИ и других средств информации по сути является выполнением воли террористов. К сожалению, в СМИ или Интернете сегодня представлены абсолютно все известные террористические группы, которые публикуют свои материалы по меньшей мере на 40 различных языках. В сети Интернет можно найти руководства по изготовлению бомб, оружия, организации терактов и т.п.

Учитывая все это, становится очевидно, что противодействие терроризму в информационном пространстве является важнейшей задачей в интересах обеспечения национальной безопасности государства. Однако нельзя не отметить и то, что выполнение этой задачи существенно затрудняется из-за отсутствия единого, комплексного подхода в определении необходимых и достаточных профилактических мероприятий в Интернете, отсутствия действенного механизма предотвращения распространения контента террористической направленности и других проблем, снижающих эффективность противодействия терроризму в информационном пространстве. Меры, принимаемые государством в этом направлении, должны носить аргументированный, опережающий, в какой-то степени креативный и доступный для восприятия молодежью характер, способный предупреждать и локализовать факторы и условия, продуцирующие в обществе террористические проявления.

На наш взгляд, мерами, повышающими антитеррористическую безопасность в нашей стране, могли бы стать:

- повышение эффективности взаимодействия компетентных государственных органов в целях предотвращения использования международными террористическими организациями (МТО) современных средств коммуникации - сети Интернет, социальных сетей – для пропаганды террористической идеологии и осуществления вербовки своих сторонников, а также для ограничения доступа пользователей к интернет-ресурсам террористической направленности;

- разработка массового антитеррористического контента для размещения в Интернете и социальных сетях, проведение взвешенной и наступательной контрпропаганды, исключаящей распространение идей терроризма, информирующей об ответственности за распространение такой идеологии;

- разработка и внедрение в образовательных учреждениях программ по защите учащихся от распространяемой через Интернет информации противоправного, в т. ч. террористического характера (подпрограммы в рамках изучения ОБЖ или информатики, возможно факультативной программы по правовому обучению и т. д.), проведение мероприятий по антитеррористическому просвещению школьников, студентов и молодежи, формированию у них понимания реальной опасности, исходящей от террористической идеологии;

- оказание всесторонней государственной поддержки интернет-сообществу в интересах противодействия пропаганде террористической идеологии в социальных сетях и блогосфере;

- использование возможностей СМИ, масс-медиа, Интернета, кинопроката и др. в целях разъяснения методов и способов вербовки в террористические организации, серьезности угроз для социального благополучия со стороны террористических организаций, формирования в обществе неприятия предлагаемых террористами псевдоценностей, морали и героизации террористов;

- совершенствование адресной профилактической работы с категориями лиц, наиболее подверженными воздействию экстремистской идеологии;

- проведение социальной политики, направленной на предотвращение разделения молодежи по территориальному, социальному, национальному, религиозному, культурному признакам, на основе исторически сложившихся морально-нравственных и культурно-исторических ценностей российского общества;

- разработка и внедрение в образовательную систему профессионального и высшего образования специальной образовательной программы по антитеррористической безопасности, включающей в себя все аспекты возникновения, распространения и реализации террористической деятельности и имеющей целью повышение уровня как общесоциального противодействия терроризму, так и повышение квалификации специалистов в сфере противодействия терроризму;

- разработка и внедрение на муниципальном уровне специальной программы «Город-антитеррор», которая аккумулировала бы и интегрировала в себе все направления противодействия терроризму, усилия властных структур и общественных организаций.

Терроризм несет угрозу национальной безопасности Российской Федерации в экологической сфере, нарушая обеспечение сохранения и оздоровления окружающей среды.

В настоящее время уже можно говорить о возникновении нового вида терроризма. Экологический терроризм – воздействие на окружающую среду путем заражения атмосферного воздуха, почвы, земли или водоемов экологически опасными веществами, могущими нести угрозу здоровью и жизни

людей и животных, а также растительному миру. Устойчивое развитие Российской Федерации, высокое качество жизни и здоровья ее населения, а следовательно, и обеспечение национальной безопасности могут быть нарушены путем террористических посягательств на природные системы и окружающую среду.

Несоизмеримо увеличивается опасность террористического акта при использовании террористами оружия массового поражения – ядерного, радиационного, химического, биологического и т. д.

К внешнеполитическим целям террористических актов могут быть отнесены следующие: выражение осуждения или протеста против тех или иных акций России, подрыв усилий России по разрешению международных конфликтов, ослабление международных связей или ухудшение отношений России с государствами западного и мусульманского мира, создание неблагоприятных условий для деятельности учреждений нашей страны и нахождения граждан нашей страны за границей; представление Российской Федерации в глазах мирового сообщества как страны, поддерживающей международный терроризм, создание препятствий для реализации интересов России в западных структурах безопасности и сотрудничества, налаживания международного сотрудничества на уровне правоохранительных, специальных, военных ведомств.

Терроризм представляет угрозу национальной безопасности страны в международной сфере, покушаясь на ее суверенитет, препятствуя развитию равноправных и взаимовыгодных отношений с другими странами и интеграционными объединениями, ставя под сомнение положение России как великой державы – одного из влиятельных центров многополярного мира [4].

Обеспечение антитеррористической безопасности в плане защиты суверенитета России, ее государственной и территориальной целостности реализуется в военной и пограничной сферах, в предотвращении военной агрессии против России и ее союзников, в обеспечении условий для мирного, демократического развития государства.

Необходимо понимать наличие заинтересованности других государств в ослаблении России. Тревожной реальностью сегодняшнего дня является то, что терроризм все более явно становится фактором геополитического влияния мировых центров силы на остальные страны, поэтому терроризм в данном случае можно трактовать как одну из практических парадигм или технологий социального управления – противоправную, но чрезвычайно эффективную [5]. Террористические организации в настоящее время обладают возможностями оперативно маневрировать крупными вооруженными силами и перемещать значительные финансовые и материальные ресурсы, обладают военной техникой и живой силой, достаточной для проведения террористических акций, равнозначных по политическим, физическим и психологическим последствиям с актами военной агрессии.

Анализу этой проблемы, в частности, посвящена примечательная книга «Именем государства» известного западногерманского политика Ан-

дреаса фон Бюлова, в которой автор представил тщательно собранный обширный материал об использовании спецслужбами (ЦРУ, Моссадом и др.) инфильтрированных ими террористических организаций для провокаций по всему миру [6].

Не секрет, что такая террористическая организация, как Аль-Каида была создана при участии и поддержке спецслужб США. США же и Англия свергли законное руководство Ирака, что послужило отправной точкой создания ИГ. США же сформировали коалицию для борьбы с ИГ, а между тем под видом поддержки сирийской оппозиции по сути прикрывают это самое ИГ, препятствуя законным властям Сирийской Арабской Республики (САР) очистить свою территорию от террористов. То есть, международный терроризм используется в качестве деструктивного инструмента внешней политики, нарушения сложившегося баланса военно-политических сил, распространения «теории хаоса» и перекраивания зон интересов. Ирак, Ливия, САР, обладают развитой транспортной инфраструктурой, выходами к морю, большими запасами природных ископаемых, – все это, в условиях нарастающего дефицита энергоресурсов, заставляет проявлять интерес к подобным территориям и, как мы видим, использовать далеко не чистоплотные методы в международной политике. Подобную ситуацию мы наблюдали в свое время и на Северном Кавказе, который превратился в зону острой конкуренции мировых держав, заинтересованных в том, чтобы экономически закрепиться в Прикаспийском и Причерноморском ареалах.

Важным элементом в противодействии терроризму и обеспечении национальной безопасности во внешнеполитической сфере является информационная безопасность, которая здесь прежде всего связана с затруднением соблюдения конституционных прав и свобод граждан в области получения и пользования информацией, а также защита государственных информационных ресурсов от несанкционированного доступа. Информационная война, которую ведут террористические организации извне, направлена на разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды, а также подразумевает использование информационных ресурсов и виртуальных финансовых сетей как оружия в политической и экономической борьбе.

Развитие научно-технического прогресса ставит государство в прогрессирующую зависимость от высоких технологий, включая компьютеры, которые включены в систему управления военной, транспортной, информационной, финансовой инфраструктурой государства. Крайне опасно нарушение безопасности государственных информационных ресурсов от несанкционированного доступа, в т. ч. информационно-управляющих систем федеральных органов государственной власти Российской Федерации, финансово-кредитной и банковской систем, телекоммуникационных систем, управления экологически опасными и экономически важными производствами, а также систем управления войсками и оружием, систем и средств информатизации вооружения и военной техники. Очевидно, что действия, направлен-

ные против объектов критической инфраструктуры – командных пунктов ядерных сил, систем управления АЭС, плотин, промышленных предприятий и т. д. – имеют чрезвычайную опасность. Представим, например, последствия блокирования системы управления воздушным движением крупного международного аэропорта: одновременно создается угроза жизням сотен людей.

В зависимости от масштаба и содержания цели терроризма могут быть стратегическими (дестабилизация обстановки в стране, подготовка условий для свержения существующего строя, признание или навязывание такого признания террористической организации властями и общественностью как самостоятельной политической силы и т. п.) и тактическими (пропаганда террористических организаций и террористических способов разрешения социальных противоречий, получение финансовых и материальных ресурсов для террористической деятельности, требование освобождения террористов, отбывающих наказание, создание негативного образа власти страны, правоохранительных органов, специальных служб, вооруженных сил и т. д.).

Говоря о методах террористической деятельности, необходимо отметить, что они в отличие от терроризма прошлого века, все более носят комплексный характер. Нередко они объединяют несколько направлений террористической деятельности, взаимосвязанных и взаимодополняемых. В зависимости от целей и задач, объектов, выбранных террористами, способа достижения поставленных террористами целей условно можно выделить четыре группы методов: организационного характера, методы физического, материального и психологического воздействия.

Методы организационного характера – это прежде всего создание террористических структур и подготовка террористических актов, т. е. непосредственного насильственного воздействия (привлечение сторонников к участию в террористической деятельности и их организационное сплочение, налаживание взаимодействия с другими террористическими организациями, финансовая и материальная поддержка, подготовка и осуществление террористических акций).

Метод физического воздействия связан с непосредственным физическим причинением ущерба жизни, здоровью и свободе людей (лишение людей жизни, причинение ущерба их здоровью, лишение или ограничение их свободы).

Уничтожение или повреждение материальных (неодушевленных) объектов можно представить как метод материального воздействия (преимущественно механическое нанесение повреждений или приведение этих объектов в негодность с использованием взрывчатых и воспламеняющихся веществ).

Все большее место в террористической деятельности занимают методы психологического воздействия. Это определяется самой сущностью терроризма как метода принуждения через устрашение. Психологическое воз-

действие базируется на использовании предыдущих трех методов. Иногда возможно достижение террористических целей через распространение политического экстремизма и его насаждение в разных сочувствующих социальных группах населения. Примером метода психологического воздействия могут быть организованные, целенаправленные и массированные кампании запугивания своих противников, государственных деятелей и т. д. через угрозу эскалации террористической деятельности.

Опасной тенденцией, характеризующей терроризм XXI в. являются его интенсификация и стремление к повышению организованности, что мы наблюдаем на примере создания крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой (Афганистан, Ирак, Филиппины и др.), усиление взаимосвязи террористической и организованной преступности, в т. ч. транснациональной, а также попытки использования террористической деятельности как инструмента вмешательства во внутренние дела государства [7].

Интенсивность же террористической деятельности находится в прямой зависимости от уровня финансовых и материально-технических возможностей террористической организации. Очевидно, что снижение интенсивности проявлений терроризма связано с возможностью перекрытия каналов финансирования террористической деятельности, что является важнейшим фактором успешной борьбы с международным терроризмом. Современный терроризм требует достаточно серьезного финансового обеспечения: подготовка, обучение и последующая организация боевиков; освещение своей деятельности в средствах массовой информации; закупка современного оружия; организация международного взаимодействия и т. д.

У современного терроризма есть несколько финансовых источников¹.

Во-первых, откровенная криминальная деятельность самих террористических групп и организаций (ограбления, выкуп заложников, финансовые аферы и т. д.).

Во-вторых, конкурентная борьба, в которой за определенное спонсирование террористические организации выступают как средство давления на бизнес-конкурентов и изменения бизнес-климата в каком-то из регионов мира.

В-третьих, спонсорская помощь стран, использующих террористов в качестве инструментов для достижения своих геополитических целей.

В-четвертых, доходы от теневой экономики, что непосредственно связано с незаконной торговлей оружием, наркотиками, «живым товаром» (захват заложников, экспорт проституток, рабочих-гастарбайтеров и т. д.). Нелегальный бизнес от торговли оружием и наркотиками находится в тесной взаимосвязи с террористическими организациями и делит с ними свои доходы. Громадные прибыли международный терроризм в тандеме с транснациональной организованной преступностью получает от операций с наркотиче-

¹ Список организаций и физических лиц, включенных в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, публикуется на официальном сайте Федеральной службы по финансовому мониторингу [1].

скими средствами, а в отдельных случаях эти деньги служат едва ли не основным источником финансовой подпитки террористических организаций. Связь транснациональной преступности с террористическими организациями, использующими тактику массового устрашения и насилия в политических целях, все более очевидна. Это обусловлено тем, что позволяет террористическим организациям расширить возможности пополнения своего финансового бюджета и материально-технического обеспечения, а также возможность задействовать инфраструктуру транснациональных преступных организаций.

В-пятых, пожертвования частных лиц через посредничество религиозных организаций, землячеств, обществ гуманитарной помощи и т. д.

Как известно, в исламском мире благотворительность является одним из основных видов общественной и финансовой активности благотворительность и пожертвования – религиозный долг мусульманина. Жертвуя в какой-либо фонд, в поддержку той или иной исламской организации, мусульманин не просто отдает деньги, он выполняет социальную функцию, так как таким образом выражает протест против светских властей либо причисляет себя к сообществу тех, кого поддерживает. Этим во многом объясняется широкая поддержка исламских организаций. Основой финансового благополучия радикально-исламских движений остаются поступления, изначально получаемые в виде религиозных пожертвований.

Примечательно, что финансовые потоки от пожертвований верующих (закят, садака) не регулируются властями и не подлежат налоговой, аудиторской и какой-либо другой проверке со стороны государства. Причем эти средства абсолютно легальны, управляются различными исламскими фондами и благотворительными организациями. Такими, например, как Международная организация исламской помощи в Саудовской Аравии или Всемирная мусульманская лига, имеющая свыше 100 филиалов в более чем 30 странах мира. Большую роль играют институты исламской банковской системы.

И хотя в соответствии с нормами ислама регулярные пожертвования в виде закята официально предназначены для благотворительности, на деле некоторая часть этих денег может пойти на нужды джихада или радикальным исламистским группировкам. Следовательно, даже объявленные вне закона и осуществляющие террористическую деятельность радикально-исламские организации могут финансироваться из вполне легальных источников. Финансирование в этом случае происходит по принципу не отмывания «грязных» денег, а «загрязнения» чистых.

Отдельная строка пополнения доходов для террористических организаций – сеть Интернет. Созданные террористами сайты ведут поиск финансов и используют Интернет в качестве средства мобилизации ресурсов. Наиболее популярный способ – прямые просьбы на террористических сайтах. Эти просьбы могут быть изложены в форме общих заявлений, подчеркивающих, что организация нуждается в деньгах и информации о банковском счете или реквизитах оплаты через Интернет.

Особый интерес представляют источники финансового могущества «Исламского государства» (запрещенного в России, далее – ИГ), которое являются собой качественно новый тип террористической организации, для которого вопрос финансирования выходит на первый план. Как «квазигосударству» ему требуются немалые средства на организационные нужды и инфраструктуру. ИГ не только захватило значительные территории Ирака и Сирии. Его вооруженные формирования или подконтрольные этому движению группировки участвуют в боевых действиях в Афганистане, Алжире, Пакистане, Ливии, Египте, Йемене и Нигерии, ведут террористическую деятельность в ряде других стран. Такую активность оно не смогло бы развить без солидного «стартового капитала».

Одной из его составляющих аналитики называют средства, оставшиеся от свергнутого западной коалицией иракского режима, другой – помощь «Аль-Каиды» и, наконец, третьей – спонсорскую поддержку ряда режимов стран региона. В качестве постоянных спонсоров ИГ выступают те самые «благотворительные фонды», организованные и действующие под эгидой международной религиозно-политической ассоциации «Братья-мусульмане», которая является одной из самых крупных и мощных в мире. В эту ассоциацию, кроме государств Персидского залива (Катара, Кувейта, ОАЭ), входят также Малайзия и Индонезия. По сути, это всемирная сеть благотворительных исламских фондов. Определить происхождение денег или причастность какого-либо фонда к этой ассоциации очень сложно, потому что основные финансовые потоки радикальным вооруженным формированиям идут по весьма специфическим каналам, не имеющим ничего общего с системами банковских переводов. В исламском мире эти переводы называются «хавала»².

«Хавала» – мгновенный перевод денежных средств в любую точку на земном шаре через нелегальных брокеров. Достаточно вручить брокеру необходимую сумму и назвать, куда необходимо перевести деньги, имя получателя, и получатель получит деньги, прибегнув к услугам такого же брокера непосредственно в месте своего пребывания. Использование современных коммуникаций (телефонной и факсимильной связи, интернет-мессенджеров, главным образом Skype) делает этот процесс практически мгновенным.

Выделим еще некоторые, особенно значимые источники финансирования ИГ.

Во-первых, это продажа нефти и нефтепродуктов. На захваченной ИГ территории, по разным экспертным оценкам, насчитывают несколько скважин общей производственной мощностью до 50 тыс. барр. ежедневно. Общая стоимость добываемой нефти около \$350 млн в год. Действия российских ВКС существенно сократили поступления нефтедолларов в казну ИГ, а вот «достижения» американских военных, продолжающих рапортовать о все новых и новых боевых вылетах и ударах по объектам ИГ в Ираке и в Сирии,

² «Хавала» по-арабски – «вексель», «расписка».

на деле никакого серьезного урона финансовому благополучию террористической организации не приносили. И это вполне объяснимо. Прежде всего тем, что продажа этой террористической организацией нефти в значительных объемах и по демпинговым ценам соответствует интересам Белого дома по использованию этого финансово-экономического рычага для нанесения финансового ущерба прежде всего России. Как ни парадоксально, но это отразилось и на странах-союзниках США, наполняемость национального бюджета которых во многом зависит от мировых цен на нефть. И то, и другое выгодно США, поэтому сомнений в том, что такой «бизнес» ИГ координируется из Вашингтона, как ранее оттуда же координировалась подрывная деятельность Аль-Каиды против Советского Союза в Афганистане, нет.

Необходимо отметить, что ИГ быстро адаптировалась к новым условиям и наладила процесс нефтепереработки сотням кустарных предприятий, стараясь восстановить свои потери, продавая нефть через многочисленных посредников в регионе и даже через коррумпированные каналы киевской власти в одесском морском порту.

Важным источником доходов ИГ являются и банки. На захваченной территории Ирака террористы присвоили примерно, по разным оценкам, до 2 млрд долларов. В Мосуле руководство ИГ ввело комиссию 5% за вывод средств со вкладов, там же из отделения банка «Аль-Рафидин» было вывезено несколько десятков миллионов долларов. Финансовую поддержку ИГ получает и от частных инвесторов из стран Персидского залива, в частности из Кувейта и Саудовской Аравии, поддерживающих борьбу с режимом Башара Асада. Перевод денег осуществляется все через те же исламские благотворительные фонды, в основном Катара, Кувейта и Саудовской Аравии. Так, недавно вспыхнул скандал, из-за того что ИГ получило финансовую помощь от Катара в объеме 4 млрд долларов на ведение террористической деятельности в Ираке.

На третьей строчке по объему дохода находится использование промышленных мощностей на захваченных территориях. Один только фосфатный рудник и расположенный рядом завод по производству серной и фосфорной кислот, в иракской провинции Анбар могут приносить боевикам доход от нескольких десятков до нескольких сотен млн долларов в год. Перечень промышленных предприятий можно дополнить захваченными цементными заводами и заводами по извлечению серы. Однако монетизировать эти ресурсы будет труднее, нежели нефтепродукты, для продажи которых есть инфраструктура и контрабандные маршруты.

Следом по значимости идет доход от разграбления памятников старины, включая налог на контрабанду артефактов и ценностей. В целом на территории под контролем ИГ находилось 4,5 тыс. археологических площадок, которые подверглись варварскому уничтожению и разграблению. По разным оценкам, на этом «бизнесе» в Сирии исламисты заработали несколько десятков миллионов долларов.

Доходы от использования сельскохозяйственных ресурсов также являются источником пополнения финансов ИГ. По разным оценкам, под контролем террористов находилось до 40% всех пшеничных полей Ирака и несколько важных комплексов зернохранилищ, однако достоверных оценок дохода ИГ по этой отрасли нет.

Ужасает своей циничностью и презрением общечеловеческих ценностей активно используемый боевиками ИГ захват заложников с целью получения выкупа за похищенных людей, что приносило в казну ИГ, по разным оценкам, от 20 млн до 45 млн долларов в год.

По оценкам отдельных экспертов, бюджет террористического «квазигосударства» может достигать 7 млрд долларов, что до последнего времени позволяло этой террористической организации активно вербовать в свои ряды наемников, финансировать различные пропагандистские кампании.

Подводя итог необходимо резюмировать следующее:

1. Проблема обеспечения национальной безопасности неразрывно связана с противодействием терроризму, т. е. необходимостью обеспечения антитеррористической безопасности, и приобретает в современных условиях многомерный, разнонаправленный, быстро изменяющийся по вызовам и способам проявления угрозы характер и является безусловным и обязательным условием сохранения государственности нашей страны.

2. Национальная безопасность государства должна строиться на основе анализа всех потенциальных угроз, включая угрозы терроризма, который за последние десятилетия приобрел новые возможности, а антитеррористическую безопасность необходимо выделить в отдельный и важный элемент национальной безопасности государства.

Список литературы

1. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими. [Электронный ресурс] URL:<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>
2. Щеглов А.В. Анатомия терроризма: проблемно-психологический анализ // Право и политика. 2000. №5. С. 42–51.
3. Основы противодействия терроризму / под ред. Я.Д. Вишнякова. М.: Академия, 2006. 240 с.
4. Кулагин В.М. Международная безопасность. М.: Аспект Пресс, 2007. 318 с.
5. Сляднева Н.А. Международный терроризм и добровольный ПИАР: симбиоз, порожденный новым информационным режимом XXI века // Русское общество. 2006. № 21. 30 марта 2006 г.
6. Bülow A. von. Im Namen des Staates. München, 2000. 640 s.
7. Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма: Автореф. дис. ...канд. юр. н. Екатеринбург, 2010. 24 с.

ANTI-TERRORIST SECURITY AS AN ELEMENT OF NATIONAL SECURITY

V.A. Pesotsky, A.V. Petrov

Moscow Regional State University, Moscow

On the basis of the analysis of modern terrorist challenges and threats, transformation of terrorism under the contemporary global world conditions, the basic approaches to providing national security of the state are considered. Antiterrorist security is an integral and important part of national security, an independent element of the national security system designed to accumulate forces and means to counter terrorism.

Keywords: *national security, terrorism, anti-terrorist security, state.*

Об авторах:

ПЕСОЦКИЙ Владислав Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, Москва. E-mail: kaf-filosof@mgou.ru.

ПЕТРОВ Александр Валерьевич – соискатель ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва. E-mail: chundza2534@yandex.ru.

Authors information:

PESOTSKY Vladislav Anatolievich – PhD (Philosophical Sciences), Professor, Chair of the Department of Philosophy, Moscow Regional State University, Moscow. E-mail: kaf-filosof@mgou.ru

PETROV Alexander Valeryevich – PhD student of the Philosophy Dept., Moscow Regional State University, Moscow. E-mail: chundza2534@yandex.ru.

УДК 101.8

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Петров

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва

Рассмотрены основные подходы к определению современных террористических угроз и обосновывается необходимость определения антитеррористической безопасности как социального явления и придания антитеррористической безопасности категориального статуса. На примере столичного мегаполиса показывается необходимость учета регионального фактора в определении параметров и содержания антитеррористической безопасности. Автором предлагается ряд направлений и форм построения антитеррористической безопасности.

Ключевые слова: *терроризм, антитеррористическая безопасность, государство.*

В Федеральном законе РФ от 28 декабря 2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» безопасность определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз [1]. Антитеррористическую безопасность Российской Федерации, следовательно, можно определить как состояние надежной защищенности личности, общества и государства от потенциальных и реальных террористических угроз и рисков. При этом террористические угрозы и риски могут быть реальными и потенциальными, внешними и внутренними, а также различаться по целям (политические, экономические, социальные, духовные, информационные, экологические и т. п.), следовательно, антитеррористическая безопасность должна быть столь же многоуровневой и многовекторной.

Следует отметить, что до последнего времени противодействие терроризму и борьба с ним в нашей стране не возводились в статус антитеррористической безопасности как существенного общественного явления и составного элемента общей системы национальной безопасности. Тем не менее, на наш взгляд, настало время, когда противодействие терроризму на уровне общества, государства, регионов и городов все более приобретает всесторонний, комплексный, системный характер. Именно эта идея заложена в признании и возведении в категориальный статус понятия «антитеррористическая безопасность».

При этом «безопасность» нельзя понимать как простую «защищенность», т. е. параметры и качество сил и средств, реализующих противодействие проявлениям терроризма в определенный момент времени. Антитеррористическую безопасность необходимо понимать именно как процесс, имеющий динамику и изменяющийся под влиянием внутренних и внешних факторов.

На уровне общественного сознания понятие «безопасность» [2] определяется как «отсутствие опасности; сохранность, надежность». В постсоветской России в официальных документах, научной литературе, средствах массовой информации получили распространение самые различные формулировки в этой области: «безопасность», «национальная безопасность», «общенациональная безопасность», «международная безопасность», «внутренняя безопасность» и т. д. [3, с. 10; 9, с. 37].

Наиболее адекватным методологическим инструментарием для правильного анализа этого понятия является системный подход, поскольку «плодотворность системной методологии к анализу сложного объекта обусловлена возможностью сохранения понимания целого и главного при исследовании любой его части» [4, с. 158].

Следует отметить, что само понятие «безопасность» в нашей стране прошло различные этапы развития. В XIX в. оно выражало состояние защищенности личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности: внешняя безопасность; безопасность промыслов; безопасность на воде; имущественная безопасность; общественная безопасность и т. д. После 1917 г. и до середины 1980-х гг. она олицетворялась с безопасностью государства (политическая безопасность) и международной безопасностью (внешняя безопасность). В период перестройки (1985–1991) проблема безопасности затронула кроме традиционных аспектов и многие другие – экономические, гуманитарные, экологические, информационные и т. д.

В основном все существовавшие в начале 1990-х гг. концепции по видам безопасности разработаны, как правило, в рамках парадигмы «безопасность есть защита от опасности». Большинство авторов делают упор именно на качественной определенности безопасности, т. е. «состоянии защищенности»: если его нет, то, следовательно, нет и безопасности. Такое понимание безопасности можно было бы назвать охранительным в широком смысле этого слова, поскольку оно предполагает наличие возможности и способности «сохранить», «оборонить», «защитить».

Однако безопасность обеспечивается не только за счет «охранительства», но и за счет жизнеспособности самого объекта, его возможности выживать и развиваться в конкурентной борьбе с себе подобными. Последнее, в свою очередь, требует создания необходимых оптимальных политических, социально-экономических, духовных и иных условий для его сохранения и развития.

По мнению автора, недостаточность такого подхода заключена, с одной стороны, в том, что защита – это всего лишь один из вариантов реагирования на угрозу, которую можно избежать, сохраняя при этом способность защищаться в активной или пассивной формах. С другой стороны, безопасность – это и свойство любой системы или объекта, условие их существования и развития, а также это и процесс, и результат самой деятельности, предполагающей ее осмысленность с точки зрения приемлемого риска. Есть в данном подходе и еще одна неточность: угроза безопасности не всегда представляет собой совокупность усло-

вий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам, – она может быть представлена и отдельно взятым условием или фактором.

В конце 1990-х гг. дискуссии по проблеме безопасности выявили два основных подхода к ее пониманию. Один из них, разделяемый большинством исследователей, можно условно именовать как «западнический». В центре его – постановка проблем ценности свободы и безопасности личности: безопасность государства и общества является не самоцелью, а лишь функцией обеспечения свободы и безопасности конкретного индивидуума [7, с. 85].

Второй подход выдвигает на первый план безопасность государства и общества. Нормативная концепция здесь заключается в том, что сильное государство обеспечивает необходимую безопасность личности и общества. Наиболее уязвимая часть этого подхода, по мнению диссертанта, состоит в том, что он чреват этатизмом, при котором безопасность государства и общества могут достигаться за счет безопасности личности.

В целом, подытоживая основные подходы к понятию «безопасность», можно констатировать, что, во-первых, в официальных источниках она рассматривалась главным образом как защищенность систем, объектов, существ от какого-либо фактора или совокупности факторов, представляющих собой опасность или угрозу, во-вторых, видимо, целесообразно согласиться с тем, что безопасность – это «состояние», имеющее определенные параметры и характеристики, но не собственно «деятельность», которая лишь направлена на достижение и поддержание этого состояния.

Основываясь на общих принципах системного подхода, представляется целесообразным рассматривать безопасность общества и государства в XXI в. как социальную систему, обеспечивающую всеобъемлющую защиту интересов отдельного гражданина, общества и государства от вызовов и угроз, с которыми столкнулось человечество в последние десятилетия. Иными словами, безопасность – это то, что обеспечивает потенциал развития страны на длительный исторический период, а также стабильность и благополучие общества.

Авторская точка зрения такова, что понятие «безопасность» как сложное социальное явление объективно носит конкретно-исторический характер и тесно связано со всеми направлениями и формами взаимодействия в системе «природа–общество–человек», а смысловое значение оно приобретает лишь в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности.

В понятии «антитеррористическая безопасность» отражается факт признания терроризма как антисоциальной реальности, угрозы общественному развитию и национальной безопасности, необходимости противодействия терроризму по всем направлениям его проявления. Признавая это, мы тем самым поднимаем противодействие терроризму на уровень социальной необходимости и официальной государственной политики. При этом антитеррористическая безопасность органично включается в общую систему национальной безопасности.

Поскольку терроризм может угрожать нормальному функционированию всех элементов российского социума, постольку антитеррористическая

безопасность не рядоположена с другими элементами национальной безопасности государства. Она имеет место, наличествует в каждом элементе национальной безопасности – в экономической, политической, социальной, информационной, духовной и т. п. И в то же время антитеррористическая безопасность представляет собой (или должна представлять) единую подсистему в общей системе национальной безопасности.

Антитеррористическая безопасность (АТБ) представляет собой процесс и состояние защищенности населения и всей инфраструктуры жизнедеятельности государства от возможных гипотетических и реальных террористических угроз и выступает в качестве целостной системы мер и многообразной деятельности субъектов по профилактике, предупреждению и пресечению терроризма, а также ликвидации последствий террористических действий.

Содержание антитеррористической безопасности государства должно быть адекватно характеру и содержанию терроризма (террористических угроз) на данном историческом этапе. Современный этап противодействия терроризму характеризуется интеграцией с международными антитеррористическими организациями, утверждением и расширением профилактических и предупредительных мер социального противодействия терроризму, а также динамизмом обновления в соответствии с требованиями времени.

Эксперты-террологи, например, выделяют в современной террористической деятельности следующие направления:

а) социальный терроризм, целью которого является коренное или частичное изменение конституционного строя либо экономических порядков в стране;

б) националистический терроризм, осуществляемый организациями этносепаратистской направленности с целью ликвидации экономического и политического диктата инациональных государств и монополий;

в) религиозный терроризм, выражающийся в крайних формах борьбы между собой сторонников различных религий либо религиозных сект, как правило, в целях подрыва светской власти.

Для определения содержания антитеррористической безопасности важное значение имеет учет факторов, способствующих распространению терроризма на территории нашей страны. По своему источнику и характеру действия эти факторы делятся на внешние и внутренние.

К числу внешних факторов, влияющих на распространение терроризма в России, следует отнести:

- деятельность международных террористических организаций;
- наличие вблизи границ Российской Федерации или границ ее союзников очагов вооруженных конфликтов;
- подготовка на территории других государств вооруженных формирований и групп с целью их переброски для действий на территории России или территориях ее союзников;
- отсутствие надежного контроля за въездом-выездом из России и сохраняющуюся «прозрачность» ее границ;

- наличие значительного «черного рынка» оружия в некоторых сопредельных государствах и др.

К числу внутренних факторов роста терроризма относятся:

- нищета большого количества людей, экономический и социальный спад развития государства, приводящие к настроению отчаяния и росту социальной агрессивности, падению авторитета власти и закона, веры в способность и возможность позитивных изменений;

- слабая работа правоохранительных и социальных государственных и общественных органов по защите прав граждан;

- низкий уровень политической культуры в обществе;

- наличие в стране большого нелегального «рынка» оружия и относительная легкость его приобретения;

- наличие значительного контингента лиц, прошедших школу войн в «горячих точках», и их недостаточная социальная адаптация в обществе;

- ослабление или отсутствие ряда административно-контрольных правовых режимов;

- криминализация общества, сплоченность и иерархичность преступной среды;

- широкая пропаганда (кино, телевидение, пресса, литература) культуры жестокости и силы и др.

Безусловно, терроризм выступает серьезной угрозой, преследующей цель дестабилизации ситуации как внутри страны, так и на международном уровне. Какой бы тип терроризма не осуществлял свою террористическую деятельность, его основной задачей будет являться подрыв социально-экономических устоев общества, дискредитация государства, как не способного обеспечить безопасность. Террористическое воздействие может осуществляться на социальную, экономическую, либо на социально-экономическую в совокупности, сферы жизнедеятельности государства или мегаполиса (см. рисунок).

Как уже отмечалось, до последнего времени понятие «антитеррористическая безопасность» не использовалось в научном обороте и политическом лексиконе. Например, в Государственной программе г. Москвы «Безопасный город» на 2012–2018 гг. и некоторых других документах часто используется понятие «антитеррористическая защищенность». Конечно, названные понятия можно понимать как синонимы.

Однако следует заметить, что та же защищенность применительно к обществу, государству и личности, а также применительно к экономике, политике, социальной и духовной сферам общественной жизни, другим социальным процессам обозначается понятием «безопасность» – национальная, государственная, безопасность личности, а также экономическая, политическая, социальная, духовная, информационная, военная, экологическая и иные разновидности. Данные понятия, как представляется, будучи глубоко осознанными и широко применимыми, приобрели статус категорий. Аналогично им признание и использование понятия «антитеррористическая безопасность» также может быть возведено в категориальный статус при соответствующем обосновании. И для этого существуют все необходимые предпосылки.

В зависимости от целей, средств и способов, масштабов и последствий террористических угроз и акций выделяются такие разновидности антитеррористической безопасности, как информационная, экологическая, химическая, биологическая, радиационная, а также АТБ в промышленности, торговле, на транспорте и т. п. Иными словами, какова структура террористических угроз, такова должна быть и система АТБ государства.

Антитеррористическая безопасность в функциональном плане могла бы быть представлена следующим образом:

- социально-организующая функция – нужна понятная и доступная программа действий властей по противодействию терроризму;
- футуролого-прогностическая функция – позволит, оценивая день сегодняшний, прогнозировать наиболее уязвимые направления противодействия терроризму, обозначать и обосновывать направления развития антитеррористической безопасности на будущее;
- интегративная функция – будет способствовать сплочению общества на основе единой цели – необходимости консолидации общества и совместных действий власти и общества в интересах защиты от терроризма;
- защитная функция антитеррористической идеологии – обеспечит неприемлемость террористических проявлений, обеспечит широкий общественный фронт борьбы с терроризмом.

В настоящее время в обеспечении антитеррористической безопасности заметно возросла роль электронных средств массовой информации, особенно компьютерных технологий. Здесь сегодня проходит важный фронт антитеррористической борьбы: с одной стороны, террористы стали широко применять электронные СМИ, а с другой, в обеспечении АТБ стало широко применяться электронное противодействие, начиная с подавления террористических сайтов и заканчивая профилактикой и пропагандой безопасного образа жизни людей.

При этом важно учитывать и региональный фактор. К примеру, характерными особенностями антитеррористической безопасности столичного мегаполиса выступают: особая притягательность Москвы как крупнейшего в Европе населенного пункта; наличие на территории столицы промышленных и научных предприятий, которые могут стать как объектами террористической деятельности, так и средством террора, проведение террористических актов на таких объектах может привести к катастрофическим экологическим, радиационным, эпидемическим, социальным последствиям; сложность демографической ситуации и высокая миграция населения; столица – это центр пересечения транспортных артерий и туристических маршрутов, а также место проведения большого количества политических, культурных, научных и спортивных форумов, как международных, так и внутрироссийских; в Москве высокий уровень информатизации и высокая вероятность деструктивного информационного воздействия. Кроме того, на территории Москвы расположено большое количество федеральных органов государственной власти, а значит, последствия совершения террористических актов могут иметь влияние и на национальную безопасность государства в целом. Необходимость системного и всестороннего обеспечения антитеррористической безопасности в масштабах государства требует учета и таких региональных особенностей.

Сравнивая борьбу с терроризмом в царской России, в советский период и в России, как суверенном государстве, можно сделать несколько очевидных выводов:

1. Терроризм внутри страны проявляется в период обострения социальных противоречий, зачастую при скрытой или открытой поддержке извне.

2. Антитеррористическая деятельность государства не может быть успешной без поддержки обществом как самого государства, так и мер, принимаемых государством по борьбе с терроризмом.

3. Трансформация целей, задач и методов террористической деятельности требует адекватного реагирования в обеспечении антитеррористической безопасности. При этом чрезвычайно важно, чтобы антитеррористические мероприятия прогнозировали террористические угрозы.

4. Профилактика террористических проявлений, наверное, самое главное направление антитеррористической деятельности. Терроризм, привнесенный извне, не может быть принятым в обществе, отвергающем его.

В целях реализации единой государственной стратегии противодействия террористической деятельности и иным формам экстремизма, угрожающим основам конституционного строя Российской Федерации, обеспечения согласованного функционирования государственного механизма борьбы с терроризмом, эффективной координации в сфере противодействия терроризму, контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений в указанной сфере формируется система органов и сил по предотвращению и ликвидации проявлений терроризма на территории Российской Федерации.

Правовые основы борьбы с терроризмом определены Федеральным законом от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017 г.). Законом устанавливаются основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом [8].

Обеспечение антитеррористической безопасности должно носить упреждающий характер, а значит, первостепенное значение имеет профилактика терроризма. Нельзя отследить или предвосхитить все террористические угрозы, способы проникновения террористов или те средства, которые террористы могут использовать в своих целях. Но можно и нужно создать в обществе такое отношение к терроризму, которое позволило бы сепарировать и купировать сами зачатки террористической идеи. Справиться с такой задачей может только само общество на основе неприятия терроризма как способа разрешения конфликтов (этнических, религиозных, экономических, политических и т. д.). Возможно, для этого потребуются возвести антитеррористическую безопасность, противодействие террору в ранг идеологии.

Социальные функции антитеррористической идеологии могли бы заключаться в следующем:

- познавательная – в том, что идеология противодействия терроризму предлагает человеку модель общественных отношений, общества и окружающего мира, не приемлющую террористических проявлений;

- оценочная – позволяющая человеку оценить и определить приемлемые для себя нормы поведения, исключаящие террор как способ действия;

- программно-целевая – антитеррористическая безопасность имеет стратегическую цель – противодействие террору во всех его проявлениях, тактические цели – сохранение жизни и здоровья граждан, обеспечение жизнедеятельности города, выстраивание общественных отношений на основе взаиморезуважения и учета интересов всех горожан.

Автор предложил бы расценивать проявления терроризма на территории нашей страны как акт агрессии. Идеология борьбы с терроризмом в таком случае – это идеология защиты Отечества.

Построение системы антитеррористической безопасности должно учитывать решающее значение широкого общественного участия, необходимость выстраивания коммуникации общества и власти на уровне, позволяющем своевременно и адекватно реагировать на террористические угрозы. Единственным действенным способом противодействия терроризму является профилактика, а решение этой задачи возможно только при участии и поддержке со стороны общества.

Реализация научного подхода к определению антитеррористической безопасности как элемента национальной безопасности государства позволит актуализировать террористические угрозы и вызовы, формы и методы их предотвращения, обеспечить условия для социального благополучия и консолидации общества на основе идеи неприятия идеологии экстремизма и терроризма.

Список литературы

1. Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1981. Т.1. 699 с.
3. Прохожев А.А. Национальная безопасность: к единому пониманию сути и терминов //Безопасность: информ. сб. 1995. №9. С. 10–22.
4. Курс международного права: в 7 т. М.: Наука, 1990. Т. 4. 272 с.
5. Безопасность: информ. сб. фонда национальной и международной безопасности. 1994. № 6.
6. Возжеников А.В. Парадигма национальной безопасности реформирующейся России: монография. М.: Изд-во ЭДАС ПАК, 2000. 358 с.
7. Харичкин И.К. Политическая элита и ее роль в обеспечении национальной безопасности России. М.: МВИ ФПС РФ, 1999. 248 с.
8. Федеральный закон от 06.03.2006 г. №35-ФЗ (ред.от 06.07.2016 г.) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп.? вступ. в силу с 01.01.2017 г.). [Электронный ресурс]. URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=203355&fld=134&dst=100009,0&rnd=0.7197000701002061#0> (дата обращения 22.05.2017 г.)

9. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 432 с.

ANTI-TERRORISM SECURITY: ESSENCE AND CONTENT

A.V. Petrov

Moscow Regional State University, Moscow

The basic approaches to the contemporary terrorist threats are considered within the article's format thus providing the basis for the definition of antiterrorist security as a social phenomenon and revealing the categorical status of antiterrorist security. The necessity of taking into account the regional factor in determining the parameters and content of antiterrorist security is examined on the example of the Metropolitan area. The author proposes a number of directions and forms of building antiterrorist security.

Keywords: *terrorism, anti-terrorist security, state.*

Об авторе:

ПЕТРОВ Александр Валерьевич – соискатель ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва. E-mail: chundza2534@yandex.ru.

Author information:

PETROV Alexander Valeryevich – PhD student of the Philosophy Dept., Moscow Regional State University, Moscow. E-mail: chundza2534@yandex.ru

УДК 130.2

АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ УТОПИЯ КАК ПРОЕКТИВНЫЙ ИДЕАЛ

А.А. Шестаков, А.В. Адонина

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара

Статья посвящена осмыслению архитектурно-градостроительной деятельности как проективной области идеальных представлений мироустройства, формируемого утопическим сознанием. Рассматривается понятие архитектурно-градостроительной утопии, характеризующееся в качестве диалектического единства утопии и реальности. Выдвигается гипотеза, что зародившись как способ оформления социальных утопий, архитектурная утопия постепенно утверждается в качестве отдельного жанра в области концептуального проектирования. Опираясь на историю развития утопии, авторы обосновывают свое видение ее возможного будущего в архитектуре и градостроительстве.

Ключевые слова: *утопия, архитектура, градостроительство, архитектурно-градостроительная утопия, идеал, утопическое мышление, проектное мышление.*

Несмотря на кажущиеся отличия, утопическое и проектное мышление неразрывно связаны друг с другом. Пронизывая всю историю развития общества с древнейших времен, утопии оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на его трансформации. Интерес к утопиям, как правило, активизируется в кризисные периоды общественного развития, поскольку утопическая мысль, как правило, предъясвляет вдохновляющую программу улучшения действительности, в основании которой лежит некая совершенная модель мироустройства. Утопия, выступая в качестве уникальной мыслительной конструкции, намечает вектор движения в переломные моменты, купируя свойственные господствующему общественному порядку недостатки и предлагая альтернативные решения [1, с. 167].

Поскольку XXI в. характеризуется небывалой динамикой развития науки и техники, многократно возросшим объемом информации, глобализацией всех сфер человеческой деятельности, культура также испытывает на себе вызовы времени и активно отвечает на перестройку сложившихся веками социально-экономических систем. Как следствие, культура прогнозирует собственные сценарии лучшего будущего, предлагая, в том числе, рецепты преобразования действительности. Исторически сложилось так, что построение образцовых моделей жизнеустройства было отдано на откуп утопическому жанру, о чем убедительно свидетельствуют бесчисленные модели идеальных форм общественного устройства [2, с. 41]. Поэтому совсем не случайно, что в современной культуре наметился подъем и актуализация утопического мышления, что задает перспективность изучения этого феномена и форм его закрепления в культуре.

Архитектура – казалось бы, сугубо реальная субстанция, резко противостоящая эфемерной утопической. Вместе с тем утопии занимают особое ме-

сто в архитектурной практике, представляя собой специфический тип человеческого мироотношения к метафизической стороне действительности [3, с. 142]. Несмотря на обилие литературы, посвященной рассматриваемой проблематике, нераскрытой остается ее амбивалентность относительно архитектуры. С одной стороны, утопия встраивает свои модели в архитектурно-градостроительный контекст, полагая их в виде идеальной конструкции, с другой, утопия как форма выражения метафизической системы мировосприятия имманентно может быть отнесена ко всей истории архитектуры [4, с. 52].

Само понятие «утопия» применяется, по преимуществу, для констатации оторванности чего-либо от действительности. В сфере же архитектурного проектирования утопическая коннотация остается мало изученным феноменом, поэтому установление коммуникации между идеальной конструкцией и архитектурным объектом представляется актуальной задачей для исследования. Значимость утопических моделей в архитектуре и градостроительстве стала ощущаться в связи с многократно усилившимися попытками реализации идеальных конструкций на практике. Установлением связи между утопией и архитектурой занимались такие крупные историки и теоретики архитектуры как Льюис Мамфорд, считавший утопию идеальным планом реконструкции действительности, Манфредо Тафури, Натаниел Колман, Томас Мальдонадо и многие другие [5, с. 204]. Конец XX в. ознаменовался появлением ряда отечественных исследований, посвященных архитектурным утопиям и поиску их места в проектной деятельности. Проблемой воплощения утопической мысли в архитектуре и градостроительстве занимались, в частности, А.В. Иконников, В.Л. Глазычев и А.Г. Раппапорт.

Говоря об утопии, нельзя не отметить, что она существует не сама по себе, а является воплощением утопического сознания. Карл Манхейм определял утопическое сознание как феномен, который не находится в соответствии со своим окружением, переформируя существующий порядок. Основатель школы «критического рационализма» Карл Поппер отмечал, что утопия претендует на *рациональность* планирования, будучи попыткой достижения идеального. Среди архитектурного профессионального сообщества вопрос об актуальности утопий не ставится, поскольку корифеи современной архитектуры сами прошли через этап концептуального проектирования. Здесь можно назвать Рема Колхаса, Заху Хадид, Бакминстера Фуллера, Йона Фридмана и многих других специалистов. По мнению известного теоретика и критика архитектуры А.Г. Раппапорта, утопические проекты и программы стали созреть благодаря осознанию роли проектирования и программирования. Как следствие, социальные утопии были отрефлексированы в более широком формате – сфере технологий, архитектуры и дизайна, политической пропаганды и т. п. Эффективнее других сфер их осмысление оформилось в градостроительстве, поскольку в этой области проектирование наглядно определяет пространственно-временные, социально-экономические и технологические аспекты будущего поселения или города [6].

Необходимо подчеркнуть, что исследователи феномена утопии не сошлись на каком-то одном определении, которое выражало бы все многообразие термина, поскольку сам автор канонического произведения «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» английский мыслитель Томас Мор заложил

двойкий смысл в название нового жанра. Традиционное для обыденного сознания истолкование данного термина как места, которого нет (с греческого «ου» – нет, «τοπος» – место), закладывает некую изначальную инфантильность мечтаний об идеальном будущем. Именно поэтому указанная дефиниция используется для характеристики умозрительных идей, оторванных от реальности и лишенных всякой надежды на реализацию. Однако, углубившись в природу данного термина, обнаруживаются его многосторонние связи с реальной действительностью, которые ставят под сомнения приписываемую утопиям эфемерность. Вот почему во втором варианте утопия истолковывается как блаженное, лучшее место (с греческого «ευ» – благо), как реально достижимая цель, к которой необходимо прийти в долгосрочной перспективе [7, с. 64–65]. Именно такие проекты становятся идейным материалом, который, смешавшись с другими идеями, находит свое применение на практике. Он, собственно, и является двигателем прогресса.

Материальное и идеальное в архитектуре составляют диалектическое единство, исключаящее взаимоподавление. В любой архитектурный объект заложена утопическая сверхидея, которая может и не осознаваться автором. Утопии, выступая в качестве вектора развития архитектуры, одновременно используют их как форму проективного отображения своей сущности. Утопические конструкции позволяют выбрать тактику и определить стратегию действий. Являясь сложноорганизованным способом прогнозирования, утопия в архитектуре и градостроительстве проецирует свои представление об идеальной модели будущего на настоящее. Можно обратить внимание, что концентрация накопленных в материально-предметном мире противоречий прямо пропорциональна возникновению альтернативных концепций по преобразованию действительности, предполагающих возможную реализацию.

Архитектурная утопия представляет собой особую форму выражения утопической мысли, примечательную рациональным и при этом визуальным репрезентативным характером идеалистического разрешения противоречий общества. Архитектура символизирует «переживание души» любой цивилизации. Архитектурные и градостроительные утопии являются, стало быть, наиболее адекватными примерами проекции утопических конструкций.

Вопрос самоопределения и поиска своего места волновал философов со времен античности. Желание жить лучше и продуцирование идеалистических моделей способствовали прогрессу в целом. Зародившись как пограничное искусство между литературой, социальным проектом и формой сознания, утопии делали предметом осмысления проблемные места, понуждая людей действовать.

Существует мнение, что такого явления как «история утопии» не существует, поскольку каждая отдельная утопия стремится заново отстроить свой миропорядок, заменяя все существующее [3, с. 142]. Однако смену утопий невозможно рассматривать вне исторического контекста, поскольку утопии являются рефлексией кризисных состояний в обществе. В этом плане они не лишены определенной преемственности. Напротив, немецкий философ и писатель Густав Ландауэр представляет весь исторический процесс в виде смены топий (существующего порядка) через утопию (надлежащего представления) [8].

Следует далее разделять понятия «утопия» и «утопизм». Большинство исследователей утопического мышления сходятся на понимании утопии как специфического способа мышления, имеющего тенденцию полного или частичного разрушения существующих устоев. Утопия – плод Нового времени, поскольку именно в этот период была преодолена демаркационная линия между утопической мыслью и проектным мышлением [9]. Появившийся благодаря сдвигу теоцентризма на антропоцентризм, утопизм прочно утвердился в обществе как следствие осознания человеком своей силы и могущества. Из этого следует, что граница между утопизмом и утопией преимущественно латентна – утопизм не существует обособленно, но может занять место утопии в обыденном сознании, когда утопический идеал приобретает догматические черты и требует своего достижения любыми средствами [3, с. 144].

Идеал – преамбула утопии. Рождаясь в качестве воображаемого образа лучших представлений будущего в сознании конкретного индивидуума, он становится основанием критики установленного в обществе порядка. Утопия выдвигает идеал и предлагает свой путь его достижения. В отличие от утопизма, декларирующего быстрый и простой рецепт воплощения идеала, утопия только намечает ориентир, не обрекая на полноту его воплощения. Тем самым возникает двойственная ситуация: критика, являясь основной функцией утопии и важнейшей составляющей общественного развития, проникает в массовое сознание, неся с собой масштабные угрозы. При переводе утопической конструкции на предметный язык, последняя теряет свою теоретичность, обрстая символизмом, образностью и метафоричностью [3, с. 145].

Не вдаваясь в подробный анализ отдельных утопий, необходимо наметить основные вехи их становления в качестве необходимого атрибута архитектуры и градостроительства. Итак, пока существует человек, будут существовать утопии. Мифы о золотом веке, мечты о блаженных островах содержали элементы идеалов социальных утопий, однако не были ими в чистом виде. Утопия возникла на сломе реальности бытия и идеальных представлений [3, с. 146]. Тогда же и появился прообраз градостроительной утопии – это «Государство». Историк архитектуры А.В. Иконников разделял архитектурно-градостроительные утопии на два типа: 1) проекцию идеала социальной утопии на модель организации пространственной среды жизнедеятельности; 2) отражение идей и принципов утопического сознания в способе формирования архитектурного и градостроительного объекта. Подобная двойственность связана с уникальностью места архитектурно-градостроительной деятельности – на границе материального и духовного мира, физической и метафизической области, что свидетельствует об участии архитектуры и градостроительства в формировании как функционально-конструктивных, так и образно-символических структур. Предметом первого типа архитектурно-градостроительной утопии становится образ, обладающий логической целостностью и эстетическим оформлением своей структуры – дом, город, система расселения. Для второго типа утопий в роли предмета выступает язык архитектуры с его словарем, синтаксисом и характерным метафорическим выражением утопических идей через трансформацию сложившихся методов формообразования. В зависимости от того, на чем строится противопоставленный реальности идеальный образ – прекрасном прошлом или желательном будущем – архитектурно-градостроительные утопии бывают ретроспективными и

прогрессистскими. В то же время любые предпочтения, зафиксированные в утопиях, сопряжены с настоящим – сложившимися общественными отношениями, уровнем развития экономики и культуры [10, с. 3–11].

Архитектурно-градостроительные утопии зачастую граничат с другим жанром, создаваемым творческим воображением, представленным фантазией. Утопия может оставаться в рамках переустройства существующих конструкций и в границах реализуемости, однако фантазия, возникшая как форма архитектурной декорации в античном Риме и ставшая подспорьем проектных и утопических экспериментов в Новое время, наряду с утопическими представлениями оказала значительное влияние на становление языка и стиля архитектуры XVIII столетия. На смену фантазийным утопиям XIX в. пришел всплеск утопической общественно-политической мысли. Европейские философы-реформаторы призывали к созданию альтернативной системы общественного устройства, основанной на принципах всеобщего равенства. Утопические модели социалистов-утопистов XIX в. (Клод Анри Сен-Симон, Шарль Фурье, Роберт Оуэн), вера последних в безграничность возможностей самосовершенствования и способность раздвигать границы существующей действительности способствовали преобразованию общества в долгосрочной перспективе. Так, в XX в. родились альтернативные проекты, зачастую бросающие вызов существующей системе и ставшие островками утопии в рамках доминирующего социально-экономического уклада (израильские кибуцы, коммуна Лонго Май, Свободная школа Пайдейя, Вольный город Христиания) [8].

Архитектурно-градостроительные утопии XX в. вновь стали заимствовать элементы фантазии (работы Т. Гарнье, Э. Энара, А. Сант-Элиа), а в России распространение утопий с фантастическими допущениями привело к появлению феномена «бумажной», или концептуальной, архитектуры, не претендующей на непосредственную реализацию вовсе. К концу XX в. научно-технический прогресс заставил переосмыслить технические средства строительства и найти новые пути понимания развития архитектуры. Вторжение виртуальной реальности разрушило мосты между архитектурой и другими видами искусства. Высокие технологии расширили горизонты формообразования. Сократился путь между техническим замыслом, поиском средств и собственно реализацией. С наступлением нового тысячелетия всё более актуальным стал экологический аспект в качестве необходимой составляющей футуристических проектов. Выделилась новая тенденция минимального или нейтрального влияния города на окружающую среду. В связи с осознанием глобальных экологических проблем локально стали реализовываться проекты в контексте устойчивого развития (экопоселение Аркосанти, Ауровиль, экогород Масдар, различные объекты «зеленой» архитектуры) [11].

Современные социально-экономические условия заставляют переосмыслить роль архитектурно-градостроительных утопий в связи с поиском более технологичных и экологичных решений, которые провоцируют развитие материальной базы, позволяющей реализовать социальные утопии. А поскольку утопии являются инверсией состояния общества, можно констатировать, что они так же усложняются сообразно развитию социума. Если первые утопии в основном были социальными и представлялись в виде обособленного анклава, окруженного варварскими народами, олицетворяющими существующие устои, то современные утопии приобрели более глобальный характер, их

акцент сместился в сторону экологии. Если средством реализации социальных утопий была культура, то современные экологические утопии используют технологические достижения для материализации идеала.

Архитектура и градостроительство трёх последних десятилетий переживают бум, который связан не только с развитием постиндустриального общества и технологическим прорывом, но также с появлением альтернативных парадигм в естествознании, искусстве, философии, переосмысливающих сложившуюся картину мира. Проблема перманентной нестабильности мира и его хаотичности обнаружила себя перед обществом, прежде всего, через визуальные образы. Идеальные представления об устройстве отражаются художественными средствами через литературу, кинематограф, живопись и скульптуру и предопределяют формирование таких материальных структур как архитектура и градостроительство. Вновь получает развитие визионерская архитектура, имеющая общие черты с футурологией и альтернативистикой. Так, уровень развития концептуального проектирования во многом предопределяет своеобразие архитектуры.

Подводя итог, следует отметить, что история накопленных в архитектуре утопий свидетельствует о потребности взаимодействия утопического и прагматического мышлений. В архитектурной деятельности любой проект представляет собой набор чертежей и расчетных схем, что, по сути, являет собой абстрактную модель будущего объекта, поэтому связь идеального и реального особенно сильна, что также подтверждается проведенным анализом. Утопия вдыхает жизнь в чертежи, рисунки и тексты, преобразуя их в проекты и создавая объекты материального мира. Утопии, проецируя свои представления на архитектуру и градостроительство и используя их как средство создания идеального образа, в то же время формируют особое проектное мышление, задавая направление для дальнейшего развития теоретической и практической сторон проектной деятельности. Архитектурная утопия – это одновременно плод утопического сознания, выступающий способом выражения амбиций и притязаний архитектора, и отдельный жанр в архитектурном проектировании. Перспективность утопии для проектировщиков заключается в ее созидательном характере. Рассматривая накопленные историей утопии как сокровищницу идей и приемов, можно было бы обогатить свой запас образно-символической, порой парадоксальной и плюралистичной тактикой восприятия действительности. Оформленная как специфическая техника проектного мышления и осознающая границы своих возможностей, утопия смогла бы занять достойное место в арсенале проектных методов [9].

История развития утопий на примере архитектуры и градостроительства доказывает, что, несмотря на то, что порой в реализованных объектах утопическая составляющая редуцируется до неузнаваемости или даже нивелируется (проект Н. Гримшоу «Эдем», «Биосфера-2») [12, с. 145–146], любой архитектурный и градостроительный проект имплицитно или эксплицитно содержит в себе элемент утопии, доля которого варьируется в зависимости от целей и задач конкретного примера.

Следует акцентировать тезис, что утопия не является строгим руководством к действию, что, собственно, и отличает ее от идеологии [13, с. 9–12]. Буквальное воплощение утопии в жизни не приводит непосредственно к построению нового идеального мира. Утопия имеет ещё одну чрезвычайно важ-

ную черту. Она как мечта, разрушающая устоявшийся порядок, несет в себе огромный потенциал преобразований, будучи вектором развития. Она стремится приблизить существующее общество к своим идеалам. Проанализировав сквозь такую призму вышеописанные проекты, можно обнаружить, что они подобно теоретическим философским трудам внесли значительный вклад в эволюцию социального устройства и утверждение новых ценностей. В таком ключе деятельность инициаторов подобных проектов по созданию новой системы мироустройства можно назвать успешной.

Также амбивалентность утопии в архитектуре обнаруживается в ее одновременном призыве к реализации идеала и в то же время осознании невозможности его абсолютной материализации. Двойственность утопии также заключается в ее имманентном содержании в архитектуре, благодаря чему чертежи, рисунки и тексты преобразуются в миропреобразовательные проекты. Трансцендентность же утопии проявляется в способности выйти за пределы человеческой сущности. В литературе справедливо отмечается, что утопия – это метафизическое восстание против стремительно расширяющегося разрыва между реальностью (миром) и человеческим Я. В заключение, перефразировав слова В.И. Вернадского из статьи «Научное обозрение», подчеркнем целесообразность синтеза утопии и архитектуры, неизбежное и постоянное взаимопитание которых вызывает необычайное расширение границ утопического и прагматического мировоззрения [14, с. 502].

Утопия в архитектуре представляет собой особую технику мышления, разительно отличающуюся от прагматических устремлений, нацеленных на непосредственную реализацию задуманного. Потенциал утопии в архитектуре заключен в безграничных возможностях ее преобразовательного мышления, инструментарий которого еще не раскрыт в полной мере [9]. Изучение эволюции архитектурных утопий, сравнение проектной идеи и ее реализации, выявление зерен здравого смысла в самых невероятных моделях – важнейшие аспекты современной архитектурной школы. С развитием новых технологий в строительстве уже не ставится вопрос о возможности реализации той или иной утопии – на первый план выходит оценка её своевременной актуальности.

Список литературы

1. Адонина А.В. Утопии в архитектуре и градостроительстве с древнейших времён до начала XX века // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и дизайн: сб. ст. / под ред. М.И. Бальзанникова, К.С. Галицкова, Е.А. Ахмедовой. Самара: СГАСУ, 2015. С. 167–171.
2. Лаврова А.Г. Проективность утопии // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. Вып. №14. С. 41–46.
3. Смирнова Ю.Д. Утопия, утопизм, утопическое сознание – основные смыслы // Ученые записки Казанского университета. Серия: «Гуманитарные науки». 2011. Т. 153. №1. С. 141–148.
4. Муравьев А.Н. Философия и опыт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2004. Т.4. №7. С. 48–58.

5. Адонина А.В., Артемьева Т.Г. Специфика градостроительных утопий в творчестве японских метаболистов // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и дизайн: сб. ст. / под ред. М.И. Бальзанникова, К.С. Галицкова, Е.А. Ахмедовой; СГАСУ. Самара, 2016. С. 204–208.
6. Раппапорт А.Г. Утопии вчера и завтра [Электронный ресурс]. URL: http://www.papardes.blogspot.ru/2009/08/blog-post_1008.html#!/2009/08/blog-post_1008.html (дата обращения: 01.12.2017).
7. Адонина А.В., Ахмедова Е.А. Нотопия – реализованная утопия глобализации в архитектуре // Innovative Project. 2016. Т. 1. № 3 (3). С. 64–68.
8. Кроль М. Утопия как мечта, взрывающая существующий порядок вещей [Электронный ресурс]. URL: <http://cloudwatcher.ru/analytics/1/view/29/> (дата обращения: 01.12.2017).
9. Капустин П.В. Утопия в эволюции архитектурного проектирования. Часть IV. Складки утопизма // Архитектон: известия вузов. 2012. №37 [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/2012_1/2 (дата обращения: 01.12.2017).
10. Иконников А.В. Утопическое мышление и архитектура: социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры. М.: Издательство «Архитектура-С», 2004. 400 с.
11. Вавилова Т.Я. Экопоселения и энергоэффективные поселки как примеры устойчивого развития // Архитектон: известия вузов. 2014. №. 47 [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/2014_3/6 (дата обращения: 01.12.2017).
12. Адонина А.В., Ахмедова Е.А. Фактор реализуемости в современных архитектурно-градостроительных утопиях // Устойчивое развитие городской среды: сб. ст. / под ред. М.И. Бальзанникова, К.С. Галицкова, Е.А. Ахмедовой, Е.Г. Вышкина, Ф. Свитала. Самара: АСИ СамГТУ, Самара, 2016. С. 144–147.
13. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальности: в 2 т. М.: «Прогресс-Традиция», 2001. Т. I. 656 с.
14. Владимиров Ю.С. Метафизика / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2009. 568 с.

ARCHITECTURAL AND URBAN UTOPIA AS A PROJECTIVE IDEAL

A.A. Shestakov, A.V. Adonina

Samara State Technical University, Samara

The article is aimed at comprehension of architectural and urban planning activity as a projective field of ideal representations of the world order formed by utopian consciousness. The concept of architectural and urban planning utopia characterized as a dialectical unity of utopia and reality is analyzed. A hypothesis is advanced that arising as a way to design social utopias, architec-

tural utopia is gradually asserting itself as a separate genre in the field of conceptual design. Basing their approach on the history of the development of utopia, the authors justify their vision of its possible future in architecture and urban planning.

Keywords: *utopia, architecture, urban planning, architectural and urban utopia, ideal, utopian thinking, project thinking.*

Об авторах:

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: Shestakovalex@yandex.ru

АДОНИНА Анна Владимировна – аспирант кафедры градостроительства ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: Adoninanna@gmail.com

Authors Information:

SHESTAKOV Alexandr Alexeevich – PhD, Prof., Chair of the Dept. of Philosophy, Samara State Technical University, Samara. E-mail: Shestakovalex@yandex.ru

ADONINA Anna Vladimirovna – PhD student of the Urban Planning Dept., Samara State Technical University, Samara. E-mail: Adoninanna@gmail.com

УДК 130.2

ОНТОЛОГИЯ АРТЕФАКТА «ЖИЛОЙ ДОМ»

В.В. Федоров, М.В. Федоров, А.В. Левиков

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Архитектурная среда определена в виде важнейшего компонента социального бытия. Показана целесообразность рассмотрения феномена «жилой дом» как гибридного объекта, одновременно принадлежащего биотехносфере, социосфере, психосфере и культуросфере. Проанализирована динамика развития и трансформации индивидуального жилого дома в современной России

Ключевые слова: *архитектурная среда, жилой дом, идеология забора.*

Меняющийся мир не влияет на одно очень важное обстоятельство: жизнь человека по-прежнему протекает исключительно в искусственной (архитектурно-ландшафтной) среде, являющейся результатом деятельности предыдущих поколений, материальным воплощением их образа мыслей и действий. Но до настоящего времени так и «не выработано более или менее основательной теории о взаимозависимости между застроенным пространством и социальными явлениями. Не существует ни общепринятой теории о влиянии окружающего пространства на поведение людей, ни теории о формировании застроенного пространства под влиянием поведения его жителей» [1, с. 12].

Городская среда – воплощенное социальное бытие. В свое время М. Фуко писал: «...архитектура призвана быть инструментом преобразования индивидов: воздействовать на тех, кто в ней находится, управлять их поведением, доводить до них проявления власти, делать их доступными для познания, изменять их. Камни могут делать людей послушными и знающими» [2, с. 8]. Это относится к архитектуре тюрем, исправительных учреждений, казарм, больниц и фабрик, но, думается, в значительной мере справедливо и для архитектурной среды в целом.

В онтологическом плане «жилой дом» представляет собой результат трансформации естественного объекта (пещеры, вывернутого ветром дерева и т. п.) в функционально все более совершенный технический и социальный артефакт (шалаш, чум, яранга, юрта, здание). В отличие от естественных объектов, появившихся без участия человека, артефакт «жилой дом» создан для определенной цели – защиты человека от враждебного окружения и непогоды. Обладая постоянным набором интенциональных свойств и перманентной значимостью, в начале XXI в. он 1) исключительно усложняется функционально (например, приобретает элементы искусственного интеллекта) и 2) играет все большую роль в удовлетворении потребности владельцев в социальных ритуалах. В декорациях этих ритуалов просматриваются прежде всего статусы «домов» (материального достатка, культуры, национальной принадлежности и даже профессии владельцев). Эмоции, связанные с подобными ритуалами, объединяют различные аспекты бытования объекта (престижа, семейного счастья, заботы о близких людях, чувства собственника и др.).

«Жилой дом» – это гибридный объект, одновременно принадлежащий [3, с. 99]:

- биотехносфере (собственно материальная сторона организации артефакта);
- социосфере (проекция артефакта на отношения престижа, власти, статуса и пр.);
- психосфере (интенции, образы, символы, компетенции проектирования и пр.);
- культуросфере (техдокументация, технологии создания, эксплуатации, утилизации).

Современная архитектура стремится стереть границу между внутренним пространством жилища и окружающей средой с помощью: а) прозрачных ограждающих конструкций (перетекающих пространств), б) «растворения» ограждающих конструкций в зеленых насаждениях, в) отказа от дверей в пользу воздушных завес и пр. Поэтому, расширяя представления, мы можем понимать «жилой дом» как *фрагмент среды обитания (предметно-пространственного окружения) современного человека. Это объект с нечеткими и непостоянными границами, интенсивно взаимодействующий с индивидуальным и массовым сознанием* [4; 5].

Понимание среды архитектурной среды как текста (т.е. семантически упорядоченной последовательности знаков, объектов, образов, символов) сложилось только в начале второй половины XX в. Исследователи исходили из предположения, что описание и анализ значений, которые несут архитектурные объекты, помогут глубже понять архитектуру и, возможно, усовершенствовать методы проектирования. Сопоставление архитектуры и языка, включение в архитектурный анализ квазилингвистических понятий (архитектурного текста, архитектурной лингвистики, синтаксиса и др.) расширило традиционные представления о содержании и форме архитектурных объектов, позволило глубже дифференцировать их характеристики.

Одновременно утвердилось понимание «значения» архитектурных объектов в определенном психологическом и социокультурном контексте. Выполненные исследовательские работы в области семиотики архитектуры до первой половины 1970-х гг., следуют исключительно аналогиям лингвистики: пространственные структуры, и архитектура в частности, интерпретировались как морфемы и фонемы, подпадающие под синтаксические правила соединения. Естественно, можно архитектуру трактовать как знаковую систему, однако не все системы знаков являются языками.

Совокупность значений архитектурной среды, согласно концепции У. Эко, возникает на основе взаимодействия ее денотативных (свойственных естественным образом) и коннотативных (возникающих только в процессе восприятия и использования) значений. Образно-функциональные характеристики объекта контаминируют, трансформируются в символические, охватывающие: а) символику, б) символизм и в) символическое бытие среды обитания. Исходный постулат «форма следует функции» был постепенно расширен: *«...форма должна обеспечить реализацию функции, обозначив ее таким образом, чтобы побудить к действиям, на основе которых становится возможной эта реализация»* [6].

Семантико-когнитивный анализ конструкта «жилой дом» (как кванта структурированного знания, единицы мыслительной деятельности) позволяет выделить три базовых компонента [7, с. 13]:

- 1) ценностный, определяющий применимость оценочных предикатов (хорошо/плохо, интересно/скучно и пр.);
- 2) образный невербальный (образно-когнитивный и образно-метафорический), поддающийся лишь описанию и интерпретации;
- 3) содержательный, присутствующий в сознании в вербальной форме как ментальная проекция элемента национальной культуры.

Феномен «жилого дома» включен в структуры социального бытия уже в силу существования неустрашимых, жизненно важных функций (протекционистских, транспортных, информационных, коммуникационных, культурных и пр.). Общеизвестны архитектурные объекты, являющиеся воплощением того или иного социума: музей Гуггенхайма в испанском Бильбао, Собор Парижской Богоматери, римский Пантеон, нью-йоркские здание объединения «Крайслер» и Эмпайр Стейтбилдинг, индуистский храмовый комплекс Ангкор Ват в Камбодже, Мемориал ветеранов Вьетнама в Вашингтоне, индийский мавзолей-мечеть Тадж-Махал, испанские сады Хенералифе и дворец Альгамбра, Оперный театр в Сиднее, Эфес – древний город Турции, Культурный центр в Новой Каледонии Жана-Мари Тжибау, Храм Пресвятой Девы Гваделупской в Мексике, Запрещенный город в Пекине. Истинными шедеврами «великой архитектуры» называют также: 1) Куббат ас-Сахара (Купол Скалы) – мечеть восьмиугольной формы, почитаемую всеми основными монотеистическими тремя мировыми религиями, построенную в сердце Иерусалима, с куполом, покрытым золотом, и 2) Стоунхендж – обнаруженное в Южной Англии на Солсберийской равнине каменное сооружение (кромлех) со времен неолита.

Но для оказания сильного воздействия на индивидуума и социум архитектурные объекты не обязательно должны потрясать изощренной пластикой или огромными размерами. Не менее значимым может быть и совершенно непритязательное (мало что значащее для непосвященного) сооружение. Например, Стена Плача (уцелевший фрагмент Второго Храма Соломона, руинированная Западная Стена) – основной символ иудейского народа. Являясь священным местом, оно содействует возникновению чувства единения у всех иудеев планеты, напоминает верующим об их культурных и исторических и корнях. Или скромный Дом Марии возле древнего турецкого города, где она, по преданию, провела последние годы своей жизни и куда ежегодно совершают паломничество более миллиона христиан. Здесь архитектурный дискурс становится побудительным, исходит из общеизвестных предпосылок, порождает бесспорные аргументы и побуждает к консенсусу огромные массы людей.

Сложность ситуации заключается в том, что, во-первых, любой «дом» обладает: а) системой подвижных первичных (денотативных) и открытых вторичных (коннотативных) функций; б) системой социальных кодов и связей для восприятия исходной структуры ценностей, господствующих в обществе. Во-вторых, характер взаимодействия субъекта (индивида или коллектива) и артефакта «жилой дом» определяется большим количеством факторов: от функционального соответствия запросам, технического состояния, морального износа, возраста и кончая мнениями, ассоциациями, различными реакциями и пр. В-третьих, главная социокультурная коллизия наших дней, по М. Кастельсу [8],

заключается в том, что люди находятся в конкретных локусах (домах и пространствах), а основные социально значимые функции уже организованы в пространстве потоков (символов и звуков, капиталов, технологий, информации, изображений, взаимодействий).

Количественные методы исследования в современном мире де-факто приравниваются к методам формализации, когнитивизации, логико-теоретического воспроизведения реальности [9, с. 345]. В теории архитектуры лишь некоторые функциональные связи нуждаются в численном и графическом представлении. Но многие из них это допускают и дают дополнительные возможности представления и понимания. Нас интересует динамика развития артефакта «жилой дом» в современной России, где стремительная трансформация социума, появление новых социальных групп сопровождаются символическим утверждением их престижа и влияния в новых типах ритуалов.

Идеология забора

Функционально забор – средство огораживания, обеспечения безопасности. Но он может быть и произведением искусства, и символом индивидуалистического характера общества, стремления к личному пространству. В современной России массовое огораживание участков индивидуальной жилой застройки приобрело совершенно новый характер, обусловленный появлением частной собственности, своего пространства с четко обозначенными границами. Бум возведения заборов, нередко разделяющих разные уклады (структуры бытия) пришелся на начало 2000-х. Сначала по инерции был велик спрос на простые заборы из досок или сетки, постепенно на смену им пришли сплошные, из профилированного настила, кирпича и бетона (нередко пугающей многометровой высоты).

Подобные сооружения превращают улицы и проезды жилых районов в однотипные и архитектурно непривлекательные. В сознании собственника забор является не только средством огораживания своей частной собственности, но и средством отгораживания себя от прилегающей общественной зоны и соседей. Как следствие – неухоженная придомовая территория.

Есть несколько причин жизнеспособности заборов в России: 1) они есть псевдорешение проблемы частной собственности (ее слабой защищенности и недостаточной легитимности); 2) забор как материализованное проявление недоверия людей друг к другу; 3) были и являются памятником до конца не воплощенной мечте о приватности [10]. Интересно, что в новых жилых поселениях состоятельных людей заборы как «детская болезнь собственника» быстро исчезают. Огораживается все поселение (структура инаковости), но не отдельные участки.

На отечественных просторах, к сожалению, пока не работают такие простые средства, как табличка с лаконичной надписью «Privat», невысокие бордюрные кустарниковые посадки или, в конце концов, традиционный «белый забор» (невысокая ограда из вертикальных белых планок, которую можно просто переступить). Все это придет, когда в стране установится «нормальная» социально-экономическая ситуация, когда исчерпает себя потенциал ограничений всего и вся, свертывания контактов между индивидами, между российским социумом и миром.

Землевладение

В нашей стране размеры участков, которые предназначаются под индивидуальный жилой дом, устанавливаются в соответствии с правовыми и нормативными актами (Земельный и Гражданский кодексы РФ). Но это касается только тех участков, которые безвозмездно выдаются администрацией гражданам, а значит, находятся в собственности у муниципалитета или государства. В этом случае градостроительные нормы регионов определяют размеры наделов (в каждом регионе свои) под разные типы строительства. Установление минимальных и максимальных размеров участков осуществляется в соответствии с п. 1 ст. 11.9 Земельного кодекса РФ, а также регулируется ч. 6 ст. 30 ГК РФ. Обычно это от 3 до 30 соток.

Но закон не накладывает ограничений на размеры участков, которые покупают под строительство своего жилого дома. И здесь начинают работать совсем другие факторы: экономические, природно-климатические, социокультурные, личностные и пр. Начиная с определенного уровня дохода люди, как правило, предпочитают жить в пригороде (или иметь там второй дом). Состояние экологии, инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры, возможность выразить себя и множество других моментов определяют разумные размеры земельных участков (мы не обсуждаем здесь такой аспект, как вложение капиталов в землю).

Анализ земельных рынков других стран позволяет утверждать, что приемлемые размеры участка под свой дом для одной семьи начинаются с 15 соток, если не требуются такие изыски, как гостевые домики, строения для обслуживающего персонала и пр. Верхнего предела размеров участка не существует по определению.

Жилой дом (стиль, размеры, материалы и пр.)

С начала 1990-х гг. (с возникновением у людей новых возможностей) резко изменился облик нового русского «жилого дома». Появились огромные, баснословно дорогие, совершенно ирреальные «замки» и огромные «дворцы» самых невероятных стилей (прежде всего, псевдоготика). На участках строились гаражи площадью в сотни квадратных метров, бассейны и водоемы, спортивные площадки, лифты для спуска на собственную пристань, банные комплексы (сразу русская баня, купель со льдом, финская сауна, турецкий хаммам, японская офуро).

Но постепенно ситуация менялась, приходя к неким цивилизованным нормам. Сегодня доминирует минимализм и его производные (техно и хайтек). Определяя облик своего «жилого дома», люди все чаще предпочитают лаконичный, даже упрощенный стиль. Привлекательность дома достигается за счет дорогих акцентов и отделочных материалов. Редкие и ценные породы дерева, натуральный камень – это обычные материалы для современных жилых домов. Популярна также «органическая» архитектура, для которой характерны четкие правильные формы, открытые пространства, обилие горизонтальных линий. Преобладают отделка необработанным деревом и «диким» камнем, большие остекленные плоскости, керамические элементы, зеленые насаждения очень высокого качества. Прагматизм домовладельцев выражается и в том внимании, которое они уделяют безопасности поселения в целом, удобству подъезда, однородности социального окружения, т.е. качеству среды во всех смыслах.

Приводя данные, характеризующие артефакт «современный российский жилой дом», мы использовали ряд релевантных допущений.

1. Следуя принятой трактовке артефакта «жилой дом» (как фрагмента архитектурно-ландшафтной среды), а также исходя из практики наиболее развитых стран мира, мы рассмотрели только *индивидуальный* жилой дом, представляющий собой наиболее перспективную форму расселения. За рамками нашего анализа осталась ныне доминирующая жилая городская застройка (таун-хаусы, многоквартирные здания массовой постройки, жилые комплексы).

2. Проанализированы значения параметров, которые наиболее часто встречаются в спектре данных. Фактически мы их сгруппировали в модальные группы, из которых исключены крайние (минимальные/максимальные) значения – размеров дома, участка застройки, ценовых диапазонов и др.

3. Рассмотрены воплощенные в индивидуальной жилой застройке представления о комфортной среде модальной группы россиян, в которую не включены самые богатые/бедные (в силу очевидной атипичности их запросов и возможностей).

Количественные оценки в динамике трансформаций артефакта «жилой дом» открывает, по нашему мнению, дополнительные возможности анализа социальных изменений в синхронно-диахронном отношении. Артефакт является не просто пассивной декорацией, нейтральным фоном, но частью того самого «контейнера, где разворачивается социальное бытие» (П. Штомпка). Немаловажно и то обстоятельство, что понимание характера взаимодействия субъекта со средой предметно-пространственного окружения раскрывает социальную жизнь с дополнительного ракурса. Архитектура (даже руины) всегда социально жива, и «жилой дом», разум и поведение – понятия взаимосвязанные.

Список литературы

1. Вильковский М. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 214 с.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999. 264 с.
3. Розов Н. Полипарадигмальная онтология и ритуально-институциональная концепция бытования и исторического развития артефактов // Онтология артефактов: взаимодействие естественных и «искусственных» компонентов жизненного мира. М.: Дело, 2012. 456 с.
4. Федоров В.В., Коваль И.М. Мифосимволизм архитектуры. М.: Ком-Книга, 2009. 244 с.
5. Федоров В.В. Архитектурный текст: Очерки восприятия и понимания городской среды. М.: Ленанд, 2016. 160 с.
6. Опарин В.А. Эволюция тектонико-композиционных принципов в процессе стилеобразования в архитектуре XX века: дис. ... канд. архитектуры. Урал. гос. архитектурно-худож. Академия. Екатеринбург, 2000. 215 с.
7. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.

8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 324 с.
9. Кутырёв В.А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010. 406 с.
10. История заборостроения в современной России. URL: <http://www.spbplan.ru/news/104131> (дата обращения 01.11.2017).

ONTOLOGY OF THE ARTIFACT «RESIDENTIAL HOUSE»

V.V. Fedorov, M.V. Fedorov, A.V. Levikov

Tver State Technical University

The architectural environment is considered as the most important component of social life. The necessity of approach to a «residential house» phenomenon as the hybrid object belonging to a biotechnosphere, a sociosphere, a psychosphere, and a cultural sphere is revealed. The dynamics of development and transformation of an individual house in modern Russia is analyzed.

Keywords: *architectural environment, residential building, ideology of the fence.*

Об авторах:

ФЕДОРОВ Виктор Владимирович – доктор культурологии, профессор, зав. секцией архитектуры и градостроительства кафедры конструкций и сооружений ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vvf322@yandex.ru

ФЕДОРОВ Михаил Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: vvf322@yandex.ru

ЛЕВИКОВ Александр Валерьевич – кандидат философских наук, ст. преподаватель секции архитектуры и градостроительства кафедры конструкций и сооружений ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: leviksa@mail.ru

Authors information:

FEDOROV Viktor Vladimirovich – PhD, Prof., Head the Section of Architecture and Urban Planning of the Dept. of Design and Constructions, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vvf322@yandex.ru

FEDOROV Michael Viktorovich – PhD, Ass. Prof. of the Dept. of Management, Tver State Technical University, Tver. E-mail: vvf322@yandex.ru

LEVIKOV Alexander Valeryevich – PhD, Senior Lecturer of the Section of Architecture and Town Planning of the Dept. of Design and Constructions, Tver State Technical University, Tver. E-mail: leviksa@mail.ru

УДК 141.4

СЕМИОТИЧЕСКАЯ МИМИКРИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В.Ю. Лебедев*, А.М. Прилуцкий**

*ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

**ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им.
А. И. Герцена», г. С.-Петербург

Статья посвящена анализу специфики мимикрии семиотических элементов в религиозном дискурсе маргинальных форм религии. Авторы полагают, что семиотическая мимикрия является совокупностью специфических процессов в пространстве семиозиса, в результате чего семиотические значимые элементы одной семиотической системы приобретают черты элементов другой семиотической системы без семантической идентичности их значений. В качестве примеров авторы используют примеры, относящиеся к католическому модернизму и миноритарным деноминациям протестантизма.

Ключевые слова: *семиотическая мимикрия, семиотика религии, модернизм, литургия, протестантизм.*

Относительно малоизученной чертой религиозного семиозиса является наличие в нем значительного числа конкурентных семиотических систем, использующих семиотические коды различных конфессиональных традиций для решения прагматических задач собственной социальной и культурной легитимации в условиях господства традиционной религиозной культуры. Говоря о религиозной культуре как таковой, мы должны учитывать, что к ее категориям относятся не только механизмы производства эстетически значимых объектов, но и «набор различных потоков действий» [5, с. 179]. Соответственно и культурная легитимация затрагивает оба эти аспекта – «ценностный» и «поведенческий».

В ряде случаев легитимация подразумевается заведомо. Самый яркий пример в мире Запада – это принятие католической церковью разных литургических систем и традиций при заключении униональных союзов, хотя, по многочисленным наблюдениям, не отрицающие друг друга литургические знаковые системы при этом все же диффундируют. Так что «латинизация» католиков-униатов была не только инициативой чрезмерно увлеченных латинской обрядностью духовных лиц (вроде о. А. Зерчанинова, тяготевшего к созданию литургической мозаичности), но и самопроизвольным семиотическим процессом, когда невозможно кого-то «назначить виновным», кроме самих знаковых систем.

Воспринимая и оценивая деятельность религиозных организаций в рамках традиционалистической парадигмы, общественное сознание достаточно часто выносит оценочные суждения на основании внешнего восприятия семиотического кода и оценки его соответствия поверхностно усвоенным традиционалистским установкам и когнитивным паттернам без учета специфики

его семантического содержания, поступая, так сказать, «примитивно-бихевиористски». Положительным полюсом такой оценки является «церковь» (максимальное соответствие традиции), а отрицательным – «секта» (модернистский, нетрадиционный или антитрадиционный семиотический код). При этом необходимо учитывать, что границы модернистского дискурса оказываются достаточно зыбкими, а сам модернизм не может выявляться по формальным показателям [1]. Разумеется, при отсутствии достаточной теологической и религиоведческой компетенции оценки выносятся на основании преимущественного эстетического (как разновидность – стилистического) восприятия, при полной неспособности оценить теологическое содержание с точки зрения его ортодоксальности. Следует особо оговорить, что объем понятия «модернизм» достаточно значителен, существуют различные типы модернизма – эстетический, литургический, догматический и т. д. Причем каких-либо жестких закономерностей здесь нет, поэтому теологический модернизм может сочетаться, например, с литургическим консерватизмом. Конечно, некоторая корреляция, например, теологического модернизма и эстетического безвкусица наличествует, но простая линейная зависимость и здесь встречается не так часто. В любом случае массовое эстетическое восприятие религии, проявляющееся на уровне формирования ценностно-аксиологического восприятия религиозной традиции без учета семантики последней, способствует активному использованию адептами инструментов семиотической стилизации в целях конфессиональной апологетики маргинальных общностей. После Второго Ватиканского собора глубинный характер реформ в некоторых приходах маскировали, оставляя как можно больше традиционных элементов, в план содержания которых устойчиво входил модернистский компонент. На протяжении какого-то времени такая тактика удерживала часть людей от перехода к православному, лефевристам и т. п. или от полного «шокового» разочарования в церкви. Оценки литургического действия в рамках Тридентской Мессы в «лефевристских» церквях и часовнях и в рамках деятельности униональных организаций или относительной литургической свободы, появившейся благодаря толерантным мерам папы Бенедикта 16, демонстрируют стойкую корреляцию. Первые признаются аутентичными, даже если часовня бедна и расположена в приспособленном помещении, вторые характеризуются как инородные окружающему семиотическому ландшафту (начиная с того, что они служат на обновленческих «столах» разной и подчас странной формы, приспособленных для служения лицом к народу. Так, среди прочих нам пришлось слышать оценку, высказанную после служения Тридентской Мессы по Служебнику 196 г. в обновленческом католическом храме: «совершенно иная энергетика». Очевидно, что под энергетикой имелась в виду семантика, включая и эстетический компонент, и семантические коннотации. Как блестяще показал Умберто Эко, этические (в т. ч. относящиеся к теологической этике) коллизии могут находить эстетическое выражение [6, с 29].

Кроме того, существуют и общины, относящиеся к облачениям, свечам, священным изображениям нейтрально-прагматически: допустимо и их использование, и противоположный вариант, если это нравится людям и привлекает их. Когда в позднеперестроечный период в стране начался «парад евангелических общин», среди них были и такие, причем об обрядовом индексиферентизме их представители говорили достаточно открыто.

Но возможности такого воздействия можно использовать целенаправленно-прагматически. Так формируется специфическое пространство религиозной субкультуры (или конкурентного дискурса), стилизованное под «церковь» ради достижения апологетических и миссионерских целей, но по своему содержанию являются квазиправославным обществом, своего рода «эклизиальным симулякром». А положительное отношение к симулякрам уже стало частью когнитивной сферы большинства, втянутого в пространство общества потребления. Усложнить процедуру опознания через получение дополнительных надежных знаний большинство не желает, причем здесь в значительной степени виноваты СМИ, как полагает П. Бурдьё. Стилизация в этом случае хотя и носит спонтанный характер, но затрагивает различные уровни конфессиональной культуры – ритуалосферу, канонику, клерикальную этику и поведенческий этикет, другие компоненты религиозного дискурса. Необходимо отличать эти случаи от «высокоцерковных» акций в рамках протестантизма, где сочетание разнородных элементов мыслится как шаг на пути возвращения к изначальному единству, богословской последовательности и эстетической гармонии. При появлении субкультуры и мимикрии усвоение семиотического кода, как правило, носит выборочный, сильно фрагментированный и непрочный характер, не будучи реальным восприятием конфессиональной культуры, оно ограничено минимально необходимыми заимствованиями, достаточными, чтобы сформировать устойчивое впечатление «традиционности» в условиях спонтанного массового восприятия, мало искушенного даже в простом литургическом катехизисе, не говоря уже об историко-литургических тонкостях. Причины этого понятны: это и отсутствие достаточной компетентности в вопросах религиозных традиций, и отсутствие эстетической чуткости, страх «раствориться» в чуждой культуре, опасение потерять расположенность спонсоров и т. д. и т. п.

Сразу необходимо отметить, что анализируемое нами явление принципиально отличается от известных практик культурной адаптации ритуалосферы в миссионерских условиях: последние не более чем облегчали аборигенным народам принятие христианства и воспринимались именно как своего рода снисхождение «к дикарям», хотя порою и давали экстравагантные результаты.

Мы же анализируем принципиально иные явления. Отдельные элементы традиционного кода в новом контексте нацелены не на снятие культурных сложностей при восприятии новых понятий, а на подмену понятий, фактически – фальсификацию. Естественно, что такое усвоение элементов кода в реальности порождает лишь различные формы синкретизма, поскольку не нацелено в реальности на полное и последовательное принятие копируемой религиозной культуры, последнее, естественно, потребовало бы изменения всего конфессионального статуса, но преследует иную цель – повышение уровня социальной респектабельности маргинальной конфессии при помощи инструментов семиотической мимикрии.

Под семиотической мимикрией мы будем понимать совокупность специфических процессов в пространстве семиозиса, в результате которых семиотические значимые элементы одной семиотической системы приобретают признаки элементов другой семиотической системы без установления семантического тождества их значений. При этом нередко происходит ресемантизация

усвоенных элементов, поскольку их значение необходимо очистить от конфессиональных значений и коннотаций, приспособить к новому теологическому или квази-теологическому контексту. В результате этого воспринятый элемент утрачивает изначальный смысл, но об этом широкие массы «непосвященных» обычно не догадываются, для них он остается видимым символом экклезиальной валидности.

Интересно, что эта ситуация нашла отражение в церковном фольклоре. Так, прот. М.В. Ардов, ссылаясь на арх. Киприана (Зернова), приводит следующий «эвристический совет»: взять бревно, надеть на него фелонь и камилавку – и поклонники, а особенно поклонницы тут же найдутся.

Естественно, что наиболее востребованными механизмы семиотической мимикрии оказываются в тех миноритарных конфессиональных традициях, которые остро воспринимают собственный маргинальный статус и тягостятся тем, что в общественном восприятии зачастую идентифицируются как «секты», что грозит и организационными, и административными, и материальными потерями. В условиях, когда конфессиональные акторы религиозной ситуации четко определены и стратифицированы, даже для людей, далеких от религии, не вызывает сложности разграничения религиозного мейнстрима и периферии. В современных российских реалиях, когда существует выраженная православная доминанта в религиозной культуре, наиболее маргинальными оказываются различные протестантские сообщества.

Старообрядчество, будучи сугубо российским религиозным феноменом, воспринимается общественным сознанием скорее положительно или нейтрально (надо сделать скидку на плохую осведомленность о нем), российский католицизм нивелирует последствия некоторой культурной маргинальности в российской семиосфере благодаря ассоциации собственных структур с мировым католицизмом, многочисленным и могущественным (тем самым лишая себя даже теоретической возможности не утонуть в бездонном болоте модернизма), а традиционные нехристианские религии народов России активной миссии не ведут и довольствуются статусом этнических религий и соответствующими привилегиями. На этом фоне малочисленные, но достаточно активные и поэтому заметные организации протестантов нередко воспринимаются как культурно и политически чуждые агенты иностранного влияния, несущие потенциальную опасность, иными словами – как «секты», если не тоталитарные и авторитарные, то как минимум «опасные» и «вредные». Более толерантное отношение к протестантизму среди жителей некоторых мегаполисов не меняет картины в принципе. Поскольку зачастую неопротестантские общины ведут или стараются вести значительную социальную работу, осуществлять различные благотворительные, просветительские и миссионерские проекты, социальный и культурный статус «сектантов-модернистов» и «изгоев» воспринимается ими весьма болезненно и побуждает к поиску такого семиотического кода, который бы воспринимался массовым сознанием более позитивно, но при этом сохранял возможность для теологических и канонических маневров. Последние необходимы для обеспечения признания конфессиональной аутентичности со стороны иностранных спонсоров. Поэтому такой семиотический код должен отвечать следующим критериям:

- при спонтанном восприятии не провоцировать когнитивного диссонанса,

- быть узнаваемым и легко ассоциироваться с семиотическим кодом доминантной религиозной традиции,

- заимствования и стилизации должны быть фрагментарными, формируемая ими семиосфера должна быть «похожей» на образец для подражания, но не тождественной ему,

- при этом в семантическом отношении заимствованные элементы в новой семиосфере не должны быть жестко детерминированы конфессиональными смыслами основной религиозной традиции, должна быть возможность их «протестантского» объяснения.

Умеренная «стилизация под православие» обычно не вызывает серьезных возражений со стороны иностранных спонсорских организаций, поскольку европейский протестантизм традиционно видел врага в католицизме, а отношение к православию было нейтрально-доброжелательным: о нем мало что знали, но при этом воспринимали как потенциального союзника в борьбе с католиками.

Разумеется, формирование подобного семиотического кода часто происходит стихийно, что при отсутствии элементарной литургической грамотности и эстетической чуткости порождает различные формы литургического синкретизма: ритуалогемы одновременно заимствуются из различных традиций, при этом они не только смешиваются, но и десемантизируются. Если в традиционных конфессиях литургия представляет собой упорядоченное семиотическое пространство, в котором семантика и прагматика каждого элемента задается многовековой традицией и фундируется разработанными положениями литургического богословия, то в условиях включения их в мимикрирующий семиотический код неизбежно возникают смысловые парадоксы, обусловленные различными проявлениями интердискурсивности.

В результате носитель традиционной литургической культуры пытается прочитать такой семиотический код в соответствии с известной ему системой смыслов, но по понятным причинам не может достичь герменевтически удовлетворительного результата. Например, авторы данной статьи наблюдали богослужение в одной протестантской общине, пытавшейся мимикрировать под православную: во время богослужения совершался некий аналог проскомидии, но совершался он в самом начале богослужения, до евангельского чтения, а в качестве жертвенника использовался старый телевизор, стоящий вне алтарного пространства и накрытый скатертью. Отдельный вопрос, зачем в лютеранской литургии, сохранившей общие черты литургии латинской, переносить проскомидию, ведь она сохраняется с весьма ранних времен как начало Литургии верных (в римской практике она именуется «Приношением даров», но содержание от этого ничуть не меняется). Где-то до VII в. она и была достаточно короткой, и располагалась не в начале службы, каковую практику и сохраняет римская литургия. Пожилой прихожанин православного храма, случайно оказавшийся на этом богослужении, потом заявил, что он «ничего не смог понять». Подобную герменевтическую сложность часто порождает произвольно совершаемое каждение, которое рецептировали некоторые протестантские сообщества: вразумительного ответа на вопрос, почему каждение совершается в тот или иной момент богослужения и что именно оно символизирует?, получить часто не удастся. Характерно, что и в современном литургическом обиходе римо-католиков каждение совершается зачастую как попало

или по непонятно кем выдуманной схеме, а из служебников исчез лист со схематическим представлением всех тонкостей каждения алтаря, начиная с очередности. Впрочем, одна из семиотических стратегий модернизма – не просто упрощение, а внесение хаоса и теологической иррациональности (как вариант – теологической инверсии, с утратой когерентности вопросов и ответов на них). Во всяком случае, смешение разных литургических традиций не оправдывается ничем, и речь идет не только о соображениях миссионерских – не случайно при заключении униональных союзов Римско-католическая церковь ставила условием сохранения имеющейся литургической практики, если только в ней случайным образом не оказался элемент чуждый и богословски абсурдный.

Полагаем, отмеченные нелепости связаны с тем, что для тех, кто формирует и использует мимикрирующий семиотический код, вопросы, обусловленные спецификой литургического богословия, не являются актуальными. Для них важен не литургический символизм заимствованного ритуалом, раскрывающийся в едином тексте литургического действия (т. е. их субкатегориальное значение), а сам факт наличия последних, который на гиперкатегориальном уровне смысла обозначает некую абстрактную «традиционность» и «респектабельность». Возникшую в результате заимствования семиотическую трансформацию можно представить следующим образом.

В традиционной православной литургии каждение обладает следующей системой значений:

субкатегориальный уровень: значение каждения обусловлено символизмом конкретного элемента богослужения;

категориальный уровень: символизм поклонения Богу и почитания святых;

гиперкатегориальный уровень: благодать Божия;

В рамках мимикрирующего семиотического кода:

субкатегориальный уровень: не разработан¹;

категориальный уровень: «красиво», «нам нравится»;

гиперкатегориальный уровень: «у нас как в церкви, значит – мы не секта».

Иногда процессы семиотической мимикрии приводят к продуцированию подражательных текстов, прагматика которых всецело подчиняется задаче формирования видимости традиционности. Причем зачастую в жертву этой цели приносится смысл. Так, Рождественское послание лютеранского епископа А. Кугаппи начинается с плохо поддающейся теологической интерпретации фразы «Рождество Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа несёт нам мир, радость и праведность Божию, ибо дарует нам спасение» [3]. При всей теологической несообразности (если в Рождестве совершилось спасение, то Голгофа не нужна, не случайно в действительно традиционном дискурсе о Рождестве говорится как о *начале* спасения [4]) данный текст вполне прагматичен, так

¹ Если не рассматривать курьезные случаи каждения для устранения зловонных запахов. Так, по воспоминаниям прихожан лютеранского собора св. Михаила в Петербурге, в начале 1990-х гг. к каждению прибегали для нейтрализации дурно пахнущих канализационных стоков. В этом случае можно полагать, что субкатегориальный уровень обладает как минимум структурно-прагматическим значением.

как его задача не в передаче актуального богословского содержания, а в мимикрии под существующую традицию православной риторики. Значение такого текста не соотносится с «экзистенциальной диспозицией понимания» [2], но почти полностью задается экзистенциями стиля.

В духе бартианской семиотики с ее ревизией классического структурализма ритуальное действие, как и когнитивную модель, возникающую при его восприятии, можно представить в терминах ядра и периферии. Ядро строится благодаря строгой, последовательной и жесткой системе оппозиций (не обязательно бинарных), которые в совокупности своей и дают полную семантическую картину. Способностью к получению такой когнитивной картины можно обозначить как семиотическую (обычно сочетающуюся с экстрасемиотической) грамотностью. Периферия состоит из аморфных структур добавочных значений, коннотаций, способных выступать вне полноценной семиотической оппозиции или менять оппозитивные сочетания. Соответственно это область, скорее, нерелективного восприятия, интуитивного «понимания» и т. д. Возможность неверной интерпретации здесь высока, особенно при неспособности индивида различать ядро и периферию. Понимание коннотативных, периферийных признаков как конститутивных и информационно полноценных можно охарактеризовать как семиотическую неграмотность, которая, подобно указанной выше грамотности, сочетается и с экстрасемиотической неграмотностью. Вариантом неграмотности следует считать и эпифеноменальную, привнесенную интерпретацию, несовместимую с той, которая закреплена узуальной и теологической традицией.

Так, в уже приведенном примере с кажением у неграмотного индивида отсутствует и надежное знание того, что это за предмет, так и все, связанное с его литургической семантикой. В ряде случаев экстрасемиотическая грамотность («Знаю, что эта чашечка на цепочках именуется кадилом, в нее угли кладут, из нее дым идет, им кадят на богослужении») сочетается с неграмотностью семиотической («А вот для чего, зачем и что это значит – понятия не имею; когда в храме кадили, стоящие рядом поклонились, я тоже, а то неудобно просто стоять»). Такое сочетание знание/незнание может быть характерно не только для маргинальной религиозности, но и для атеизма, поскольку атеисту никто и ничто не запрещает распознавать среди храмовых предметов, допустим, то же кадило, а среди синагогальной утвари, допустим, свиток Торы. А использование когнитивных пробелов для мимикрии является одним из основных способов введения в заблуждение. Не случайно в ситуации, где предметов или действий, требующих понимания, по какой-то причине мало, такое введение в заблуждение становится и вовсе легким. Не случайно в первые послевоенные годы одной из проблем Московской патриархии были самозванцы-псевдоклирики, ходившие по деревням и совершавшие «службы», обирая народ. Так как в период послевоенной разрухи найти полный комплект священнического облачения в какой-нибудь деревне было сложно, то самозванцы надевали лишь где-то найденные отдельные части такого комплекта либо служили без облачения вообще. В результате жестко контролируемое получение духовенством права на священническую деятельность (под обобщенным названием «регистрация») стало практически необходимым. Подобная же ситуация возникает при сравнении обихода ряда противостоящих общин протестантского толка с разной юрисдикцией. Характерный пример –

противостояние официально признанного Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов и отколовшегося от него Совета церквей Евангельских христиан-баптистов (инициативников, крючковцев).

Такое сближение когнитивных процессов, оказывающихся схожими у представителей маргинальной религиозности и просто неверующих, ставит вопрос и об иных когнитивных сходствах этих социальных референтных групп; этот объемный вопрос мы намерены рассмотреть в одной из следующих статей.

Список литературы

1. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм/религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: «Богословие. Философия». 2015. № 1. С. 87–97.
2. Губман Б.Л. Мир культуры: Экзистенциальные истоки и знаково-символическая реальность // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Философия». 2015. № 2. С. 7–25.
3. Рождественское обращение епископа Аари Кугаппи. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc1653536_455922785?hash=721b99364089ba4873&dl=0533133f4b800b5660
4. Рождество Христово. Стихиры на стиховне. [Электронный ресурс] URL: http://days.pravoslavie.ru/rubrics/canon_print226.htm
5. Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. М.: АСТ, 2017. 384 с.
6. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. М.: АСТ, 2017. 352 с.

SEMIOTIC MIMICRY AND FUNCTIONING OF A RELIGIOUS SIGNIFICANT SYSTEMS: FORMULATION OF THE PROBLEM

V.Y. Lebedev*, A.M. Prilutskij**

*Tver State University, Tver

**Herzen State Pedagogical University, S.-Petersburg

This article is focused on the analysis of the details of the mimicry of elements of semiosis in the religious discourse of predominantly marginal forms of religion. The authors believe that semiotic mimicry is a set of specific processes in the space of semiosis when the semiotic significant elements of one semiotic system acquire the attributes of elements of another semiotic system without semantic identity of their meanings. This kind of transformations is illustrated on the examples of Catholic modernism and Protestant minority denominations history.

Keywords: *Semiotic mimicry, semiotics of religion, modernism, liturgy, Protestantism.*

Об авторах:

ЛЕБЕДЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, проф., профессор кафедры теологии Института педагогического образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович – доктор философских наук, проф., профессор кафедры социологии и религиоведения ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена», С.-Петербург. E-mail: Alpril@mail.ru

Authors information:

LEBEDEV Vladimir Yurievich – PhD, Prof., Professor of Dept. of Theology, Institute of teachers education, Tver State University, Tver. E-mail: Semion.religare@yandex.ru.

PRILUTSKY Alexander Mikhailovich – PhD, Prof., Professor of the Dept. of Sociology and religious studies of the Herzen State Pedagogical University of Russia, S.-Petersburg. E-mail: Alpril@mail.ru

УДК 141

«УБЕЖДЕНИЕ» И СПОР В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

С.Е. Крючкова

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Выявляются различия между такими интеллектуальными процедурами, как убеждение и спор. Анализируется аргументативная практика и теория в различных философских школах Древнего Китая, особенно в моизме.

Ключевые слова: *аргументация, убеждение, теория рассуждения и спора.*

Аргументация, имеющая целью убеждение кого-либо путем обоснования истинности (справедливости, приемлемости) определенной точки зрения, сегодня является предметом изучения целого ряда дисциплин, каждая из которых ограничивается, как правило, лишь одним из аспектов аргументативного дискурса – логическим, риторическим, когнитивным, коммуникативным, психологическим, языковым или же прагматическим. Неготовность исследовать феномен убеждения в единстве всех его составляющих является одной из причин того, что при наличии множества подходов к построению теории аргументации (неформальная логика, прагматическая диалектика, формальная диалектика и др.) ни один из них не стал основой для построения всеобъемлющей теории, способной органично соединить обоснование и убеждение, неразрывно бытийствующие в аргументативном дискурсе.

Данная ситуация в условиях постоянного возрастания значения коммуникации актуализирует новые исследования, включающие в том числе и обращение к историческим корням – аргументативному наследию древних мыслителей, рассматривавших процесс убеждения как раз в единстве всех его составляющих [6]. Однако если античный агональный аргументативный дискурс является предметом теоретической рефлексии достаточно давно, то специфика способов обоснования в интеллектуальной культуре Древнего Востока, особенно Китая, до сих пор остается малоизученной.

На это есть масса причин, среди которых на первом месте стоит своеобразие и необычность для европейцев китайского стиля мышления. В свое время это породило ряд европоцентристских стереотипов, одним из которых был тезис об отсутствии в Древнем Китае логики [14; 15]. Причину этого чаще всего усматривали в иероглифичности китайского письма, якобы менее приспособленного для разработки абстрактных категорий, чем язык алфавитного типа, состоящий из незначительных букв, образующих знаменательные слова. «Алфавитность как продукт “левополушарной психики”, – подчеркивает в этой связи А.И. Кобзев, – аналитична и логизирована ...напротив, иероглифичность как продукт “правополушарной психики” синтетична и образна (гештальтна)» [3, с. 222]. Действительно, языковой барьер, а также суггестивный характер китайских философских книг, широко использующих в качестве аргументов афоризмы, примеры, намеки, метафоры, весьма серьезно ослож-

няют понимание смысла высказываний китайских философов, так как «читая их в переводе, теряешь саму суггестивность, а значит – очень многое» [10, с. 35].

Однако, несмотря на эти обстоятельства, противопоставление китайского стиля мышления как коррелятивного и ассоциативного, западноевропейской аналитичности сегодня в условиях перемен в понимании критериев и границ логического, а также форм и способов аргументации начинает преодолеваться. Исследователи «заново» ставят вопрос о существовании логики в Древнем Китае [5, с. 111]. При этом речь идет не о проецировании на китайский менталитет европейской ментальности, как это было ранее, а о выявлении общих мыслительных ходов и интуиций в аргументативных дискурсах греческой и китайской интеллектуальной культуры в древнюю эпоху, таких, например, как «визуально-пространственное конструирование, заданные алгоритмически классификационные схемы, выделение минимальных образцов, эвристическая роль начала-зерна в смыслопорождении, самоподобные структуры... в результате чего китайское алгоритмическое мышление предстает в новом свете» [2, с. 128].

Хотя аргументативная проблематика, так же, как и логическая, не специфицировалась в Древнем Китае в качестве отдельной дисциплины, она тем не менее достаточно широко была представлена в интеллектуальной культуре того времени в силу «практических требований риторики (способов ведения спора) и познавательного аспекта дискуссии» [13, с. 178]. Не случайно древнекитайские философские тексты часто расценивают именно как памятники ораторского искусства.

В период расцвета древнекитайской культуры (Чжаньго, V–III вв. до н.э.) она была заполнена «ритуальной этикой и социальным церемониалом, культом предков и всеобщим устремлением к упорядочению норм повседневной жизни, к Порядку и Гармонии» [1, с. 623]. Вместе с тем институт диспута имел достаточно широкое распространение в этот наполненный великими общественными и политическими потрясениями период, когда шли постоянные споры между наиболее известными философскими течениями, такими, как конфуцианство, моизм, даосизм, школа «имен» и школа «законников». Не случайно это время называют «Эпохой соперничества Ста школ». Полемика между ними (особенно между двумя полюсами китайской мысли – даосизмом и конфуцианством) была достаточно острой, хотя и менее принципиальной, чем между школами в Древней Индии, что объяснялось различиями в метафизических установках, а также специфическим пониманием философии, которая была для древних китайцев не просто тем, что «следует познать», а тем, что «следует пережить» [10, с. 30]. Интеллектуальная конкуренция между школами дала мощный толчок развитию института диспута в Древнем Китае, стимулировала теоретическую рефлексия над аргументативным дискурсом и способствовала систематизации технических приемов ведения публичных споров.

Институционализации спора в Древнем Китае предшествовала широко распространенная в период Чунь Цю практика «убеждения». Феномен «убеждения» (*шуй*) – это специфическая для Древнего Китая прикладная область духовной жизни, произрастающая из «эстафетного понимания традиции как непрерывного воспроизведения потомками некоторого исходного примера,

возводимого к родоначальнику, что только и могло гарантировать нерушимость исторического преемства» [5, с. 118]. «Убеждение» имело вид поучения, назидания, призыва «следовать образцу», с которыми советники обращались к правителям. И хотя прагматическая польза от «убеждений» была невелика, однако сам факт произнесения таких речей способствовал появлению теоретической рефлексии над аргументативным дискурсом, так как «память о подобных весьма смелых для своего времени акциях долго сохранялась и, главное, превращалась в традицию, обретая при этом некую нормативность» [1, с. 598].

Значимость речей – «убеждений» – состояла и в том, что они содержали первые образцы правильного употребления слов, фиксировали отношение между именем и именуемым, закладывая тем самым фундамент для развития логико-аргументативных представлений. Со временем профессиональные «мастера убеждать», критикуя чьи-то недостатки, стали использовать форму так называемого «удвоенного убеждения», содержащую не только доказательство точки зрения произносившего речь, но и опровержение возможной противоположной позиции. Этот вид так называемого «*вымышленного спора*» во многом напоминал «*двойные речи*» софиста Горгия из Леонтин. Вымышленная полемика с гипотетическим противником придавала «убеждениям» форму «непрямой аргументации», напоминающую подлинный спор с реальным оппонентом, что позволило некоторым исследователям интерпретировать их как разновидность спора, несмотря на то, что в данном случае аргументативный дискурс был представлен в виде монолога, а не диалога.

Отождествление феномена «убеждения» со спором, как показал Ю.Л. Кроль, неправомерно, так как между этими процессами есть ряд принципиальных отличий, как в отношении цели и субъектов, так и в самой процедуре. «Убеждение» и спор противоположны по многим параметрам: и по количеству активных сторон, и по уровню диалогизации и степени демократичности, а также по наличию или, что было чаще, отсутствию аудитории. Они также отличались по степени проявленности точек зрения и по характеру отношений между позициями участников, что могло вести как к согласию, так и противодействию. Различны были и ожидаемые результаты: «Для успеха в споре было необязательно переубедить противника, а достаточно отстоять свою позицию и сделать оппонента бессильным что-либо возразить, “победить его уста”, поэтому спор тяготел к логическим средствам, хотя и не исключал других; для успеха убеждения в случае противодействия со стороны убеждаемого было обязательно склонить его к принятию точки зрения убеждающего и к определенному поведению, “покорить его сердце”, поэтому убеждение тяготело к психологическим средствам, хотя и не исключало логических», «убеждение гораздо больше соотносилось с социальным статусом сторон и в этом смысле было “иерархично”... это создавало “трудность убеждать”, состоявшую в “знании сердца убеждаемого” и в выборе подходящего способа убеждения (трактат Хань Фэй цзы)» [4, с. 31].

Накопленный в практике «убеждений» теоретический багаж явился предметом специального изучения в известном месте споров – академии Цзы-ся, находившейся в Линьцзы, где собирались представители разных школ, а также в других учебных заведениях, таких, например, как школа ораторского мастерства *цзун хэ*, аргументативное наследие которой остается еще малоизученным. Ее представители – *бянь ши* («странствующие мастера убеждать») –

развивали традиции дипломатического красноречия, среди которых преобладали приемы непрямого убеждения, такие, например, как намеки, позволяющие иносказательно увещевать; косвенная критика, которой славились так называемые «скользкие говоруны» (*гу цзы*); метод «обсуждения достоинств и недостатков» (*чан дуань*); способ «удвоенного убеждения», а также метод, возникший на основе «мышления родами» и позволяющий не только «соединять и составлять вещи» (*лян лэй*), но и выстраивать целые ряды исторических примеров [4, с. 28]. Этот прием станет основой умозаключения по аналогии, которое приобретет в будущем значение топоса в древнекитайском споре.

Формы аргументации со временем усложнялись: на смену «убеждениям» пришел спор в подлинном смысле этого слова, представляющий собой полемическое столкновение позиций. Начинается и теоретическая рефлексия над феноменом спора. Примером может служить деятельность искусного спорщика Мэн-цзы, который на основе личного опыта поучения нерадивых правителей написал трактат, посвященный настоящему спору, где рассмотрел, в частности, разновидности опровержения аргументов противника в ходе полемики, а также дал первое развернутое понимание рассудительности (*чжи*) как критерия оценки речей и способности правильно давать «имена».

В период Чжаньго происходит не только институализация спора, но и возникает своеобразный «спор о споре» как средстве обоснования правильности концепций, содержащих различные рецепты по «спасению» Поднебесной. Предметом обсуждения выступал широкий круг вопросов, касающихся в первую очередь социальных и моральных отношений: правильность курса государственного управления, его способы и рычаги («ритуал» или «закон»), основы «идеального государства» («гармония» или «единство»), а также человеческая «природа» и правильные принципы моральной личности [5, с. 39].

В этот период уже четко обособляются такие виды спора, как *политический, судебный и философский*. Первый имел наиболее широкую сферу распространения, одной из его специфических форм являлись так называемые «конференции», которые велись преимущественно по конкретным вопросам. На одной из них (81 г. до н.э.) произошла известная историческая дискуссия между конфуцианцами и легистами, описанная в ряде трактатов под названием «Спор о соли и железе». Ее предметом был вопрос о казенных монополиях, против которых выступали конфуцианцы, призывавшие вернуть производство соли и железа простому народу. Конфуцианец Дун Чжун-шу в ходе аргументации своей позиции использовал *метод ассоциаций*, ставший «визитной карточкой» китайской традиции спора. Казенные монополии на соль и железо ассоциировались у него с «путем Цинь» и противопоставлялись идеальному «пути совершенномудрых» – «божественных властителей» древности, которым удалось воплотить идеальный государственный строй, основанный на «добродетели», полученной от Неба. Упразднение казенных монополий должно было сопровождаться экономическим выравниванием имущества: ограничением земельной частной собственности, созданием препятствий к чрезмерному обогащению одних и обнищанию других [11, с. 12]. Основной аргумент выглядел так: необходимо, чтобы государь упразднил монополии, так как он не должен соревноваться с народом Поднебесной в погоне за выгодой, а обязан являть пример бережливости и умеренности, лишь тогда можно будет возродить наставление и духовное преображение народа. Эту позицию поддержал

и другой участвовавший в дискуссии конфуцианец, заявивший в качестве дополнительного довода, что «богатство не есть самоцель, а средство, с помощью которого средний (богатый) человек служит высоким целям – помогает родным, бедным, армии и вообще государству» [11, с. 10]. В попытке обосновать тезис о невмешательстве государства в экономику он использовал также типичный для того времени *аргумент к авторитету*: Небо, послав засуху, выразило неодобрение политике казенных монополий. Официальная сторона резко возражала, выдвинув *антитезис*, согласно которому учреждение монополий – важнейшее занятие главы государства и правящего дома, то основное, с помощью чего он подчиняет варваров из четырех стран света, дает безопасность жителям границ и обеспечивает средства казны для расходов, поэтому их нельзя упразднить [11, с. 17]. Показательно, что эти противоположные позиции опирались на один и тот же авторитетный источник («Гуньян жуань») [11, с. 10]. Истолкование с помощью полемических ухищрений в необходимом ключе одного и того же *аргумента к авторитету* (им часто была ссылка на Небо) стимулировало развитие более изощренных приемов и способов аргументации.

Автор полемики трактата «Янь те лунь» Хуань Куань осуществил аналитическую реконструкцию этого реального политического спора и предложил свою версию его продолжения, которая претендовала, с одной стороны, на нормативную роль *образца* для конфуцианской философской школы, а с другой – служила *примером опровержения* позиций легистов и даосов.

В «Споре о соли и железе» ярко проявилась специфическая особенность китайской аргументативной техники – использование *ассоциативных ссылок на прецеденты*. Упоминание о том, что когда-то давно уже было что-то подобное, «рождало необходимые ассоциации, мгновенно становившиеся в центр дискуссии по очень актуальной проблеме... Ассоциации были неотъемлемой частью аргументативного дискурса, который нередко представлял собой цепь дедуктивно-дидактических рассуждений. Смысл подобного рода цепи в том, что ... она учила определенной последовательности и упорядоченности мышления» [1, с. 615], закладывая тем самым теоретические основы логики и аргументативного дискурса. Ассоциативность мышления была проявлением практицизма китайской мысли, ее прагматической ориентации, которой наиболее адекватно соответствовала доктрина конфуцианства, содержащая наряду с *аргументами к авторитету* целую систему аргументативных топосов, в которой важнейшее место занимали *аргументы к традиции и к пользе*. Последние настолько соответствовали ментальности подданных Поднебесной с ее «приоритетом когнитивной эффективности над само собой разумеющейся формальной правильностью» [5, с. 111], что ни даосизм, ни пришедший из Индии буддизм не смогли составить серьезную конкуренцию конфуцианству.

Наряду с политическими широко были представлены *судебные споры* по поводу имущества, в которых искусство красноречия играло определяющую роль. Первенство в них чаще всего оказывалось за представителями школы «имен» (древнекитайских софистов), владевших умением убедительно говорить, не сообразуясь с «правотой» того, что они отстаивали. Успехами в таких тяжбах прославился профессиональный мастер публичного спора – Дэн Си, владевший искусством неправоту превращать в правоту, и наоборот. Он успешно практиковал прием «*последнего слова*», который впоследствии при-

обретет статус еще одного топоса древнекитайского спора, а также особую стратегию аргументации: приведение множества доказательств истинности противоречащих суждений, в ходе которых он сформулировал ряд нормативно-логических требований.

На придворных «конференциях» велись не только политические, но и *философские споры*: легисты спорили с конфуцианцами, моисты – с представителями школы имен. Практиковались и внутришкольные споры, в которых оттачивались не только аргументы, но и выкристаллизовывалась нормативная база аргументативного дискурса. Самые известные из них велись в конфуцианстве во времена империи Хань при дворе монарха в 79 и 51 гг. до н.э. Постепенно среди участников таких дискуссий выделилась группа мыслителей-философов, занимавшихся (в том числе) и вопросами теории спора. Самыми крупными древнекитайскими мыслителями, которые в своих концепциях так или иначе затрагивали логическую и аргументативную проблематику, были Конфуций, Дэн Си, Хуэй Ши, Гунсунь Лун, Мо-цзы и Ханьфейцзы [8, с. 174].

Еще одна трудность исследования аргументативного наследия древних китайцев была связана с тем, что теоретические обобщения аргументативной практики содержались в трактатах, посвященных более важным проблемам политики и этики. Эта специфическая древнекитайская интуиция приоритета действия перед знанием проявлялась при постановке всех эпистемологических проблем, центральной из которых было отношение языка и реальности, имени и вещи, решение которой виделось преимущественно в прагматическом аспекте.

Идея «нормативирования» языка впервые в наиболее четкой постановке появилась в творчестве Конфуция, рецепция доктрины которого являлась теоретическим источником для многих философских школ, так или иначе интересовавшихся различием и связью между тем, что называли «именами» и «фактами». Основополагающий труд «Луньюй» («Суждения и беседы») содержал описание множества философских споров, которые вел Конфуций со своими учениками. В этой знаменитой работе, выразившей духовные чаяния своего беспокойного времени, помимо всего нашли отражение и некоторые проблемы аргументации, такие, как *приемы ведения диалога, метод вопросов и ответов*. Но главной теоретико-познавательной проблемой, поставленной Конфуцием, была *проблема имен*, в словоупотреблении которых было необходимо навести порядок (требования «общезначимости» и «упрощения»).

Конфуций полагал, что в каждом имени заключен смысл, составляющий сущность вещей, к которым это имя относится. Вещи должны согласовываться с идеальной сущностью, соответствовать придаваемым им именами смыслу. Поэтому для создания упорядоченного социума отношение между именем и реальностью должно соответствовать традициям семейно-клановой и государственной организации, а также идеалам Гармонии и Порядка. Исходя из чисто этического интереса, он выдвинул требование «выпрямления имен» (*ч.жен мин*), так как «имена» (речи) транслируют намерения, которые воплощаются в соответствующем поведении. Правильно используемые имена (речи) не должны приводить к моральным и социальным противоречиям, их цель – правильный поступок. Похожую задачу – убедить, чтобы заставить человека действовать в определенном направлении, – ставила античная риторика и теория аргументации. Однако если для западноевропейской традиции решение этой задачи достигалось путем обсуждения разумных доводов с целью достижения консенсуса или

хотя бы взаимопонимания (с целью разрешения тех же социальных конфликтов), то в конфуцианстве вопрос ставился иначе. С одной стороны, как правильно употреблять имена, чтобы они соответствовали объектам, «не вредили» им, а с другой – как приводить объекты в соответствии именам так, чтобы конституировать идеальный государственный порядок, при котором «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном» [7, с. 160], т. е. вести себя сообразно своему социальному статусу.

В истории китайской философской мысли существовало две противоположных позиции, напоминающие античное идейное противостояние Гераклита и Парменида. Однако в отличие от последних это было противостояние внутри одной школы – школы «имен» (*минцзя*). Относительность и изменчивость реальных вещей подчеркивал Хуэй Ши, а его главным оппонентом был представитель той же традиции Гунсунь Лун, утверждавший, что если реальность, например, «красивая вещь», относительна и изменяема, то «красота», как абстрактная категория, имя абсолютно красивого – постоянно, неизменно и всегда остается таким, какое есть. В этом своем рассуждении Гунсунь Лун очень близок к теории платоновских идей и западноевропейской философской концепции универсалий, так как в китайском языке «общие и абстрактные понятия по внешнему виду не различаются, поэтому то, что европейцы называли бы общим понятием, в китайском языке может обозначать и универсалию» [10, с. 113].

Однако несмотря на столь существенные различия метафизических позиций, идеи и метод аргументации Хуэй Ши и Гунсунь Луна были очень сходны и достаточно типичны для целого ряда китайских мыслителей, особенно тех, кого занимали *парадоксы*, которые поразительным образом перекликаются с греческими: «Летящая стрела временами не находится ни в движении ни в покое», «Если каждый день отнимать половину от палки длиной в одно *чи*, то этот процесс нельзя закончить и через 10 тысяч поколений» и др. Их широкое применение в спорах послужило причиной того, что представителей школы «имен» в древности называли «*бянь-чжи*» – спорщики, ораторы, которые «всегда были готовы дискутировать с другими и намеренно утверждать то, что другие отрицали, и отрицать то, что другие утверждали» [10, с. 103].

Одна из проблем теории аргументации – ее зависимость от ее языковой формы – уже достаточно четко была поставлена в трактате школы «имен» «Гунсунь Лун-цзы». Полемика вокруг знаменитого вывода Гунсунь Луна: «Белая лошадь – не есть лошадь» – свидетельствует о том, что своим логическим анализом «имен» он способствовал утверждению логико-семантического подхода к доциньскому эристическому материалу. Вместе с тем она выявила «гипертрофирование принципа решения всех проблем с помощью языка и спора», а также «подорвала саму идею их действительности», на которую обращали внимание уже Лао-цзы и Чжуан-цзы, сделавший крайне релятивистский вывод о бесцельности любой дискуссии [9, с. 164–165].

В отличие от Гунсунь Луна большинство других представителей школы «имен», которых исследователи за их манеру аргументации справедливо называют «софистами», не были настроены на строгий анализ употребления имен и в ходе споров со своими оппонентами часто допускали игру словами, искажение «имени именем» или «именем действительности», исходя из «допустимости» выводов, а не их «соответствия действительности». Не случайно

излюбленным аргументативным приемом представителей *минцзя* была *подмена понятий*, лежащая в основе целого ряда софизмов, прославивших эту школу (парадоксы Хуэй Ши). Негативная реакция современников на использование подобных уловок выразилась в появлении «Программы спора» (создатель – Цзюй Янь), содержавшей систему общих принципов ведения спора и, по сути дела, явившейся прообразом теории аргументации.

Особую роль в теоретическом осмыслении аргументативного наследия предшественников сыграли моисты (основатель школы Мо-цзы), которые оказались «уникальны в истории китайской философии своими попытками дать систематические определения знания» [12, с. 88] и которые были «фактически первыми, кто стал искать *фа*-образцы/ законы аргументации» [9, с. 182].

Особенно продуктивны в этом отношении были поздние моисты, которые в большей степени, чем представители других школ, «пытались создать чистую систему эпистемологии и логики» [10, с. 152]. У поздних моистов на первое место выходят логическая аргументированность и доказательство пользы «всеобщей любви и взаимной выгоды», в результате чего теория аргументации предстает как прикладная логика. Так, в работе «Мо-цзы» для доказательства желательности принципа всеобщей любви он подвергается «проверке правильности», которая включает три способа: во-первых, выявление его *основы* (воля Неба и духов и деяния «совершенномудрых»), во-вторых, его *подтверждение* («слухом и зрением простого народа») и наконец, самый главный (утилитаристский) аргумент – *применимость* в управлении («цель которого – благо для государства и народа»).

Вопросы аргументации рассматривались моистами не только в контексте теории имен и теории высказываний (как у предшественников), но и отдельно – в особой *теории рассуждения (шо)* и *спора (бянь)*. Термин «*шо*» использовался для обозначения процедуры рассуждения, в ходе которой осуществляется выдвижение и аргументация какого-либо тезиса и/или прояснение аргументов. Аргументы рассматривались ими как необходимое условие для разъяснения высказываний, входивших в само рассуждение. Что же касается процедуры обоснования утверждений, являющейся, как известно, центральной в аргументативном дискурсе, то этот вопрос исследовался моистами достаточно подробно. Они подвергли специальному рассмотрению структуру обоснования, выделив три элемента, его составляющие: аргумент (*гу*), довод (*ли*) и примеры (*лэй*). Их совокупность составляла логическую форму «обоснования», известную среди моистов под названием *сань у лунь ши* – «форма трехступенчатого обоснования», или *саньву* – «три основы». Эти элементы фактически являлись требованиями, несоблюдение которых вело к ошибкам, часто встречающимся в публичных спорах.

Ошибки в споре моисты разделяли на пять групп: 1) ошибки, свойственные нашим органам чувств при восприятии вещей; 2) ограниченность познания человека в каждый конкретный момент времени; 3) неправильное использование «имен»; 4) нарушение правил рассуждения; 5) отсутствие представления о границах собственного незнания/знания о предмете. Последнее особенно важно в споре, так как позволяет правильно ставить вопросы и давать релевантные ответы. Таким образом, вопросно-ответные процедуры, которые входят в предметное поле теории аргументации, так же, как и методы рассуждения, правила их ведения и роль дискуссии в достижении истины, бы-

ли ясно и достаточно четко представлены в системе теоретических представлений поздних моистов, аргументативные идеи которых носили ярко выраженный логико-семантический характер.

Что же касается используемых в аргументации видов умозаключений, то главным среди них была *аналогия*, расцениваемая моистами в качестве наиболее эффективного средства ведения споров. Подтверждением этому являлась широко распространенная среди китайских мыслителей практика использования *примеров*, которые подбирались весьма искусно и придавали высокую степень убедительности их аргументации.

Исследование поздними моистами аргументативного потенциала умозаключений по аналогии, по мнению ряда исследователей, подготовило почву для перехода к индукции и дедукции. Так, в моистских канонах для различения правильного и неправильного часто используются два метода – *метод подражания* (дедуктивное обоснование, в ходе которого происходит «использование суждений для разъяснения причин» из предыдущего пассажа) и *метод распространения* («присвоение и отдача в соответствии с типами»), которые «отчасти соответствуют дедуктивному и индуктивному типу методов западной логики» [10, с. 145]. В этой связи современные синологи подчеркивают стратегическую привлекательность для древних китайцев дедуктивного рассуждения, понимаемого как «рациональное обоснование безошибочного прогноза относительно исхода той или иной антагонистической игры» [5, с. 111], и даже полагают, что данная школа вплотную подошла к созданию основ собственно формальной логики.

Однако эта линия рефлексивного научного теоретизирования вскоре была вытеснена конфуцианством, занявшим в период Хань господствующее место в идеологии, ориентированной на унификацию и видевшей в критическом стиле мышления угрозу своему единству. Не случайно философские споры под страхом смерти запрещались, книги сжигались, а идеи Мо-цзы и его последователей на долгие столетия были практически забыты. Только в Новое время идеи моистов будут оценены по достоинству.

Список литературы

1. Васильев Л.С. Древний Китай: в 3 т. М.: Восточная литература, 2006. Т. 3. 679 с.
2. Герасимова И.А. Конструктивизм как логический стиль и проблема китайской логики // Философ. журн. 2016. Т.9, № 4. С. 128–146.
3. Кобзев А.И. Китайская культура и атомизм // Философия и наука в культурах Востока и Запада. М.: Восточная литература, 2013. С. 211–223.
4. Кроль Ю.Л. Спор как явление культуры Древнего Китая // Народы Азии и Африки. 1987. № 2. С. 24–34.
5. Крушинский А.А. Логика Древнего Китая // Философ. журн. 2016. Т. 9, № 4. С. 111–127.
6. Крючкова С.Е. Искусство аргументации в Древнем мире. М.: Янус-К, 2016. 140 с.
7. Лунь Юй // Древнекитайская философия: собр. текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 139–174.

8. Пань Шимо. Логика Древнего Китая // Философ. науки. 1991. № 11. С. 174–178.
9. Рыков С.Ю. Древнекитайская философия. М.: ИФ РАН, 2012. 312 с.
10. Фэн Ю-Лань. Краткая история китайской философии. СПб.: Евразия, 2017. 376 с.
11. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). М.: Восточная литература, 2001. 407 с.
12. Чакраварти Рам-Прасад. Алетическое (истинностное) знание: основные черты классической индийской эпистемологии и несколько компаративных замечаний о китайской традиции // Сравнительная философия: знание и вера в контексте диалога культур. М.: Восточная литература, 2008. С.77–99.
13. Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 47 с.
14. Hansen Ch. Language and Logic in Ancient China. Ann Arbor, 1983. 207 p.
15. Graham A.C. Later Mohist Logic, Ethics and Science. Hong Kong: The Chinese University Press, 2003.

«PERSUASION» AND DEBATE IN ANCIENT CHINA

S.E. Kryuchkova

National research University – Higher school of Economics, Moscow

The article reveals the differences between such intellectual procedures as persuasion and dispute. The author analyzes argumentative practice and theory in various philosophical schools of Ancient China, especially in Moism.

Keywords: *argumentation, persuasion, theory of reasoning and dispute, types of errors.*

Об авторе:

КРЮЧКОВА Светлана Евгеньевна – доктор философских наук, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет – «Высшая школа экономики», г. Москва. E-mail: Skryuchkova@hse.ru

Author information:

KRYUCHKOVA Svetlana Evgenievna – PhD, Professor of the School of philosophy, Faculty of Humanities, National research University – Higher school of Economics. Moscow. E-mail: Skryuchkova@hse.ru

УДК 124.53

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАЗАЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

А.П. Комаров

Министерство образования и науки Российской Федерации, г. Москва

Анализируется процесс трансформации традиционных ценностей казачества в период с начала XVIII по конец XX в. Начиная с эпохи Петра I эта трансформация привела к изменению сущности казачества, которая эволюционировала от «вольного казака» к «служилому казаку», а с установлением Советской власти – к «казаку – созидателю нового социалистического общества». Автором подробно исследованы эволюция таких традиционных для казачества ценностей, как власть, безопасность, свобода, справедливость, а также изменение приоритетов веры и идеи в единой системе духовных ценностей казаков, которое произошло в советскую эпоху. Социально-философский анализ позволил зафиксировать в указанный выше период возрастание влияния государственных интересов на ценности казачества.

Ключевые слова: казак, казачество, ценность, социально-философский анализ, сословие, государство, традиционные ценности казачества, сущность казачества.

Изменение традиционных ценностей казачества началось в период царствования Петра I. После разгрома восстания казаков под руководством К. Булавина царь казнил в 1709 г. войскового атамана И. Зерщикова и замешанных с ним в организации восстания войсковых старшин, после чего попытки Войска Донского вернуться к демократической процедуре выборов войскового атамана не дали положительных результатов. Петр I назначил «без права переизбрания на кругу» войсковым атаманом В. Фролова, ликвидировав, по сути своей, одну из важнейших ценностей бытия казаков – уникальную форму казачьего самоуправления [12, с. 413]. Войсковых атаманов с 1715 г. стали назначать императоры России из лиц не только не казачьего рода, а иногда даже не православного вероисповедания [12, с. 415].

Девальвация экономических ценностей казачества обусловлена тем, что после отмены крепостного права отпущенным из крепостной неволи донским крестьянам было выделено 2 051 195 десятин земли Войска Донского. Это привело к появлению на Дону новых собственников земли, не разделявших традиционные ценности казачества, которые получали значительно более высокие урожаи, чем казаки, в силу того, что последние часто отлучались на служебные сборы. Так постепенно стало падать значение земли как главного ресурса казачьих хозяйств, стали девальвироваться. Кроме этого, помимо расслоения на простых казаков и офицеров, усилилась дифференциация казачества по степени зажиточности. Так, в начале XX в. в России примерно 40 % казачества составляли бедняки, 35 % середняки, 25 % кулаки [3, с. 27].

В дальнейшем в рамках неуклонного развития капитализма в России, казачье сословие непрерывно ощущало на себе социально-экономический и

политический пресс, обуславливающий разрушение его ценностей. Например, в Забайкальском и Амурском казачествах, где размер земельного пая казака мало отличался от крестьянского пая, стала утверждаться идея отказа от сохранения казацкого сословия. Для этого забайкальские казаки еще в 1901 г. подавали петицию правительству о возвращении их в «крестьянское положение» [1; 2]. По сути, такая позиция казаков предопределялась экономическими соображениями. Решения государственной власти как-то увеличить земляной пай у казака, не могли фактически «уравнять» его фактические потери, которые обуславливались необходимостью служить двадцать лет, да еще для службы приобретать оружие и экипировку. При этом следует учесть, что во всех странах, где к концу XIX в. сформировался капиталистический способ производства, исключались какие-либо юридические привилегии для определенных социальных общностей, а также уничтожались внеэкономические ограничения.

Октябрьская социалистическая революция и последующие преобразования в содержании и структуре государственной власти, в изменении статуса рабочих, крестьян, казаков оказали огромное влияние на ценности казачества. К сожалению, к настоящему времени не проведено научных исследований, в которых бы были систематизированы данные, позволяющие осуществить социально-философский анализ эволюции ценностей казачества в первой половине XX в., однако процесс их переосмысления был всесторонне раскрыт в отечественной литературе в романах «Тихий Дон», «Поднятая целина», ряде повестей и рассказов М.А. Шолохова, а также романе «Даурия» К.Ф. Седых.

Стремясь осмыслить перипетии своей жизни, постичь суть собственного предназначения, главный герой романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» Григорий Мелехов постоянно ищет ответы на аксиологические вопросы: «Во имя чего он и его товарищи живут?», «Чем они жертвуют, какими ценностями поступают и во имя чего?». Эволюцией героя романа автор демонстрирует элементы динамики духовных и социальных ценностей казаков накануне Первой мировой войны, во время её, во время революции и Гражданской войны. Он осмысливает диалектику аксиологической основы бытия казаков – «вера-идея» и дополняет данную основу идеалом социальной справедливости. Одновременно с этим М.А. Шолохов сопоставляет ценности казачества и замысел государственного переустройства, осуществленного советской властью.

Автор «Тихого Дона» показывает, что уже перед Первой мировой войной в главном герое его романа Г. Мелихове и во многих казаках нарастает недоверие к тому, что являлось традиционными жизненными ценностями казачества. Так, по их мнению, не стоит высоко ценить верность государственной власти и лично императору, служить им преданно, ибо власть несправедлива, разделяя людей «на «черную» и «белую» кость». Подвергается Г. Мелиховым переоценке и патриархальный уклад казачьей жизни, следование которому разрушает его любовь. Бесплезная гибель на фронте многих его однополчан, жестокость действий царской власти, для которой жизнь простого человека не признается в качестве значимой ценности, вызывает стойкий протест у многих казаков, включая Г. Мелехова, что приводит их в ряды революционного казачества.

Однако и в революции главный герой «Тихого Дона» разочаровался, ибо в жестокости советская власть не уступает своим противникам. В итоге

М.А. Шолохов показывает, как Г. Мелехов и другие казаки оказались поставлены перед необходимостью переосмысливать ценности казачества [19] в условиях воплощения революционной идеи в жизнь.

Что касается процесса изменения экономических ценностей казачества, которые были предопределены формированием в СССР новой общественно-экономической формации, утверждением коллективистских форм хозяйствования на селе, достижениями в области техники и технологий, то их М.А. Шолохов осмыслил в романе «Поднятая целина», раскрыв глубинные изменения уклада жизни казаков, носившие ценностный характер. Используя размышления своих героев, автор образно отражает отношение казаков к ценностям коллективного труда и выявляет основы их принятия. Он отмечает: «Казаки народ закоснелый, их придется ломать... Однако идеи коллективного труда им совсем не чужды... Казаки еще помнили давние времена ватажного прошлого, времена коллективного труда, которые вспоминались с ностальгией, казались золотым веком казачества, соответствовали христианскому догмату “все люди – братья”» [18, с. 73].

В произведении «Они сражались за Родину» М.А. Шолохов раскрывает ценность служения Отечеству, которая была неотъемлемой частью образа жизни казачества, но уже на основе новой логики духовной ценности «идея–вера», сформированной к началу Великой Отечественной войны в сознании большинства казаков [17]. Такая логика определяла во-первых, приоритетность идей, на которых было построено советское государство, по отношению к вере, а во-вторых, отражала трансформацию традиционных ценностей казачества в период становления советской власти в парадигме закона отрицания отрицаний. Предопределенность такой трансформации наглядно показана К.Ф. Седых в романе «Даурия», повествующем о жизни забайкальского казачества. В этом произведении автор на основе прекрасного знания жизненного уклада забайкальских казаков раскрыл, базируясь на описании противостояния двух друзей, процесс утверждения социалистических ценностей в жизни казачества [15].

Переход к ценностной логике «идея–вера» является, по нашему мнению, завершением этапа эволюции бытия казаков при Советской власти, результатом которого стал образ жизни «социалистического казачества». В этом образе аккумулировались новые черты казаков, принявших идею создания социально справедливого общества, ценность которого побуждала их отстаивать ее даже ценой собственной жизни в годы Великой Отечественной войны и последующих локальных конфликтов, в которых в тех или иных формах принимал участие СССР.

Однако для осуществления полноценного социально-философского анализа эволюции ценностей казачества недостаточно использовать только материал художественных произведений, даже если он достаточно достоверно отражает происходящие изменения. Целесообразно использовать исторические факты и оценочные суждения как советских, так и зарубежных исследователей казачества, а также решения российской и советской государственной власти. При том необходимо иметь в виду, что декреты советской власти и партийные документы, являясь источниками осмысления эволюции ценностей казачества, содержательно отличались от реальной практики их применения в территориях традиционного компактного проживания казаков.

Анализируя изменения отношения казачества к такой ценности, как власть, мы обнаружили следующие тенденции.

1. Традиционно власть для казаков представляла собой общественное самоуправление, которого ни в каких других социальных общностях нашей страны не существовало. Это позволяет сделать вывод о доминанте свободы как ценности казачества по отношению к зависимости от власти.

2. К началу XX в. влияние общественного казачьего самоуправления существенно ослабло. Начало этого процесса относится к эпохе Петра I, о чем мы писали выше. В период правления следующих императоров продолжилась централизация управления казачеством, что привело к ограничению полномочий казачьего самоуправления, а значит, и ограничению казачьих свобод с постепенным укоренением в сознании казаков зависимости от власти как доминирующей ценности. Коренной поворот в изменении ситуации произошел в 1917 г., когда отречение императора от престола разрушило централизованное управление казачьими войсками. В связи с этим, в силу воспитанной за период императорской России в казачестве ценностной ориентации на зависимость от государственной власти, большинство казачества оказалось в неопределённом состоянии. Оно ожидало решений новой государственной власти о своём статусе.

3. Политика Временного правительства по отношению к казачеству была неоднозначной. С одной стороны, оно взяло курс на растворение казачества в пришло на Дон и в другие территории компактного проживания казаков крестьянском населении, а с другой стороны – создало специальный орган для отстаивания интересов казаков. При этом значительная часть казачества, которая в имущественном отношении относилась к казачьей бедноте и доля которой в его составе в ходе Первой мировой войны существенно выросла, оказалась на стороне социал-демократов.

4. В первые месяцы после Октябрьской социалистической революции ВЦИК и Совет народных комиссаров удовлетворили пожелания основной части казачества – отменили обязательную военную повинность казаков; приняли на счет государства обмундирование и снаряжение казаков, призванных на воинскую службу; отменили их обязательные смотры, лагеря, и военную подготовку; установили полную свободу перемещения казаков, а также создали советы казачьих депутатов как органы местного самоуправления в территориях компактного проживания казаков [6, с. 62]. Это обеспечило поддержку Советской власти или как минимум нейтралитет по отношению к ней со стороны значительной части казачества.

5. После Октябрьской социалистической революции был принят декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», на основании которого по всей стране началась ликвидация сословных структур и других атавизмов феодального общества и раннего капитализма в России [5, с. 72]. Тем самым было положено начало формированию власти трудового сообщества в Советской России, в которой власть отдельной социальной общности – казачества – «преломлялась» во власть такого класса, как крестьянство. Указанный выше декрет положил основу расказачиванию, проявившемуся в лишении казаков определенных привилегий, в том числе и властных, а также во включении казачества в состав крестьянства как одного из социальных классов в России.

Расказачивание привело к неприятию нового политического режима частью казачества и выступлениям против Советской власти.

Результаты такой эволюции ценности власти проявляли себя до тех пор, пока существовал Советский Союз. Сопоставляя ценность власти для казаков с ее ценностью для других социальных групп советского общества, обладавших примерно таким же статусным положением в нем, мы не обнаруживаем сколько-нибудь существенных различий в их отношении к власти.

Ликвидация монархии в России актуализировала значимость для казачества ценности безопасности, эволюционное изменение которой начиналось с понимания безопасности как возможности. Первоначально казачество придерживалось поведения, которое способствовало обособлению казачьих областей в качестве защитной меры от реальных и потенциальных внешних угроз своему бытию. Особой формой его защиты были отряды самообороны, которые создавались в станицах для обороны от любой внешней угрозы – «красной» или «белой» [10, с. 230]. Своеобразной формой обеспечения безопасности можно считать и такую, как дезертирство, которая чаще всего приобретало форму уклонения от мобилизации как в Красную, так и в Белую армии. И в зависимости от того, какая власть становилась слабее, усиливался поток беглецов-казаков из её рядов. Парадокс состоял в том, что в системе ценностей дезертирство для казачества традиционно было отрицательной ценностью, однако в период Гражданской войны оно стало активно проявляться и поддерживаться населением [16, с. 304].

Вовлечение казаков в противостояние как на стороне Советской власти, так и на стороне Белого движения привело к эволюции ценности безопасности от ее понимания как возможности к ее пониманию как террора казаков друг против друга. Со всех сторон, участвовавших в Гражданской войне, наблюдались и захват заложников, и ничем не оправданные зверства [3, с. 35]. Вместе с тем как только в казачьих станицах утвердилась Советская власть, а казаки были включены в созидательные процессы, их безопасность стала соотноситься с безопасностью страны [5, с. 362].

Власть и безопасность непосредственно связаны с такой ценностью казачества, как свобода, которая также эволюционировала. Первоначально свобода казачества представляла собой его возможность быть независимым от других сословий. Исторически сформировавшееся у казаков проявление свободы, т.н. казачьей воли, реализовывалось в самоуправлении. После того, как в 1917 г. было сформировано Временное правительство, у казачьих лидеров родилась мысль о достижении некоего суверенитета казачьих войск. При этом вопрос о выходе из состава России территорий компактного проживания казаков не ставился.

Ориентация на суверенитет предопределила новое понимание ценности свободы – как автономии по отношению к государственной власти. Однако, широкие казачьи массы понимали такую автономию по отношению к государственной власти несколько иначе, чем руководство казачьих войск. С точки зрения первых автономия – это гарантия того, что государством будут сохранены казачья самобытность и их исторические права [14]. Но этих взглядов не придерживались ни белые, ни красные. Более того, Первый Всероссийский съезд трудовых казаков, состоявшийся в начале 1920 г., определил: «...казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а состав-

ляет неотъемлемую часть русского народа, поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казацкие верхи, тесно спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи» [7, с. 101].

В связи с таким положением дел ценность свободы по-разному стала восприниматься разными социальными слоями внутри казачества. Советская власть непрерывно проводила в жизнь идею о свободе как осознанном участии казаков в создании нового общества, ориентированного на утверждение в жизни народов страны принципа социальной справедливости. Сопровождавшиеся множеством противоречий индустриализация и коллективизация создали социально-экономические предпосылки для утверждения в казачестве нового содержания ценности свобода.

Эволюция такой ценности казачества, как справедливость, происходила следующим образом. Традиционно она представлялась как адекватность воздаяния казаку за содеянное добро или зло. Такое понимание справедливости по отношению к казакам выработалась в процессе становления казачества как специфической социальной общности, которая предусматривала обсуждение на кругу всех дел станицы и деяний казаков. Принятое кругом решение признавалось справедливым, а тот, кого наказывали на станичном кругу за проступки, мог восстановить свои права, проявив себя с пользой для общества [4].

С включением казачества в государственную службу и постепенным установлением государственного контроля за деятельностью казаков форма справедливости как ценности изменилась. После того, как к концу XVII в. царская власть в России добилась принятия ей присяги всеми казачьими войсками, казаки из добровольных союзников царя оказались российскими подданными. Они потеряли свою «демократию» и взамен ее получили царскую справедливость, которая представляла собой вознаграждение за исполнение казачьих взяток на себя обязанностей перед российским государством адекватно количеству и качеству исполнения таковых [11]. Последнее способствовало углублению процесса прежде всего имущественного расслоения казачества.

Наконец, победившая советская власть была ориентирована на установление в стране социальной справедливости, критериями которой выступали отношение к требованиям государственной власти и позиция в Гражданской войне. Справедливым было отношение только к тем казакам, которые не воевали против Красной армии и позитивно относились к решениям советской власти. Во многом наличие таких казаков способствовало возрождению ценности ратного труда казачества и появлению в Красной армии казачьих частей и соединений. В ходе Великой Отечественной войны боевой опыт казаков-гвардейцев широко прославлялся, 262 кавалеристам было присвоено звание Героя Советского Союза, 7 кавалерийских корпусов и 17 кавалерийских дивизий получили гвардейские звания [8].

Исследуемая нами эволюция ценностей казачества, начавшаяся во время становления советской власти в России и имевшая место вплоть до распада СССР, предопределялась изменениями в духовной культуре казачества, построенной вокруг понятий «вера» и «идея». Отправной точкой такой эволюции является патриархальное мировоззрение казаков, закреплённое в нормах уклада их жизни, основой которых стала православная вера. Вера детерминировала

различные, порою противоречивые идеи, ставшие аксиологическими основаниями жизнедеятельности казаков, о которых в контексте эволюции ценностей казачества в рассматриваемый период мы упоминали выше.

Установление советской власти на первый план выдвинуло идею построения в нашей стране социализма как первой стадии коммунизма, что не согласовывалось, особенно в части политической практики, с идеологией православной веры. Следует отметить, что за утверждение в общественном сознании казачества и мировоззрения казаков на первом месте веры или идеи велась очень жесткая пропаганда и агитация как со стороны советской власти, так и со стороны Белого движения и его иностранных союзников. При этом, как показывает проведенный нами социально-философский анализ, выступая против Советской власти, казаки не отрицали идею коммунизма, которую провозглашала и отстаивала эта власть, «признавая за коммунизмом будущее» [13, с. 85].

Существенный вклад в смену духовной парадигмы внесло образование. Оно было полностью выделено из сферы полномочий станичной общины и насыщено советской идеологической составляющей, формируя социалистическое мировоззрение у казаков. Вместе с тем в казачьей среде некоторое время сохранялись обычаи, регулирующие поддержку вдов и сирот, медицинскую помощь. Так, повсеместно в казачьих хуторах и станицах, кое-где вплоть до начала 50-х гг. XX в., значимую роль играли знахарки и повивальные бабки, к которым казаки и казачки обращались в случае болезней или при родах [9, с. 23–24].

В целом же к началу Великой Отечественной войны казаки в подавляющем большинстве приняли идею социальной справедливости как основной в структуре идеологии «идея – вера». Идея построения в стране социализма, а затем и коммунизма определяла бытие и сознание казаков, занимавшихся как сельским хозяйством, так и служивших в Красной армии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Социальные, экономические и политические преобразования, происходившие в Российской империи и СССР, детерминировали процесс изменения ценностей казачества и самой его сущности, которая трансформировалась от «вольного казака» к «служилому казаку» (воину на службе государства), а затем «казаку – созидателю нового социалистического общества». С революционных событий 1917 г. наметилась и позднее реализовалась тенденция утраты казачеством статуса сословия. В последующем казаки стали отождествляться с крестьянством как советским классом.

В динамике изменения ценностей казачества можно выделить:

- преемственность, обуславливающую формирование единых для данной социальной общности установок их бытия;
- закономерное изменение приоритетов веры и идеи в единой системе духовных ценностей;
- возрастающее включение в их содержание общегосударственных интересов.

Выявленные закономерности проявлялись в отношениях казаков с другими социальными группами и общностями нашей страны, а также в решении задач ее развития и обеспечении безопасности.

Список литературы

1. Бахарев Ю. Миф о «рассказывании». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2013/01/29/150>
2. Волгин К. Рассказывание. [Электронный ресурс]. URL: <http://rabkor.ru/columns/day-in-history/2015/01/24/deccossackization/>
3. Голуб П.А. Правда и ложь о «рассказывании» казаков. М.: Центральный консультативный совет при ЦК КПРФ, 2009. 144 с.
4. Громов В.П. Казачество в истории России: формирование, расцвет, культурно-этнические процессы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yuga.ru/kazaki/history/index.shtml?id=4255>.
5. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 10 (24) ноября 1917 года // Декреты Советской власти. М.: Гос. изд-во полит.литературы, 1957. Т. I. 656 с.
6. Ермолин А.П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1982. 223 с.
7. История казачества азиатской России. Екатеринбург: Уро РАН, 1995. Т. 3. 248 с.
8. Казаки Красной армии в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=6318>
9. Лазарев С.Е. Советская власть и казачество: трансформации взаимоотношений (конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Гражданин и право. 2016. № 11. С. 19–27.
10. Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. (ноябрь 1917 – январь 1919 гг.): документы. Париж: Имка-пресс, 1982. 603 с.
11. Савельев Е. Древняя история казачества. М.: Издательство Вече, 2007. 448 с.
12. Савельев Е. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование в трёх частях. Новочеркасск, 1915. Ч. III. Дон служит русским царям. 540 с.
13. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург: изд-во ОГУ, 1999. 286 с.
14. Сафонов Д.А. Казачество в революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. // Мир истории. 2001. №6. С. 46–58.
15. Седых К.Ф. Даурия. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1959. 864 с.
16. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
17. Шолохов М.А. Они сражались за Родину. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1979. 256 с.
18. Шолохов М.А. Поднятая целина. М.: Советский писатель, 1955. 356 с.
19. Шолохов М.А. Тихий Дон. М.: Азбука, 2014. 1600 с.

EVOLUTION OF THE TRADITIONAL VALUES OF COSSACKS IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE USSR

A.P. Komarov

Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow

The article examines the process of transforming the traditional values of the Cossacks in the period from the beginning of the 18-th century to the end of the 20th century. Beginning in the reign of Peter I, this transformation led to a change in the essence of the Cossacks, which evolved from the «free Cossack» to the «service Cossack», and with the establishment of Soviet power – to «the Cossack – the creator of a new socialist society». The author explored in detail the evolution of such traditional Cossacks values as power, security, freedom, justice, as well as changing the priorities of faith and ideas in a single system of spiritual values of the Cossacks that occurred in the Soviet era. The social and philosophical analysis of this problem made it possible to fix the increase in the influence of state interests on the values of the Cossacks in the period indicated above.

Keywords: *Cossack, Cossacks, value, social and philosophical analysis, estate, state, traditional values of the Cossacks, the essence of the Cossacks.*

Об авторе:

КОМАРОВ Алексей Павлович – ведущий советник отдела внутреннего финансового контроля и аудита Департамента контрольно-ревизионной деятельности и профилактики правонарушений Министерства образования и науки Российской Федерации. E-mail: komarov_alexey11@mail.ru

Author information:

KOMAROV Alexey Pavlovich – Leading advisor of the internal financial control and audit department of the Department of Control and Audit Activities and Prevention of Law Violations of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow. E-mail: komarov_alexey11@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ТРАДИЦИЙ И КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е.О. Ковалева, Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Осуществлен анализ восприятия русской мыслью базисных мировоззренческих установок философии европейского Просвещения, немецкой классической философии, романтизма, позитивизма, марксизма и ницшеанского учения в целях осмысления соотношения социокультурных традиций Европы и России в контексте динамики смены поколений и ориентиров исторического развития. Выявлено, что русская философия конца XIX – начала XX в. восприняла различные аспекты из западноевропейского мыслительного наследия, главными из которых стали идея постепенного вызревания и отмирания социокультурных традиций (позитивизм), ницшеанская «переоценка всех ценностей», платформа радикальных революционных перемен (марксисты) и видение культурного творчества на базе сохранения верности национальной традиции и ценностным абсолютам (религиозные философы).

Ключевые слова: *культура, западноевропейская философия, русская философия, традиция, преемственность традиций, конфликт поколений.*

Идейное наследие западноевропейской философии дало мощный посыл для русской философской мысли, в частности, для рецепции вопроса о преемственности или отвержения социокультурных традиций в свете конфликта поколений. Осуществлять диалог западноевропейской и русской мысли конца XVIII – начала XX века оказалось делом сложным и противоречивым. Богатая и творческая философская жизнь Запада, по мнению В.В. Зеньковского, сыграла для России двойственную роль: позитивную и негативную. «Нужны были огромные усилия для того, чтобы совместить в себе необходимое *ученичество* (курсив Зеньковского. – *Авт.*) и свободное собственное творчество», – отмечает он в своем введении к «Истории русской философии» [4, с. 18]. Позитивная роль заключалась в том, что русские мыслители как бы «сокращали» для себя путь вхождения в сложную философскую проблематику, быстро осваивая уже готовые традиции западноевропейской рефлексии. Негативная роль выражалась в опасности слепого заимствования. «Целые поколения попадали в плен Западу, в страстное и горячее следование его созданиям и исканиям; Россия вообще отвечала живым эхо на то, что совершалось на Западе», – пишет Зеньковский. И резюмирует, что именно в XIX в. раскрылось философское дарование у русских людей [4, с. 19].

С учетом достаточно справедливых рассуждений Зеньковского о трудностях вызревания самостоятельного видения проблемы преемственности социокультурных традиций и конфликта поколений в русской философии конца XIX – начала

XX в. начнем поиск идейно-теоретических корней отечественной рефлексии в данном вопросе. Сам вопрос укоренён в философской рефлексии эпохи Просвещения. Именно в этот период происходят важнейшие изменения в европейской культуре, когда нарастает интерес к духовной жизни человека, к его неповторимой субъективности. Только просвещенный разум способен противостоять устаревшим традициям, основа которых – невежество, предрассудки и суеверия.

И.Г. Гердер первым заговорил о силе «духа гуманности» и необходимости его хранить и распространять [3, с. 111]. Понимая культуру как результат и процесс человеческой деятельности (создавая культуру, человек одновременно создает и самого себя), Гердер отмечает динамичность и многосложность культурного и социального развития, увеличение «масштаба исторического действия» и расширение поля приложения человеческих сил. От взора философа не ускользает противоречие такого развития. С одной стороны, «культура движется вперед, но совершеннее от этого не становится», человек приобретает новые знания и способности, но при этом природа его остается неизменной, а значит, ни нравственное, ни мудрее, чем его предки, он не становится [3, с. 426]. С другой стороны, культура достаточно устойчива, изменяясь, она сохраняет базовые традиционные элементы. Получается, что «новая» культура не отрицает «старой», а развивает и совершенствует все самое ценное в ней. Закон преемственности действует не только внутри национальной культуры, традиция передается от одной культуры к другой, формируя тем самым единое духовное пространство. Особую роль в становлении и развитии культуры Гердер отводит религии и языку. В его интенции религия – душа культуры, «наставница человечества, подающая людям совет, утешающая», способствующая нравственному совершенствованию [3, с. 112–114]. Язык – культурная форма, отражающая суть национальной культуры, «сосуд, в котором отливаются, сохраняются и передаются идеи и представления народа» [3, с. 297]. Язык является универсальной формой выражения человеческих ощущений, состояний души, психологических переживаний. Именно язык превращает человека в человека. Будучи основным средством воспитания, язык способствует передаче от старших к младшим социокультурного опыта, традиционных ценностей, объединяя тем самым народы и поколения. Важнейшую задачу общества Гердер видит в сохранении национального языка, поскольку его утрата может повлечь за собой гибель всей культуры.

Творчество И. Канта, принадлежащее наследию Просвещения и немецкой классической философии, питало размышление русских европеистов о роли традиций в динамике исторической смены поколений. Публичное использование разума рисуется Кантом как важнейший фактор осмысления и трансформации традиций. Кант критически оценивает утверждение просветителей о том, что человек эмпирическим путем приобретает истинное знание. Опора в практической деятельности на предыдущий опыт приводит к неспособности и нежеланию мыслить самостоятельно. Жизнь своим умом кажется человеку сложной, ведь приходится отвечать за последствия своих поступков. Сложившуюся ситуацию Кант предлагает исправлять тем же путем, что и его предшественники, – просвещением, но инструменты воспитания, на его взгляд, должны быть иные. Просветители ратуют за авторитеты, рекомендуют использовать личный пример педагога. Кант же считает, что традиции отражают самооценку культуры и их преемственность заключается не в простом следовании за предшественниками,

а в поиске принципов «в самих себе». «Но если авторитет других мы делаем основанием нашего признания истинности в области рациональных познаний, то мы принимаем эти познания лишь из-за предрассудка. Ибо рациональные истины имеют значение, независимо от имени; тут вопрос не в том, кто это сказал, а в том, что сказано», – подмечает Кант [6, с. 336].

Размышляя о процессе самовоспитания, Кант приходит к выводу, что данная способность, как признак разумности, является родовым качеством человека. Предназначение разума – влиять на «добрую волю» – практический разум, предписывающий нравственный закон, т. е. абсолютный предел, последнюю черту, переступив которую человек теряет свое достоинство. Нравственный закон должен быть основой поведения всех членов общества, определять высшую цель человека – моральное существование, освобождающее от природных чувственных влечений. Следовательно, по мысли Канта, этот закон выступает как принудительное веление («категорический императив») действовать вопреки опыту. Категорический императив предлагает индивиду способ, с помощью которого он получает возможность в процессе мыслительного эксперимента установить, соответствуют ли реальные мотивы его поведения нравственному закону. «Человек должен быть не только пригодным для всякого рода целей. Но и выработать такой образ мыслей, чтобы избирать исключительно добрые цели. Добрые цели есть такие, которые по необходимости одобряются всеми и могут быть в одно и то же время целями каждого», – пишет Кант [7, с. 409]. Полноценного развития своих природных качеств человечество может достичь в результате преемственности целого ряда поколений. «Воспитание есть искусство, применение которого должно совершенствоваться многими поколениями. Каждое поколение, обладая знаниями предыдущего, может все более и более осуществлять такое воспитание, которое пропорционально и целесообразно развивает все природные способности человека и таким путем ведет весь род человеческий к его назначению», – рассуждает Кант [7, с. 402]. Таким образом, каждое новое поколение, усваивая традиции старших, совершенствует их, сохраняет и передает потомкам.

Наследие Г.В.Ф. Гегеля, как и Канта, также питало размышление русских мыслителей о роли традиций в динамике смены поколений. Основным проводником традиций, на взгляд Гегеля, служит образование как процесс и результат «окультуривания» человека. Образование ассоциируется у него с процессом освобождения человека от ограничений, налагаемых природой, с «подъемом ко всеобщности», к «субстанции духа», позволяющим индивиду достичь до истины, стать духовным существом [1, с. 429]. Траектория такого движения индивидов – от природности и обыденности к подлинной духовности – задается обществом, в котором они проживают. Члены общества приобщаются к сфере духа через язык и традиции, транслируемые специфическими социальными институтами. Раскрывая суть и механизмы воздействия культуры на человека, Гегель разграничивает понятия «образование» и «просвещение», трактуя последнее как внешнее воздействие на человека с целью передачи суммы знаний. Образование же, согласно его трактовке, ставит перед человеком задачу не только познания объективных законов природы, но и преобразования себя, освобождения от природной заданности, переход к духовности, «бесконечно субъективной субстанциальности нравственности» [2, с. 232]. Еще одной важнейшей задачей образования (культуры), по мысли Гегеля, яв-

ляется выработка у человека привычки считаться со «всеобщим», не подчеркивать свою «частность» [2, с. 233]. Философ обращает внимание, что «окультуривание» человека проходит в два этапа: практический, в рамках которого труд делает человека в подлинном смысле человеком, и теоретический – «нахождение себя в другом», путем усвоения духовных традиций прошлого (например, античности), «возвращение к себе из инобытия».

Вслед за Кантом Гегель считает, что человек может стать культурным существом только в обществе, где социальные институты, используя в качестве инструментов идеи, знания, средства и орудия труда, трансформируют его «единичность и природность» в способность действовать всеобщим образом, не подчеркивая свою индивидуальность. В данном контексте Гегель рассматривает государство как институт, окончательно возвышающий индивида до уровня «абсолютного субъекта», освобождает человека от природной заданности, учит «жить всеобщей жизнью» [2, с. 279], наполняя человеческое существование нравственным содержанием. Другим социальным институтом, «окультуривающим» человека, осуществляющим в процессе этого связь поколений и преемственность традиции, является семья. Анализируя ее функции, Гегель отмечает, что индивид не обладает от природы тем, что ему необходимо для полноценного существования. Задачи семьи – «возвысить детей над природной непосредственностью», «превратить их в самостоятельных и свободных личностей» [2, с. 221]. Инструментом семейного воспитания, по мысли Гегеля, должна быть не игра и развлечения, а дисциплина в сочетании с атмосферой любви, доверия, укореняющих чувство нравственности в ребенке. Результатом такого воспитательного воздействия должна стать личность, душа которой проживет «в этом чувстве как основе нравственной жизни свою жизнь» [там же].

Романтики, в противоположность просветителям, акцентировали самоценность национальных традиций, значимость культурного наследия прошлого для современности. В противовес утилитаризму нарождающегося буржуазного общества они ратовали за отрыв от повседневности, уход в мир грез, идеализацию прошлого. Причиной такого посыла стало охватившее многих думающих людей разочарование в цивилизационном пути развития, в социальном, научном и технологическом прогрессе. Стало очевидным, что «разум», абсолютизируемый просветителями, не властен над социальной реальностью, что новое общественное устройство ограничивает свободу человека, влечет за собой напряженность и конфликтность, углубление духовного кризиса. Вот почему центральной темой философской и художественной систем романтиков становится личность и ее конфликт с обществом. Материальному миру противопоставляется духовная жизнь, воплощенная в искусстве, философии, религии. Подлинная духовность, базирующаяся на чувстве прекрасного, способствует взаимопониманию в обществе, предотвращает противоречия и конфликты, содействует мирной преемственности поколений. Чувство прекрасного, возникающее в результате воздействия красоты, наполняющей произведение искусства, способно сформировать духовно богатую личность, побудить ее к саморазвитию и созидательной деятельности. В связи с этим, искусство, по мнению романтиков, является главным инструментом воспитания молодого поколения.

Согласовывая природу с человеческим разумом и нравственностью, воспитательное воздействие искусства оказывается способным гармонично сочетать рассудок и воображение. Так, у Ф. Шиллера моральное и возвышен-

ное, наполняющее содержанием произведение искусства, способно вызвать чувство прекрасного. В «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1795) мыслитель убеждает читателей, что эстетическое состояние, возникающее в процессе восприятия произведения искусства, является действенным способом избавления человека от социальных пороков. Художник, в процессе своей творческой деятельности «путем нравственности уничтожает и, посредством красоты облагораживает низменный характер» воспринимающего искусство человека [17, с. 255]. Так выполняется основная, по мысли Шиллера, задача культуры – гармоничное примирение чувственной и разумной, нравственной природы человека, при обязательном сохранении каждой, так как преобладание одной из них влечет за собой автоматически гибель другой. Достичь такого соединения и мирного сосуществования двух противоположных начал внутри одной личности можно с помощью одновременного развития разума и способности чувствовать [17, с. 291]. В философской рефлексии Шиллера предпринимается попытка уравновесить в образе художника свободу творчества и морализаторство. Художник способен «уберечься от порочности своего времени, окружающей его со всех сторон», не попасть под влияние политических элит и общественного мнения и одновременно обладать даром выражать время в «чувственных и духовных формах», – уверен Шиллер [17, с. 276–277]. Искренний посыл мыслителя, к сожалению, оказался бессильным перед лицом реальности, демонстрирующей противоречие между правом художника на свободу творчества, на котором настаивали романтики, и предъявляемым к нему требованием – облагораживать человеческие нравы.

Философы-романтики трактовали сам процесс воспитания как подлинное искусство, требующее виртуозного владения и непрерывного совершенствования. И.Г. Фихте в своих «Речах к немецкой нации» (1807–1808) отмечает ведущую роль обновленной системы образования и воспитания в нравственном возрождении народа, в сохранении преемственности национальной традиции. Для воспитания молодого поколения он предлагает создать государственные учебные заведения, свободные от сословных и гендерных ограничений. Прежнее воспитание, по мысли Фихте, ограничивалось призывами к добропорядочности и нравственности, однако они «оставались бесплодными в действительной жизни» [15, с. 217]. Новая система образования должна строиться не на механическом накоплении знаний, а на развитии навыков самостоятельного мышления и ответственного разумного поведения. Позитивное влияние на молодое поколение, по мысли Фихте, оказывает умелое сочетание физического, трудового, религиозного и гражданского элементов воспитания. В итоге формируется личность «мужественного защитника отечества и убежденного и честного гражданина» [15, с. 84]. Искусство воспитания заключается в том, чтобы вызвать у воспитанника интерес к учению, в таком случае он становится активным, инициативным и прилежным соучастником данного процесса. Нельзя не признать прогрессивность предложенной Фихте концепции деятельного соучастия. Воспринимая, разделяя и дополняя предложенные старшими поколениями идеи и ценности, юноша не только формирует и развивает собственную личность, но и оказывает влияние на окружающих. Однако выглядит довольно странным предложение Фихте предохранить воспитанников от всякого соприкосновения с обществом, изолировать их, поместив в

закрытые учебные учреждения, применяя при этом в качестве воспитательной методы, описанный выше «способ духовного развития».

Предложенный Фихте принцип художественного творчества как непрерывной свободной деятельности развивает Ф. Шеллинг. Философ убежден, что и природа обладает творческим потенциалом. В процессе непрерывного самотворения участвуют и природа, и человек, как ее продукт и культура, как произведение человечества. Природу Шеллинг трактует как единство материи (реального мира) и духа (идеального мира), только духовность ее, в отличие от человеческой, носит бессознательный характер. Для мира природы характерна бессознательная, но нравственная деятельность, для мира культуры – сознательная, человек сознательно черпает нравственность у природы. Производство искусства – сочетание двух деятельностей: сознательной и бессознательной, свободы и природы [16, с. 241].

В русле Шеллинга движется мысль Ф. Шлегеля, акцентирующего внимание на уникальности и самобытности культуры каждого народа и исторического периода. В статье «Об изучении греческой поэзии» (1795–1796) он критикует творчество просветителей за манерность, назидательность и подражание античным образцам. Такое искусство лишено объективного содержания, «согласия и завершенности» [18, с. 91]. Как сторонник эстетического воспитания, способного стать основным средством формирования нового человека, Шлегель отводит категории прекрасного центральную роль в примирении противоречий современной культуры и восстановлении внутренней целостности человека. Культура должна быть «объективно прекрасной», синтезом естественного и искусственного (природы и свободы). В результате эстетической и моральной революции свобода получит перевес над природой. Так реализуется воспитательный потенциал культуры, человеческая нравственность потенциально способна подчинить себе инстинктивное природное начало.

Особую роль для русских исследователей проблемы преемственности социокультурных традиций в свете конфликта поколений сыграло учение К. Маркса. Отличаясь спецификой видения воплощения марксизма в конкретных условиях России, ортодоксальный русский марксизм в целом следовал формуле мировоззрения основоположников этого учения. Сформировавшаяся в середине XIX столетия марксистская теория имела четыре главных аспекта: экономическая теория объясняла механизм оборота капитала и формирования прибыли в капиталистической экономике; социологическая теория привязывала социальный, политический и культурный институты общества к существующему в нем основному способу производства; революционная теория предсказывала нарастание противоречий между экономическим базисом и социальной надстройкой общества, которое приведет к свержению капиталистической системы; политическая программа включала в себя задачу достижения политической свободы как существенный шаг на пути пролетариата к социализму [10, с. 71–72].

Маркс анализирует процесс изменения и развития общественного бытия, применяя разработанный им метод диалектического материализма. Историческая реальность воспринимается философом как практическая деятельность человека по изменению мира природы и самой ткани социальной жизни. Процесс и результаты творческой преобразующей деятельности человека и есть культура. По мысли Маркса, данная практическая деятельность не огра-

ничивается преобразованием окружающей природной среды, меняется и сам «творец» как общественное существо, совершенствуются отношения людей друг к другу, изменяются формы общественного бытия.

Критикуя французских просветителей, считавших личность пассивным продуктом окружающей среды, Маркс рассуждает, что воспитательное воздействие эффективно, когда воспитуемый является не пассивным объектом воздействия, а активным соучастником. Заложенные природой задатки под влиянием благоприятных общественных условий, а также воли и желания воспитанника потенциально могут развиваться в необходимые для общественной жизни способности. «Самопроизводство» человека осуществляется в процессе трудовой деятельности, которая, по мысли Маркса, определяется в большей степени социальными, а не природными потребностями людей. Он обращает внимание на очевидное противоречие: практическая деятельность превращает человека в творца, а отчуждение от результатов труда ставит его одновременно в рабское положение. Данное противоречие решается путем революционного изменения общественного строя.

В трактовке Маркса развитие истории и культуры представляется как процесс внутренне и исконно им присущий. Социальная реальность, общественные отношения, культура находятся в процессе непрерывного развития. Неизменность традиций, социальных связей и представлений чревата общественным застоєм и регрессом, следовательно, в случае, когда они тормозят социальный и культурный прогресс, необходимо категорически от них отказаться. Революция, согласно Марксу, наиболее действенный способ уничтожения старого и отжившего, неспособного создать прочный фундамент для строительства нового общества. В то же время Маркс не отрицает преемственности традиционных черт: лучшие достижения прошлого видятся основанием для дальнейшего восхождения от низшего к высшему. Каждое новое поколение, получая из прошлого традиционные элементы, не просто усваивает их, но и изменяет, внося собственный вклад, затем сохраняет и транслирует потомкам. В процессе трудовой деятельности человек становится субъектом истории, создает культуру, которая, в свою очередь, приобретает человеческую форму общественного богатства. Однако, по мысли Маркса, не всякий труд создает культуру, а только «общественный труд». Такой культурный продукт важен не столько сам по себе, сколько как средство формирования человека как социального существа. Воздействуя в процессе трудовой деятельности на внешнюю природу и изменяя ее, человек в то же время изменяет свою собственную природу [5, с. 188]. Освоение людьми природы, а затем и культурного опыта предков предполагает одновременно и творческое переосмысление, обогащение. Таким образом, «новая культура» строится не на руинах старой, а на фундаменте унаследованных традиций прошлого, путем их отбора, усвоения и творческой интерпретации.

Позитивизм, как и марксизм, оказал также немалое воздействие на трактовку понимания пути восприятия социокультурных традиций на фоне поколенческого конфликта русскими сторонниками такого мировоззренческого типа. С посыла О. Конта и Г. Спенсера, западноевропейские позитивисты рассматривают преемственность социокультурных традиций как результат эволюционного процесса. Так, И. Тэн в своих трактатах «Философия искусства» и «История английской литературы», разрабатывает метод историко-

культурного исследования, характеризующийся поэтапным анализом фактов и выявлением их взаимоотношений. Изменения элементов культуры ученый ставит в зависимость от общественного развития. Он выделяет социальные факторы, определяющие специфику культурных форм в различные исторические периоды: раса (национальный менталитет), среда (природные особенности в сочетании с духовным климатом) и историческая ситуация в стране. По мысли Тэна, в художественном произведении в неявном виде присутствуют факты, воздействующие на автора. Это – устойчивые, передающиеся от поколения к поколению элементы национальной традиции и «духовного климата», определяемого популярными идеями в данной исторической ситуации. Если их раскрыть, то перед взором исследователя предстанет душа творческой личности и характерное для нее «господствующее свойство», которое впоследствии можно будет применять и к пониманию художественных произведений других народов. Анализ произведения искусства сквозь призму влияния на него трех основных факторов – расы, среды и исторического момента – поможет выявить связь данного произведения с национальной традицией. При этом критик текста должен быть максимально объективным, хладнокровно избегая «предпочтений» и «осуждений» [14, с. 72–86].

Особое значение для русских мыслителей, интересующихся вопросами преемственности традиций, сыграли выкладки Г. Тарда. Изучая взаимодействие людей, французский исследователь приходит к выводу, что традиции во многом держатся силою подражания. Процесс подражания трактуется им как копирование и повторение существующих практик, верований, установок, которые воспроизводятся из поколения в поколение. При этом Тард справедливо отмечает, что если в обществе действовал бы только закон подражания, то трудно было бы говорить о прогрессивном развитии. Важную роль играют нововведения – «изобретения» или «открытия». Сам автор признается, что под этими двумя терминами он подразумевает «всякое нововведение или всякое дальнейшее улучшение предшествовавшего нововведения во всякого рода социальных явлениях: в языке, религии, политике, праве, промышленности, искусстве» [12, с. 2]. Не каждое нововведение усваивается культурой, копируется и передается от отцов к детям, а только то, которое вписывается в существующую культуру и явно не противоречит её традиционным основам. Борьба между разнонаправленными открытиями, предполагающими разные пути решения проблем, стоящих перед обществом, может привести к возникновению противодействия им. Это опасно усилением социальной напряженности и конфликтами между различными социальными и возрастными группами. Разрешить конфликтное противостояние позволяет готовность к актуальным нововведениям не только общества в целом, но и представителей старших поколений, придерживающихся традиционных практик. Адаптации способствует наступление «века публики», по-разному трактуемого Тардом: как духовное единство, общность мнений, интеллектуальная общность, коллективное сознание. Преобразование различных социальных групп и одновременно живущих поколений в единую «публику» необходимо для адекватной коммуникации и преодоления конфликтов. Механизмом, объединяющим публику и способствующим распространению идей, является внушение. Его могут осуществлять вожди, обладающие железной волей, орлиной остротой зрения, сильной верой, могучим воображением, неукротимой гордостью [13, с. 400].

На рубеже XIX – начала XX вв. широкую популярность в среде русских философов приобретают воззрения Ф. Ницше, его генеалогия европейской культурной традиции и идея сверхчеловека [9]. Призывая к переоценке социальных и культурных ценностей, Ницше направлял необходимую для этого разрушительную силу отрицания против буржуазно-либерального мировоззрения, против иллюзий, порожденных просветительским оптимизмом и европейскими буржуазными революциями, против христианства и его морали терпения. Такая мораль, по мнению Ницше, навязана обществу плеядой людей, «нищих духом и телом», чьей самой характерной чертой является недостаток жизнеспособности. Свои слабости эти люди возвели в добродетель. Требования братства, равенства прав и обязанностей – все это, по убеждению Ницше, в корне противоречит сущности жизни, основанной на выживании сильнейших за счет неприспособленных. Социалистические идеалы, полагал Ницше, складываются на почве ложной христианской морали и также должны быть отвергнуты. В связи с этим, нужна решительная переоценка веками складывавшихся ценностей во избежание возможной гибели человечества [8, с. 144–146].

Анализ мировоззренческих установок западной мысли, составивших основание для создания альтернативных стратегий трактовки сохранения традиций и преодоления конфликта поколений, представленных в трудах русских теоретиков данного периода, позволяет сделать следующие выводы.

Просветительские концепции роли традиций в процессе социокультурного развития, равно как и воззрения представителей немецкой классической философии, активно повлияли на русских западников-европеистов. В понимании Гердера, социокультурное развитие представляет собой результат взаимовлияния органических и культурных сил. Человек как культурная сила одновременно создает и воспроизводит самого себя, осуществляя тем самым преемственность социокультурных традиций. По мысли Гердера, «новая» культура не отрицает «старой», а развивает и совершенствует все самое ценное в ней. Закон преемственности действует не только внутри национальной культуры, традиция передается от одной культуры к другой, способствуя формированию единой мировой культуры. Носителями традиций выступают религия и язык. Важнейшую задачу общества Гердер видит в сохранении национального языка, поскольку его утрата может повлечь за собой гибель всей культуры.

Творчество Канта и Гегеля, питало размышления русских европеистов о роли традиций в динамике исторической смены поколений. Публичное использование разума рисуется Кантом как важнейший фактор осмысления и трансформации традиций. Процесс самовоспитания, по Канту, есть изначально данная способность человека, признак разумности является родовым качеством человека. Способность к самовоспитанию обнаруживается у индивида только в обществе, где в процессе совместной деятельности рождается, потребляется, хранится и воспроизводится культура. Согласно взглядам Гегеля, «окультуривание» способствует преодолению человеком природной заданности, ограничивает проявления индивидуальности, субъективности ради «всеобщности мышления». В процессе образования человек учится считаться с другими членами общества, подчиняться всеобщим правилам. Выработке такой привычки способствуют социальные институты, в первую очередь государство и семья.

Философские идеи Шеллинга, полагавшего, что каждому народу и порождаемой им культурной традиции уготовано особое место в истории, в рав-

ной мере питали западнические идеи П.Я. Чаадаева и славянофилов, повлияли на В.С. Соловьева, который попытался превзойти дилемму западничества и славянофильства. Славянофилы и почвенники освоили наследие не только Шеллинга, Шлегеля и других немецких романтиков, сообразно с которыми творчество немислимо вне обращения к традициям национальной культуры, воплощенным прежде всего в религиозных ценностях и художественном творчестве. Как справедливо отметит впоследствии Ф.А. Степун, славянофилы окажутся, по сути, продолжателями романтического идеала создания синтетического единства культуры, объединяющего в единое гармоническое целое науку, искусство и религию. Отвергнув рационалистические устремления Просвещения, оставаясь чуждыми тематике философских исканий Канта и Фихте, они обнаружили созвучие своих устремлений философии откровения позднего Шеллинга, романтическому видению роли религии как центра культуры [11, с. 325].

Отличаясь спецификой видения воплощения марксизма в конкретных условиях России, ортодоксальный русский марксизм в целом следовал формуле мировоззрения основоположников этого учения. Согласно Марксу, историческая реальность должна восприниматься как практическая деятельность человека по изменению мира природы и самой ткани социальной жизни. Процесс и результаты творческой преобразующей деятельности человека и есть культура. «Самопроизводство» человека осуществляется в процессе трудовой деятельности, которая, по мысли Маркса, определяется в большей степени социальными, а не природными потребностями людей. Он обращает внимание на очевидное противоречие: практическая деятельность превращает человека в творца, а отчуждение от результатов труда ставит его одновременно в рабское положение. Данное противоречие, на его взгляд, решается путем революционного изменения общественного строя. В то же время Маркс не отрицает преемственности традиционных черт, лучшие достижения прошлого становятся основанием для дальнейшего восхождения от низшего к высшему.

Позитивизм оказал также немалое воздействие на трактовку понимания пути восприятия социокультурных традиций на фоне поколенческого конфликта русскими поклонниками этого мировоззренческого типа. Западно-европейские позитивисты рассматривают преемственность социокультурных традиций как результат эволюционного процесса. Они ставят изменения элементов культуры в зависимость от общественного развития и считают, что сохранению и преемственности социокультурных традиций способствует множество факторов: например, глубина понимания художественного творчества с учетом осмысления расы, среды и исторического момента (Тэн); процесс подражания, копирования и повторения существующих практик, верований, установок, способных воспроизводиться из поколения в поколение (Тард).

Перспектива ницшеанской платформы переоценки всех ценностей задала линию размышлений о будущем русской культурной традиции не только светских, но и религиозных мыслителей. Программные сочинения богостроителей, произведения М. Горького, платформа русского символизма и футуризма отмечены влиянием ницшеанства. Начиная с знаменитого эссе В.С. Соловьева о идее богочеловека, русские религиозные мыслители постоянно обращаются в своих дискуссиях о будущем русской культурной традиции к ницшеанскому наследию.

Русская философия конца XIX – начала XX вв. восприняла различные аспекты из западноевропейского идейного наследия. Русские западники рассматривали проблему традиций и поколенческого конфликта по преимуществу под воздействием европейского Просвещения, а также немецкой классической философии. Славянофилы вдохновлялись шеллингианским мировидением и идеями романтизма.

Русская философия конца XIX – начала XX вв. восприняла различные аспекты из западноевропейского мыслительного наследия, главными из которых стали идея постепенного вызревания и отмирания социокультурных традиций (позитивизм), ницшеанская «переоценка всех ценностей», платформа радикальных революционных перемен (марксисты) и видение культурного творчества на базе сохранения верности национальной традиции и ценностным абсолютам (религиозные философы).

Список литературы

1. Гегель Г. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 480 с.
2. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
4. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический проект, 2001. 880 с.
5. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. 2 изд. М.: Изд-во полит. лит. Т. 23. 908 с.
6. Кант И. Лекции. Логика, 1800 // Кант И. Соч.: в 8 т. / пер. с нем. И.К. Маркова, В.А. Жучкова. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 266–398.
7. Кант И. О педагогике // Кант И. Соч.: в 8 т. / пер. с нем. С. Любомудрова. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 399–462.
8. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т.2. 237 с.
9. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты: Опыт критической характеристики. Л.: Лениздат, 1972. 296 с.
10. Пайпс Р. Струве: левый либерал. 1870–1905: пер. с англ. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2001. Т. 1. 549 с.
11. Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Соч.. М.: РОССПЭН, 2000. 424 с.
12. Тард Г. Законы подражания: пер. с фр. СПб: Изд-во Ф. Павленкова, 1892. 370 с.
13. Тард Г., Лебон Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Изд-во КСП+, 1998. С. 255–408.
14. Тэн И. Введение к Истории английской литературы // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: трактаты, статьи, эссе / сост. Г. К. Косикова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 72–86.
15. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации : пер. с нем. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
16. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф. Соч.: в 2 т.: пер. с нем. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 227–490.

17. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. : пер. с нем. М.: Худож. Лит., 1957. Т.6. С. 251–359.
18. Шлегель Ф. Об изучении греческой поэзии // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т.: пер. с нем. М.: Искусство, 1983. Т. 1. С. 91–190.

THE PROBLEM OF PERCEPTION OF TRADITIONS AND CONFLICT OF GENERATIONS IN WESTERN EUROPEAN PHILOSOPHY AND ITS RECEPTION IN RUSSIAN PHILOSOPHY

E.O. Kovaleva, E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver, Russia

The article is aimed at the analysis of the Russian philosophical perception of the European Enlightenment philosophy, German classical philosophy, Romanticism, Positivism, Marxism and Nietzschean doctrine basic approaches to the correlation between the sociocultural traditions of Europe and Russia in the context of the dynamics of generation and the historical development guidelines change. When viewed in this perspective, the Russian philosophy of the XIX – th century final– beginning of the XX-th century should be understood as inheriting different aspects of the Western European intellectual legacy with the emphasis on the leading ideas of the gradual maturity acquisition and dying of sociocultural traditions (Positivism), «revaluations of all values» (F. Nietzsche), radical revolutionary change strategy (Marxism), and the cultural creativity vision on the basis of fidelity to national tradition and absolute values (religious philosophy).

Keywords: *culture, West-European philosophy, Russian philosophy, tradition, continuity of traditions, the conflict of generations.*

Об авторах:

КОВАЛЕВА Елена Олеговна – старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: kovaleva-15@mail.ru

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Authors information:

KOVALEVA Elena Olegovna – Senior Lecturer of the Dept. of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: kovaleva-15@mail.ru

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

УДК 1. (091)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В. СОЛОВЬЁВА И Д. МЕРЕЖКОВСКОГО

С.П. Бельчевичен, В.Б. Рыбачук

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируется проблема общественного идеала в философии истории В. Соловьёва и Д. Мережковского. Опираясь на наследие античной традиции и ранней патристики, В. Соловьёв создаёт идеал Богочеловечества – новый тип общества, в котором, по его замыслу, будут преодолены все существующие противоречия. Проблема идеала в творчестве Д. Мережковского рассматривается в эволюционном ключе. Первоначально он обращается к идеям позитивизма и народничества. В начале XX в. под влиянием В. Соловьёва Д. Мережковский разрабатывает учение о Третьем Завете. В период эмиграции в центре внимания Д. Мережковского – образ Иисуса Неизвестного.

Ключевые слова: *русская религиозная философия, философия истории, общественный идеал.*

Общество как сфера деятельности отдельного индивида, социальных групп и классов самым тесным образом связано с исторической реальностью, в которой реализуются интересы и потребности социальных субъектов. Осознавая свои интересы, человек стремится создать общественный идеал, который может быть реализован им только в результате целенаправленной исторической деятельности, предполагающей разработку стратегий его достижения. Общественный идеал – это представления о вероятном позитивном будущем, которые рождаются в общественном сознании и реализуются политической элитой и национальными лидерами в рамках исторического процесса. Кризис традиционных ценностей в конце XIX в. стимулировал дискуссию в русском обществе о дальнейших ориентирах социального развития [1, с. 85–88]. Свой анализ причин кризиса, разразившегося в обществе, а также идеал общественного развития в рамках собственных историософских концепций предлагают русские религиозные мыслители, среди них В.С. Соловьёв (1853–1900) – один из лидеров русского метафизического идеализма. Его мировоззрение складывается под влиянием традиции неоплатонизма и немецких мистиков [2, р. 371–372].

При анализе данной проблемы в творчестве Соловьёва, на наш взгляд, необходимо учитывать ряд важных факторов. Во-первых, концепция Соловьёва построена на содержательной критике различных направлений в христианстве: православия, католицизма, протестантизма, а также ряда идеологий и научных концепций, отталкиваясь от которых, он и строит свою Вселенскую церковь. Во-вторых, Соловьёв поддерживает гуманистическую традицию, полагая, что человек наделен разумом и волей и способен сделать выбор в пользу Богочеловеческих ценностей. В-третьих, необходимо учитывать и экуменическое понимание истории Соловьёвым: он не отвергает достижения восточных

цивилизаций и идеи античной культуры, в которых видит провозвестия мирового христианства.

Историософская концепция Соловьёва включает в себя анализ современной ему социокультурной ситуации. Русский мыслитель констатирует бездуховность современного общества, пытается выявить причины этого негативного явления. «Я говорю, что отвергающие религию в настоящее время правы, потому что современное состояние самой религии вызывает отрицание, потому что религия в действительности является не тем, чем она должна быть» [3, т. 2, с. 5].

Полемизируя с представителями позитивизма, Соловьёв подчеркивает, что они стремятся к обнаружению научных истин, опираясь на рациональность и разум человека, но этого недостаточно, «разум есть только средство, орудие или среда познания, а не содержание его» [там же, с. 13]. Чрезмерный прагматизм и отрицание сверхприродной реальности делает позитивизм неспособным для постижения сущности мира.

Учение социализма является одним из наиболее популярных в современном обществе. Социализм критикует социальную неоднородность общества, неравномерное распределение общественного богатства. Свобода, равенство и братство, социальная справедливость – вот основные принципы социализма как идеологии, которые так и не были реализованы в общественной жизни. Критикуя современные учения, Соловьёв вырабатывает основной принцип, на котором базируется его философское учение: в рамках исторического процесса должно произойти «воссоединение с безусловным началом» человека и общества [там же, с. 15]. «Итак, социализм и позитивизм, если последовательно развивать их принципы, приводят к требованию религиозного начала в жизни и знании», – подводит итог дискуссии русский мыслитель [там же, с. 14].

Развитие общества и природы связано с детерминацией Абсолютной идеи, которая проявляет себя в природе и обществе. Поэтому схема исторического процесса, предлагаемого Соловьёвым, может быть представлена в следующем виде. Первая фаза – появление природы как объективной реальности, творимой Абсолютом. Вторая стадия – появление человека, созданного по образу Божьему и обладающего волей и разумом. Именно человек осознает религиозные ценности и вступает в диалог с Богом, в рамках исторического процесса появляются многочисленные культуры Востока и Запада, в основе которых лежат национальные и мировые религии. Третий период в истории – приход в мир Христа. Финальный аккорд мировой истории – появление духовного человечества и Вселенской церкви.

В своей программной статье «Из философии истории» Соловьёв, анализируя классификацию мировых цивилизаций, предложенную географом Л.И. Мечниковым («Цивилизация и великие исторические реки»), подчеркивает, что основания классификации исторического развития могут быть совершенно различны. Очевидно, что природный фактор влияет на экономику, быт, придает специфику восточным и западным цивилизациям, как, впрочем, и политический и геополитический факторы. Так, важнейшим признаком цивилизации является появление такого социального института, как государство. «Без государства не было бы культуры, без культуры не было бы общественной нравственности, а без нравственности общественной высокая личная добродетель,

если и явилась каким-то чудом, то не могла бы осуществиться, осталась бы только случайным бесплодным порывом», – констатирует Соловьёв [там же, с. 531]. Главная функция государства заключается, по мнению русского автора, в том, чтобы оно превратилось в инструмент христианизации общества. Первый реальный шаг в этом направлении был сделан Константином Великим, который превратил христианство в государственную религию Римской империи, собрав Первый Вселенский собор в Никее. Таким образом, главным основанием классификации мировой истории является принцип соединения и единства противоположностей – человеческого и божественного – и то, как он реализуется в мировой истории.

Исходя из этого принципа, Соловьёв выстраивает ход исторического процесса. На первом этапе Абсолютное начало порождает мир природы и скрыто за природными процессами. Божественная идея существует как некое самодостаточное, универсальное, всеобщее начало, воплощая в себе идеи красоты, гармонии, разума: «Бог как абсолютное не может быть только чем-нибудь, не может ограничиваться каким-нибудь частным определенным содержанием ... единственным возможным ответом на вопрос: что есть Бог является уже известный нам, именно, что Бог есть все, т. е. что все в положительном смысле или единство всех составляет собственное содержание, предмет или объективную сущность Бога, и что бытие, действительное бытие Божие есть утверждение или положение этого содержания, этой сущности, а в ней самого полагающего, или сущего» [там же, с. 80]. Поэтому природный мир не может быть подлинным содержанием божественного начала, такое содержание, полнота бытия может находиться только в «сверхприродной области». Природный мир всего лишь видимость, а не действительность. Опираясь на учение Платона, Соловьёв пытается объяснить, как в едином Абсолюте сочетается множество идей. Согласно его позиции, Бог как универсальная сущность сочетает все многообразие идей, которые непосредственно связаны и определяются всеобщей идеей Блага. «Так, постепенно восходя, мы доходим до самой общей и широкой идеи, которая должна внутренне покрывать собою все остальные. Это есть идея безусловного блага, или, точнее – безусловной благодати или любви» [там же, с. 56].

Новый этап истории связан с появлением человека. Именно человек, созданный по образу и подобию Божьему, способен познать окружающую действительность, вступить в непосредственный диалог с Богом. В своей природе человек сочетает разум и веру, которые позволяют ему познать окружающий его мир. Солидаризируясь с наследием Бл. Августина, Соловьёв утверждает, что с помощью веры мы постигаем Абсолютные ценности, с помощью знания и опыта обнаруживаем божественное бытие в природной реальности и обществе [там же, с. 34].

Поэтому важное значение Соловьёв уделяет философии религии или тому, как человек постигает божественное начало. Первоначально, как пишет Соловьёв, мы имеем три основных элемента: природу как наличную действительность, божественное начало как искомую цель и содержание, человеческую личность как субъект жизни и сознания, которая, воспринимая божественное начало, воссоединяет с ним и природу, превращая её из случайное в должное [там же, с. 40]. На первом этапе божественное начало скрыто за природными явлениями и преобладают политеистические религии, на втором эта-

пе религиозного развития божественное начало открывается как противоположное, как её отрицание — буддизм. Наконец, на третьей ступени божественное начало открывается в своем собственном содержании, и человек способен понять сущность и направленность Богочеловеческого процесса [там же, с. 41].

Приход в мир Христа знаменует собой новый этап всемирной истории. Именно в Сыне Человеческом соединяются две искомые противоположности: божественное и человеческое, указывая истинный путь спасения. Опираясь на религиозные идеи Филона Александрийского, Соловьёв пишет: «Итак, организм универсальный, выражающий безусловное содержание божественного начала, есть по преимуществу особенное индивидуальное существо. Это индивидуальное существо, или осуществленное выражение безусловно-сущего Бога, и есть Христос. <...> В божественном организме Христа действующее единящее начало, начало, выражающее собою единство безусловно сущего, очевидно есть Слово, или Логос» [там же, с. 108]. С этого момента человек может открыть для себя новые, трансцендентные источники культурного творчества и горизонты Богочеловеческого сообщества, которое в итоге и является конечной целью мировой истории. Для представителей религиозного модернизма важным моментом является переосмысление религиозных ценностей в свете современной социокультурной ситуации, поэтому Соловьёв, определяя дальнейшие перспективы развития человеческой истории, пишет: «Старая традиционная форма религии исходит из веры в Бога, но не проводит этой веры до конца. Современная внерелигиозная цивилизация исходит из веры в человека, но и она остаётся непоследовательной, — не проводит своей веры до конца; последовательно же проведённые и до конца осуществленные обе эти веры — вера в Бога и вера в человека — сходятся в единой полной и всецелой истине Богочеловечества» [там же, с. 27].

Творческое наследие Соловьёва нашло отражение в наследии других русских мыслителей. Среди его последователей Д.С. Мережковский. Философия Мережковского всегда была ориентирована на религиозное будущее человечества. Очевидно, что в условиях нарастающего кризиса гуманистической традиции Мережковскому было необходимо показать определенного рода ориентиры и перспективы дальнейшего развития. Идеальные построения Мережковского являются как бы логическим завершением его предшествующего литературно-философского анализа социокультурной ситуации. Он не только рассматривает происходящее, но и указывает путь, которым, по его мнению, должно воспользоваться человечество. Этим, вероятно, и объясняется настойчивая попытка Мережковского нарисовать некое идеально-метафизическое будущее, всесторонне отвечающее духовным и социальным запросам современного ему общества. Как общее мировоззрение Мережковского, так и собственно идеал культурно-религиозного обновления прошли сложный путь. В течение своей творческой жизни Мережковский пережил три крупных мировоззренческих переворота.

Первоначально Мережковского привлекли идеи позитивистской философии. В качестве идеала позитивизм выдвигает приоритет научного знания над всеми иными формами освоения окружающей действительности. Вера в науку, в универсальную методологию, учитывающую весь комплекс опытно-эмпирических данных, логическую доказательность, — вот наиболее характер-

ные черты позитивистской теории. У начинающего литературного критика, каковым являлся Мережковский к концу 90-х гг. XIX в., нет работ, посвящённых собственно позитивизму О. Конта и Г. Спенсера. Увлечение позитивизмом у Мережковского было недолгим и достаточно поверхностным. По словам самого Мережковского, позитивизм «есть утверждение мира, открытого чувственному опыту, как единственно реального, и отрицание мира сверхчувственного» [4, с. 16]. Последнее обстоятельство смущало начинающего философа: человек оказывался как бы в непроницаемой среде явлений, лишая себя абсолютных ценностей, перспектив дальнейшего развития. Мережковский чувствовал недостаточность позитивистской теории, поэтому в своих исканиях обращается к народничеству.

Определение народничеству как течению даёт Н.А. Бердяев: «Народничество есть, прежде всего, вера в русский народ, под народом же нужно понимать трудящийся простой народ, главным образом крестьянство» [5, с. 48]. Бердяев абсолютно верно отмечает тот факт, что в основе народничества лежало чувство оторванности интеллигенции от народа, ощущение вины перед ним. Вся существующая культура, все достижения в экономике, относительное благополучие господствующих классов и самой интеллигенции есть результат народного труда, оно создано за счёт народа, и потому интеллигенция должна уплатить свой «долг». Бердяев выделяет непосредственно в самом народничестве два больших течения: социалистическое и религиозное. Социалистическое, по его словам, стремилось найти в народе социальную правду, прекратить эксплуатацию крестьянства, создать новое общество, основанное на социальной справедливости. Иные идеалы были характерны для религиозного направления. Религиозное народничество (славянофилы, Достоевский, Толстой), как считал Бердяев, верили, что в народе скрыта некая религиозная правда и интеллигенция должна раскрыть ее [там же, с. 48]. Мережковский к концу 80-х гг. XIX в. полностью солидаризируется именно с этим течением в народничестве. И хотя впоследствии мировоззрение русского философа меняется, он переходит на позиции символизма, а затем и религиозного модернизма, тем не менее, идея о том, что русский народ является носителем особой религиозной ментальности, хранителем национальной мудрости еще достаточно долго будет присутствовать в философских рассуждениях Мережковского.

Идеал народничества – соединение русского народа, русской интеллигенции и русской православной церкви Мережковский воплощает в начале XX в., уже будучи религиозным мыслителем. Согласно его позиции, русский народ – носитель особого, свойственного только ему апокалипсического сознания – должен слиться с русской интеллигенцией и русской православной церковью в рамках «религиозной общности», которая, по замыслу русского философа, не только всецело принадлежит сегодняшнему дню, но и одновременно является предвестницей Третьего Грядущего Завета. Под влиянием народнических идей Н.К. Михайловского, Г.И. Успенского молодой Мережковский отправляется «познавать жизнь». Он путешествует по Волге и Каме, посещает Уфимскую и Оренбургскую губернии, знакомится с основателем религиозно-нравственного учения крестьянином Тверской губернии Василием Сютеевым, у которого незадолго до этого был сам Лев Толстой.

Вскоре идеал Мережковского меняется, в начале 90-х гг. XIX в. он становится одним из идеологов символизма в России. Он пишет программную статью «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893). Она открывает новый период в творчестве Мережковского (1893–1905), который принес ему всеевропейскую известность благодаря исследованию «Толстой и Достоевский» (1901–1902) и трилогии «Христос и Антихрист», состоящей из трех романов: «Смерть Богов: Юлиан Отступник» (1895), «Воскресшие боги: Леонардо да Винчи» (1901), «Антихрист: Петр и Алексей» (1905).

В статье он тщательно анализирует состояние дел в общественной и литературной сферах: «Мы живем в странное время, похожее на оттепель», – замечает автор. – В воздухе какое-то нездоровое расслабление и податливость. Все тает... <...> И шумят и текут мутные, вешние ручьи из самых подозрительных источников» [6, с. 171]. Философ понимает, что общество находится на переломном этапе, когда на авансцену выходят новые идеи и ценности. В недалеком прошлом в среде народничества Мережковский пытается найти истоки современной ему ситуации, выяснить её причины и закономерности. В творчестве Н.А. Некрасова он обнаруживает «откровение духа», «возвышенную и свободную религию», но народники сузили могучую, страстную любовь Некрасова... свели её к исключительному преобладанию деловой статистики и политэкономии» [там же, с. 164–165]. По утверждению Мережковского, Н.К. Михайловский – позитивист, но в своих ранних статьях о Дарвине и Спенсере он идеалист [там же, с. 170]. Следовательно, согласно автору, истоки зарождающегося нового литературного течения присутствуют в работах видных представителей народничества. Необходимо лишь переосмыслить наследие предшествующего поколения. Говоря другими словами, нужен свежий взгляд на старые ценности, и поэтому Мережковский предлагает: мистицизм, категорию символа как средство иного видения мира и расширения возможностей художественного воображения. Программа Мережковского вызвала противоречивые отклики. Так, В. Буренин, комментируя «манифестацию» русских символистов, пишет: «Что касается впечатления статейки в печати, то о нем я могу дать сведения положительные и точные; мне довелось прочитать о ней три критических отзыва г-на Михайловского, Скабичевского, Волынского; во всех трех отзывах статейка г-на Мережковского аттестуется как продукт недомыслия её автора... Признаюсь, признаюсь и я отчасти согласен с такими отзывами трех критиков о статейке г-на Мережковского» [7, с. 35]. Более объективный анализ программы русских символистов даёт американская исследовательница Б. Розенталь, указывая на то, что для символистов и их единомышленников революция духа влекла за собой появление новых ценностей, основанных на творчестве и личной свободе. Она пишет: «Оспаривая материализм и позитивизм атеистически настроенной интеллигенции, аскетизм и покорность, проповедуемые русской православной церковью, а также питая отвращение к буржуазному обществу Запада, символисты мечтали о появлении нового человека, религиозно, эмоционально, чувственно свободного, предшественника новой культуры, характеризуемой свободой, красотой и любовью» [8, р. 25]. Подобные идеи были очень близки Мережковскому. Но, как подчеркивает Розенталь, он движется к данным ценностям через переосмысление традиционного христианства [ibid, p. 25–26]. Русский символизм, по мнению

многих отечественных и западных критиков, значительно отличался от западных вариантов тем, что на искусство и на поэзию, с помощью которых русские символисты пытались выразить эмоциональное состояние человека, они смотрели как на волшебство, как на путь высшей правды и даже как на некую религию. Одним словом, он был более метафизичен, чем тот же символизм на Западе. Это обстоятельство сыграло не последнюю, а, может быть, даже решающую роль при эволюции мировоззрения Мережковского от символического к религиозному видению мира.

Путешествие в Грецию и Италию, знакомство с античной культурой оказали огромное влияние на Мережковского. Он был поражен архитектурой древней Греции и Рима, восхищен древними культами Аполлона, мудрой Афины и прекрасной Дианы (Артемиды). Но здесь мыслитель столкнулся с проблемой выбора между идеалами Ницше и В. Соловьёва. Перед Мережковским встает дилемма, что взять в качестве дальнейшего ориентира: идеал Богочеловечества или аристократический индивидуализм Сверхчеловека. Эта творческая неопределенность весьма характерна для Мережковского конца XIX в. Борьба языческого и христианского, богочеловеческого и человекобожеского в душах Юлиана, Петра и Леонардо есть всего лишь отражение той же борьбы, но уже в мировоззрении и творчестве самого Мережковского [9, с. 32–33]. И все же после долгих и мучительных размышлений эта задача была решена в пользу религиозного идеала Соловьёва. Это же утверждает и Розенталь: «В 90-е гг. XIX века Ницше был их пророком. Но около 1900 г. Мережковский и Гиппиус обращаются к христианству. Их христианство было христианством Апокалипсиса, христианством Второго Пришествия, которое было призвано реализовать религиозные идеалы в жизнь» [8, р. 29]. Это действительно справедливо, ибо переход Мережковского на позиции религиозного видения мира находит свое подтверждение как в поэзии конца века, так и в литературно-философской прозе начала XX в. Об этом пишет и сама З. Гиппиус. Трилогия «Христос и Антихрист» со всей очевидностью продемонстрировала изменения, произошедшие в мировоззрении мыслителя. «Я думаю, однако, что уже с Юлиана у Д.С. был поворот к христианству, начало углубления в него...» [10, с. 60]. Отныне для Мережковского идеалом является человек, вступающий в непосредственный диалог с Богом, согласующий свою жизнь с Абсолютной Правдой. Соединение божественного и человеческого в качестве идеала общечеловеческого развития является важной чертой зарождающегося религиозного модернизма в России. Апокалипсические настроения охватывают Мережковского чуть позднее [11, с. 62].

Так, в известной работе русского философа «Не меч, но мир», кроме оригинальной религиозной антропологии, представлен и оригинальный вариант идеала культурно-религиозного обновления. В статье Мережковский настаивает на том, что традиционное христианство утратило силу как религия. По мнению Мережковского, очевидным подтверждением этого факта является то, что христианство не в состоянии решить проблему пола, плоти, «религиозной общественности». Русский философ убежден в том, что это явление не случайное, а вполне закономерное, связанное с логикой исторического процесса: «Но следует понять и признать раз и навсегда, что общественное бессилие, нецерковность христианства происходят вовсе не от какого-либо случайного злонравия отдельных личностей или целых сословий, например, церков-

ной иерархии, не от их дурной воли или бездарности... это бессилие есть мистический рубеж, отделяющий Второй Завет от Третьего» [12, т. 13, с. 32–33]. Мережковский полагает, что современное ему христианство есть выражение правды о Втором Завете, о деяниях Сына, одновременно оно есть чаяние и предвестие о Богочеловечестве, о Третьем Грядущем Завете. Он особенно настаивает на том, что явление Вселенской Церкви свершится за пределами исторического христианства. Неоднократно уже указывалось на то обстоятельство, что на формирование взглядов Мережковского сильное воздействие оказали идеи В. Соловьёва. Своё видение горизонтов будущего Мережковский связывает с Богочеловечеством, с чаяниями о Вселенской Церкви. Однако повторение основных положений Соловьёва о грядущем Богочеловечестве вовсе не означает плагиата с его стороны, философ создает собственный вариант понимания развития общества: «Первая ипостась открывается в Космосе. Вторая – в Логосе, Третья – в совершенном соединении Логоса и Космоса – во Вселенской церкви, как царстве не только духовном, но и плотском, не только внутреннем, но и внешнем, не только небесном, но и земном» [там же, с. 33]. У Мережковского появляется ощущение того, что Истинная Церковь вот-вот войдет в мир, «врежется в исторически-реальное человечество, как в живое тело врезается меч» [там же, с. 35]. Казалось бы, Мережковский окончательно сформировался как религиозный мыслитель. Однако первая русская революция внесла определенные коррективы в идеал Мережковского.

Революция 1905–1907 гг. сыграла огромную роль в творческой жизни Мережковского. Под влиянием революционных событий меняется отношение Мережковского к самодержавию. Действительно, если в начале века русский философ говорил о святости самодержавия, проповедовал вселенское христианство, то в годы революции его идеалы кардинально меняются. Бердяев пишет об этом так: «Сначала пленялся Мережковский самодержавием не без хилистической концепции В.А. Тернавцева. В самодержавии хотел он увидеть святую плоть, святую телесность. Потом бежал он от соблазнов мистики самодержавия, как от антихристового духа, и пленился революцией» [13, т. 2, с. 135]. Отношение к монархии кардинально меняется. Мыслитель убежден, что державные структуры мешают демократическому развитию России, не дают русскому человеку самореализовываться. Отныне монархическое начало, по определению Мережковского, несет в себе антихристианскую полярность. И напротив, мы наблюдаем позитивное отношение Мережковского к революционным событиям. Философ рассматривает революцию как некое религиозное действие и видит в ней возможность религиозного обновления. Пафос всех его произведений этого времени сводится к тезису: «Революция и есть религия». Анализируя состояние дел в религиозной сфере, мыслитель предлагает создавать обновленную церковь не путем ее реформирования, а решительными революционными методами («Реформация и революция»), по всей видимости, поэтому он восторженно принимает февральские события 1917 г., увидев в них исполнение своих пророчеств. Однако не все сбылось так, как того хотел Мережковский, одна революция сменилась другой, принесла с собой гражданскую войну, разруху и голод. Чета Мережковских покидает революционную Россию [14, с. 128].

В период эмиграции, интенсивно работая, Мережковский создает цикл произведений, в которых его общественный идеал получает более полное вы-

ражение. В 20–30 гг. в работах «Тутанкамон на Крите», «Тайна Трех: Египет и Вавилон», «Тайна Запада: Атлантида, Европа» Мережковский стремится в культуре и истории восточных цивилизаций обнаружить провозвестия христианства. Тайна Востока, по мнению русского мыслителя, есть тайна Начала, тайна рождения христианской религии. Именно на Востоке, считает Мережковский, совершилось таинство перехода от Завета Отца к Завету Сына. Уже в древних языческих религиях существует прообраз Сына Человеческого, ставшего затем реальностью. Одновременно Мережковский предлагает обновленную версию Третьего Завета. Этот новый эсхатологический вариант будущего уходит своими корнями в дореволюционный пласт его творчества. Незадолго до эмиграции в романе «14 декабря» русский философ выражает оптимизм по поводу будущего России: «Не погибнет Россия, – говорит он устами одного из своих героев, – спасет Христос и еще Кто-то. Тогда не знал, Кто, – теперь уже знаю. Радость, подобная ужасу, пронзила сердце, как молния: Россию спасет Мать» [15, с. 282]. Хотя впоследствии этот оптимизм уступит место крайне апокалипсическим настроениям, но сама идея о роли Матери, женского начала останется.

Все же центральной работой мыслителя, по мнению зарубежной критики, стал его труд «Иисус Неизвестный» (1932–1933). В книге Мережковский стремится показать миру «истинный образ» Сына Человеческого. Автор нетрадиционно излагает евангельские тексты, апокрифическую литературу, размышляя над ними. Три последовавшие за «Иисусом Неизвестным» небольшие монографии-исследования «Павел и Августин» (1937), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк» (1938) были объединены общим заглавием: «Лица святых от Иисуса к нам». Все три исходили из этой же неизменной идеи о Царстве Духа и Третьем Завете, владевшей Мережковским. Мережковский полагает, что образ Спасителя был искажен в историческом христианстве. Современное общество, считает Мережковский, видит Христа не как живую и реальную плоть, а как миф, «тень и призрак». Русский философ полагает, что Евангелие читается и понимается человеком как некая условность, внешняя обрядность социальной жизни. Вот почему это самая нечитаемая из книг, самая неизвестная. «Слепо читают люди Евангелие, потому что привычно» [16, с. 7]. Истинное понимание Евангелия заключается, по Мережковскому, в том, чтобы «в тысячный раз прочесть, как в первый, выкинуть из глаза “темную воду” привычки, вдруг увидеть и удивиться, – вот что надо, чтобы прочесть Евангелие как следует» [там же, с. 7]. Философ убежден, чтобы раскрыть подлинный лик Иисуса Неизвестного, необходимо обратиться не к внешнему, а к внутреннему религиозному опыту. Человек, согласно Мережковскому, должен как бы эмоционально пережить в себе, в своем внутреннем сознании все перипетии жизни Иисуса от Его рождения, прихода в мир до смерти и Воскресения. Здесь не годится научное, традиционное знание, а нужен особый мистический опыт, когда человек не отвлеченно, а осязательно, своей страдающей плотью мог бы почувствовать страдание и боль Христа. Только тогда возможно единство Бога и человека, только тогда будет прочитано Евангелие от Иисуса Христа, разгадана тайна Конца. Мережковский рассуждает: «Пусть о Конце никто еще не думает, но чувства Конца уже в крови у всех, как медленный яд заразы. И если Евангелие есть книга о Конце, – «Я есмь первый и последний, начало и конец», – то и мы, люди Конца, к ужасу нашему или радо-

сти, может быть, ближе к Евангелию, чем думаем. Пусть никогда не прочтем его, но если бы прочли, то могли бы рассказать “Жизнь Иисуса”, как никто никогда не рассказывал» [там же, с. 76].

Кризис традиционных ценностей в России в конце XIX – начале XX вв. стимулировал создание общественного идеала развития со стороны русских религиозных мыслителей. Вл. Соловьёв, опираясь на идеи Платона, Филона Александрийского, Бл. Августина, предлагает религиозный идеал обновления в рамках своей историософской концепции. Мировую историю он рассматривает сквозь призму соединения гуманистических и христианских ценностей, божественного и человеческого. Оставаясь на позициях стадийного подхода, русский философ выделяет несколько периодов развития природы и общества. На первом этапе Абсолютное начало выступает в качестве Демиурга, создавая объективную природную реальность, на втором – появляется человек, наделённый волей и разумом, способный вступить в диалог с Богом, третий период связан с приходом в мир Сына Человеческого, который, обладая двойственной природой, соединяет собой два мира: земной и небесный – посредством Божественного Логоса. Финальный аккорд мировой истории – создание Богочеловеческого сообщества на основе всецело положительной религиозности и богочеловеческих ценностей, где, по замыслу автора, произойдет примирение всяческих противоположностей, появится духовное человечество и Вселенская церковь.

Общественный идеал в философии истории Мережковского прошел сложный эволюционный путь. Это было связано с эволюцией общего философского мировоззрения русского мыслителя. Первоначально он обращается к ценностям позитивистской философии, затем, солидаризируясь с идеологией народничества, выдвигает в качестве идеала «религиозную общественность», состоящую из русского народа, интеллигенции, русской обновлённой церкви [17, с. 87–89]. Также особо следует отметить разрабатываемую Мережковским в 90-е гг. XIX в. теорию символизма, которая характеризовалась своим особым мистицизмом и религиозностью. Под влиянием В. Соловьёва в период «между двух революций» Мережковский обращается к идеям Богочеловечества, отстаивает тезис о революции как религиозном действии, ведущем к Вселенской церкви. В период эмиграции философ пытается обнаружить провозвестия христианства в древних культурах Востока и Запада. В 30-е гг. XX в. особое место в его историософии занимает христологическая тематика. Через образ Иисуса Неизвестного автор пытается обнаружить смысл и назначение мировой истории. В фокусе внимания Мережковского – человек, его мистический опыт, соединяющий его с Христом.

Список литературы

1. Губман Б.Л. Россия и Европа в философии русской истории. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997. 111 с.
2. Walicki A. Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford University Press, 1979. 456 p.
3. Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т.1 688 с. Т.2 713 с.

4. Мережковский Д.С. Больная Россия. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. 269 с.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
6. Мережковский Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М.: Книжная палата, 1991. 352 с.
7. Буренин В. Критические очерки // Д.С. Мережковский pro et contra. Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: антология. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2001. 568 с.
8. Rosental B.G., Bonachevsky–Cnomiak M. A Revolution of the Spirit: Crisis of Value in Russia 1890–1924. New York.: Fordham Univ. Press, 1990. 349 p.
9. Лунберг Е. Мережковский и его новое христианство. СПб.: Типография Г.А. Шумахера и Б.Д. Брукера, 1914. 192 с.
10. Гиппиус-Мережковская З.Н. Дмитрий Мережковский. Париж.: YMCA-press, 1952. 301 с.
11. Казанцева И.А. Бельчевичен С.П. Православные ценности в русской прозе XX–XXI веков: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. Ч. 1. 188 с.
12. Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1914.
13. Бердяев Н.А. О русской философии: в 2 ч. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 240 с.
14. Холиков А. Мережковский Из жизни до эмиграции. 1865-1919. СПб.: Алетейя, 2010. 152 с.
15. Мережковский Д.С. 14 декабря.; Гиппиус З.Н. Д. Мережковский. М.: Моск. рабочий, 1990. 554 с.
16. Мережковский Д. Иисус Неизвестный. М.: Республика, 1996. 684 с.
17. Михайлова Е.Е. Интерпретация культуры в русском позитивизме // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2007. № 4. С. 87–92.

SOCIAL IDEAL IN V. SOLOVYOV'S AND D. MEREZHKOVSKY'S PHILOSOPHY OF HISTORY

S.P. Belchevichen, V.B. Rybachuk

Tver State University, Tver

The article examines the problem of social ideal in V. Solovyov's and D. Merezhkovsky's philosophy of history. Based on the legacy of Antiquity tradition and early Patristics, V. Solovyov creates the ideal of God-manhood - a new type of society where, according to his idea, all existing contradictions will be overcome. The problem of the social ideal in the works of D. Merezhkovsky should be regarded in an evolutionary key. Originally, he refers to the ideas of positivism and populism. At the beginning of the XX century, under the influence of V. Solovyov, Merezhkovsky developed a doctrine of the Third Cove-

nant. In the emigration period, in the center of Merezhkovsky's attention was the image of Jesus the Unknown.

Keywords: *Russian religious philosophy, philosophy of history, social ideal.*

Об авторах:

БЕЛЬЧЕВИЧЕН Сергей Петрович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: belchev64@mail.ru

РЫБАЧУК Вадим Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: vadim@forumtver.ru

Authors information:

BELCHEVICHEN, Sergey Petrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department for Philosophy and Theory of Culture, FGBOU VPO Tver State University. E-mail: belchev64@mail.ru

RYBACHUK Vadim Borisovich – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Department for Philosophy and Theory of Culture, FGBOU VPO Tver State University . E-mail: vadim@forumtver.ru

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 1 (091), 30(304.9)

К 200-летию со дня рождения Карла Маркса

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА МАРКСА¹

Ю.Д. Гранин

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Анализируется эволюция теоретических представлений Маркса о «коммунизме» до и после революций в Европе 1840-х гг. В произведениях 1843–1845 гг. Маркс критиковал современные ему коммунистические учения, квалифицируя их как «грубый коммунизм». Коммунизм, считал Маркс, не может быть «целью человеческого развития». В дальнейшем под влиянием Энгельса и потребностей политической борьбы его взгляды кардинально изменились. Коммунизм стал пониматься как наилучшая «форма общественного устройства». Такая теоретическая модель будущего была прогностически дедуцирована Марксом из его общеисторической концепции, которая несет на себе отпечаток теоретической диалектики. И всю последующую жизнь он придерживался этого понимания.

Ключевые слова: диалектика, коммунизм, отчуждение, пролетариат, философия.

Суждения о теоретическом наследии К. Маркса в наши дни чрезвычайно разноречивы. Одни, связывая трагические страницы прошлого с классическим марксизмом, оценивают его как учение, опровергнутое временем. Другие видят источник всех бед в отступлении от заветов Маркса и предлагают «вернуться назад» – к «аутентичному марксизму». Третьи указывают, что возлагать какую-либо историческую ответственность на социальную теорию неправомерно. Вне зависимости от меры истинности и предсказательной мощи теории степень ее воздействия на конкретное движение истории довольно ограничена.

История действительно подтвердила неточность многих прогнозов и выводов Маркса, известную односторонность общеисторической и главным образом политической концепции классического марксизма. Тем не менее «вычеркнуть» политическую экономию, социологию и особенно философию истории К. Маркса из современного интеллектуального процесса невозможно.

¹ Темпоральность или темпоральная протяженность объекта – такая же характеристика, как и его размеры в пространстве. Наиболее обще темпоральность можно определить как интервал времени, на котором может быть установлена специфичность объекта, в нашем случае – проекта переустройства общества на коммунистических началах.

Невзирая на столетие перманентной критики, влияние философии Маркса в XX в. не только не ослабело, но и парадоксальным образом возросло. Особенно оно усилилось после того, как в 1932 г. увидели свет ранние тексты Маркса (изданные под общим названием «Экономическо-философские рукописи 1844 года») и более поздняя, написанная совместно с Ф. Энгельсом работа «Немецкая идеология». Их публикация вызвала в кругах философской и гуманитарной интеллигенции настоящую бурю, отголоски которой слышны и сегодня. Жан Поль Сартр, Клод Леви-Стросс, Эрих Фромм, Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Юрген Хабермас, Пол Фейерабенд и многие другие не единожды подчеркивали огромное влияние философии Маркса на формирование их оригинальных концепций. В настоящее время в рамках «неокантианства», «неопозитивизма», «неореализма», «феноменологии», «экологии», многих других направлений философской и социальной мысли существуют течения, идентифицирующие себя с марксизмом.

И все-таки ассоциативная цепь «Маркс – коммунизм» по праву остается доминирующей. Поэтому, говоря о Марксе, так или иначе говоришь о коммунизме. О том, что такое коммунизм и как его построить, вождь и учитель мирового пролетариата писал революционеров в столь любимых советскими идеологами «Гражданской войне во Франции» (1871 г.) и «Критике Готской программы» (1875г.). Но таким Марксом он стал далеко не сразу. **Даже** поверхностное знакомство с работами 1843–1845 гг. показывает, что был и другой Маркс, который довольно резко критиковал современные ему коммунистические учения.

Маркс, которого мы не знали

Своеобразие творческой биографии Маркса выразилось **В ТОМ**, что большую часть своей жизни он выступал не как собственно философ, а был философом «по преимуществу». Собственно философская работа пришлось на 1840-е гг., когда в основных чертах им было завершено создание своей материалистической философии истории. А в дальнейшем, вплетаясь в ткань исторических, социологических и иных специально-научных исследований, она продолжалась в латентной форме. Но, повторим, начинал Маркс как философ-профессионал. Не только потому, что был таковым по образованию. Важно не забывать, что и коммунизм в Германии начала 1840-х гг. был *философским* коммунизмом. Точнее немецким философским коммунизмом, с пиететом относившимся к отечественной философии, традиционно стремившейся к научности своих доказательств и выводов.

В статье для газеты «New Moral World», написанной Энгельсом в октябре 1843 г., содержится важное замечание, которое весьма точно характеризует если не всю группу младогегельянцев, то по крайней мере его и молодого Маркса: «Немцы – нация философская, они не пожелают, не смогут отказаться от коммунизма, раз он покоится на здоровых философских основах, в особенности, когда он является неизбежным выводом из их собственной философии. И вот задача, которую нам предстоит теперь выполнить. Наша партия должна доказать, что либо все усилия немецкой философской мысли от Канта до Гегеля остались бесполезными и даже хуже чем бесполезными, либо их завершением должен быть коммунизм; что немцы должны либо отречься от своих ве-

ликих философов, чьи имена составляют их национальную гордость, либо признать коммунизм. И это *будет* доказано» [7, с. 540].

Так и случилось. Если во введении «К критике гегелевской философии права» (1843 г.) он обосновывает историческую миссию «пролетариата», который способен осуществить «радикальную революцию» и «общечеловеческую эмансипацию», то в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» («ЭФР») он предстает радикальным гуманистом, для которого коммунизм не цель, а средство освобождения человека от власти им же порожденных, но чуждых ему структур мышления и бытия. Уже в этой работе (но более четко – в «Немецкой идеологии» (1845 г.)) реализуется материалистическое понимание человеческой истории, способом существования которой выступает «практика» («праксис») – форма объективного процесса, связующего «природный и социальный миры» в единое целое. Интерпретируя всемирную историю как процесс взаимодействия природы и общества в их обусловленности предметной (совместной и индивидуальной) деятельностью и одновременно полагая эту деятельность в качестве сознательной и свободной, Маркс анализирует осуществление прогресса человечества во всеобщем и конкретном исторических аспектах. В конкретно-историческом – как отчуждение (в государство, право, религию, семью и т. п.) родовой сущности человека. И в общеисторическом – как возврат к этой родовой сущности через «снятие» отчуждения посредством политической формы эмансипации рабочих. В этих аспектах Маркс анализирует коммунизм в качестве идеи «упразднения частной собственности», проходящей в своем развитии несколько этапов, воплощенных в «неподлинных» и «подлинной» формах коммунизма.

Современные ему идеологии коммунизма он оценивает как «незавершенный», «неадекватный собственному понятию» *грубый коммунизм*, который базируется на таких социально-психологических чувствах, как «зависть» и «жажда нивелирования» всех под лозунгом «равенства». Будучи теоретически подкрепленными коммунистической фразеологией, эти чувства получают завершение в стремлении «уничтожить *все* то, чем на началах *частной собственности* не могут обладать *все*», где «...категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей...» [5, с. 114]. И далее: «Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемой* всеобщности: *труд* – как предназначение каждого, а *капитал* – как признанная всеобщность и сила всего общества. ...Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*» [там же, с. 114–116].

Поистине пророческие слова! В чертах «грубого коммунизма» легко можно узнать обобществление средств производства и построение государственного «социализма» в России и многих других странах. Такой коммунизм, по словам Маркса, будь он демократического или деспотического характера, является незавершенным, ибо он еще не уяснил себе положительной сущности частной собственности и не постиг еще *человеческой* природы потребности.

«Вышеуказанный... еще незавершенный коммунизм ищет для себя *исторического* доказательства в отдельных противостоящих частной собственности исторических образованиях... но этим он только доказывает, что несравненно большая часть исторического движения противоречит его утверждениям и что если он когда-либо существовал, то именно это его прошлое бытие опровергает его претензию на *сущность*» [там же, с. 116–117]. Итак, перед нами еще не действительный, адекватный собственному понятию, коммунизм. Подлинным может быть *«коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому. Такой коммунизм, как завершенный натурализм, = гуманизму...»* [там же, с. 116].

Значит, главное для Маркса летом 1844 г., заключалось не в экспроприации пролетарием буржуа, а в возвращении человеку его гуманной природы при условии сохранения достижений цивилизации. Действительный коммунизм, полагал Маркс, требует не ликвидации частной собственности (ее отрицания), а отхода человека от изолированного эгоистического способа бытия; не насаждения общности имущества, а утверждения открытого, ориентированного на межличностное общение сотрудничества. *Коммунизм-обобществление в таком случае по смыслу сопряжен скорее с коммуникацией - общением, чем с коммунной-общиной.*

В последних строках «ЭФР» Маркс подытоживает свою гуманистическую позицию: «Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоеваания человека. *Коммунизм* есть необходимая форма и энергический принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» [там же, с. 127].

Маркс-философ сумел в этом совершенно туманном для середины XIX в. пассаже предвосхитить некоторые черты дальнейшего хода истории. Возмущение несправедливым, бесчеловечным устройством социума воплощается в движении за уничтожение частной собственности, называемое коммунизмом. Этот коммунизм формирует представление об идеальном обществе и пытается осуществить свой проект, но терпит неудачу. Тем не менее во многих странах подспудно происходят изменения, делающие общественную жизнь более гуманной. Снижение имущественного и избирательных цензов, предоставление права голоса женщинам расширяют демократию. Посредством акционирования, упрочения малых форм бизнеса частная собственность становится достоянием многих. А под влиянием рабочего движения государство начинает развивать сети социального обеспечения. Рабочее движение под социалистическими лозунгами оказывается проявлением, «необходимой формой» и «необходимым моментом» процесса освобождения человека, гуманизации общества. И следует отдать ему должное, оно часто было движущей силой, «энергическим принципом» этого процесса. Тем не менее коммунизм как

таковой («как таковой» у Гегеля и, стало быть, Маркса означает «в непосредственной форме»), т. е. как представление об идеальном обществе, превращенный в практические принципы его устройства, «форму человеческого общества», ложен, ибо является плодом отчужденного сознания, для которого реальностью и надчеловеческой силой обладают порождения самого человеческого ума. При попытках осуществления коммунизма как такового обнаружилось, что он не идет дальше отягощенного тоталитаризмом государственного капитализма.

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Осуществленный в «Рукописях» анализ отчуждения имеет не только гуманистический, но и общеисторический смысл. Философскими средствами Маркс попытался обосновать принципиальную возможность достижения такого этапа в жизни человечества, где была бы реализована высшая степень исторической свободы: переход к способу развития, когда не общественные отношения господствуют над людьми, а люди «господствуют над случайностью и отношениями». Отмеченная еще Гегелем парадоксальность истории заключается в постоянном воспроизводстве ситуации, в которой отдельные личности и большие массы людей, эти «творцы истории», воистину «не ведают, что творят». Подлинный исторический смысл, общественные последствия преобразующей социальную реальность деятельности ускользают из-под контроля индивидуального и массового сознания. Для философски мыслящих людей проблема состоит даже не в констатации этого очевидного факта, а в выяснении того, является ли ситуация неконтролируемости людьми изменений продуцируемых ими же негуманных форм общественного бытия атрибутивной характеристикой истории или же ее существование связано лишь с определенным *типом* общественного развития, который в самом себе содержит объективную возможность диалектического «снятия»? И что необходимо предпринять, дабы эта возможность реализовалась? В конечном счете именно эти вопросы интересовали Маркса, и он обсуждал их на протяжении всей жизни. Со временем изменяется лишь способ и, естественно, «язык» обсуждения: с высоты предельных абстракций и рассуждений о родовом единстве людей философская мысль спускается на грешную землю и ищет опору в социологических и политэкономических аргументах.

«Искушение» Маркса Энгельсом

В конце августа 1844 г. в Париже встретились Маркс и Энгельс и, по воспоминаниям последнего, обнаружили полное совпадение взглядов. Судя по всему, совпадение стало возможным потому, что Маркс не настаивал на «абстрактно-гуманистических» положениях «ЭФР», а сторонник оуэновских коммунистических идей Энгельс вряд ли прочувствовал философские оттенки в подходе Маркса к ключевой проблеме – пониманию коммунизма. Эти расхождения достаточно заметны в их работах 1843–1848 гг., но позже исчезают в совместных трудах, где первоначальный, основанный на отвлеченном философствовании реализм Маркса парадоксальным образом сплавился с замешанным на экономическом эмпиризме утопизмом Энгельса.

1. *Эмансипация пролетариата и эмансипация человечества.* Во введении «К критике гегелевской философии права» (1843 г) и «ЭФР» Маркс пишет, что пролетариат – сословие, которое являет собой разложение всех сословий и всего сословного; пролетариат – сфера общества, представляющая собой полную утрату человека. Пролетариат не сможет освободиться без

освобождения всех классов и слоев общества, которое влечет упразднение самого пролетариата и полное возрождение человека. Именно это возрождение разрешит противоречия между трудом и капиталом, которые одинаково суть человек, потерявший себя. Как и рабочие, буржуа обладают лишь видимостью человеческого существования, но они не способны на «радикальный освободительный прорыв». На него способен только пролетариат. Способность этого класса на радикальный освободительный прорыв в будущее гарантирована, по мнению Маркса, его объективным положением: это класс гражданского общества, который уже не есть класс гражданского общества, это класс, скованный радикальными цепями и универсальным страданием. Его появление возмещает фактическое разложение существующего миропорядка. И требуя *«отрицания частной собственности»*, пролетариат лишь возводит в *принцип* общества то, что общество возвело в его принцип, что воплощено уже в нем, в пролетариате, помимо его содействия, как отрицательный результат общества» [2, с. 428].

Иначе говоря, условия существования определяют характер сознания пролетариев, и это сознание не может двинуться дальше примитивного «грубого коммунизма». Но в силу своей физической нищеты пролетариат объективно открыт для понимания пагубности самоотчуждения человека, буржуа же в ситуации самоотчуждения чувствуют себя удовлетворенными, хотя объективно (в силу образования) более способны осознавать проблему. Поэтому если пролетариат – «сердце» грядущей эмансипации человечества, то «головой» ее может быть только философия, дающая представление о действительном коммунизме. «Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность» [2, с. 429].

Энгельс в «Набросках к критике политической экономии» (1843 – январь 1844 г.) пишет, что капитал и труд борются друг против друга, что корень зла – частная собственность, которую необходимо уничтожить. Он отразил эмпирические наблюдения, а философские прозрения Маркса об отчуждении вряд ли соответствовали его страстным убеждениям, основанным на собственном опыте сына фабриканта. Но вот в отношении пролетариата Энгельс был настроен явно идеалистически, что легко обнаруживается в начатой в сентябре 1844 г. совместно с Марксом работе «Святое семейство», направленной против гегельянцев. В полемическом запале Энгельс настаивает, что «рабочий создает все, до такой степени все, что он также и своими духовными творениями посрамляет всю критику». Явно под влиянием рассказов Энгельса никогда до того не бывавший в Англии Маркс, видимо, соглашается с оценкой Энгельса: «Нужно быть знакомым с тягой к науке, с жадной жаждой знания, с нравственной энергией и неутомимым стремлением к саморазвитию у французских и английских рабочих, чтобы составить себе представление о *человеческом* благородстве этого движения» [3, с. 92].

Правда, чувствуя крен в сторону идеализации рабочего класса, Маркс в ряде работ находит необходимым подчеркнуть, что социалисты не считают пролетариев богами. Энгельс же в написанной вскоре после отъезда из Парижа книге «Положение рабочего класса в Англии» недвусмысленно заявляет: рабочие – люди в самом возвышенном смысле этого слова; класс, на котором зиждется способность нации к дальнейшему развитию, тогда как буржуазия – класс деморализованный, разложившийся и не способный к какому бы то ни

было прогрессу [8, с. 237, 463, 496]. Странно, но приводимые им же в этой работе факты убийств фабрикантов английскими рабочими, поджоги и взрывы фабрик его почему-то не смущают и не колеблют его оценки «человеческого благородства» пролетариев. По мнению Энгельса, скорая революция в Англии неизбежна, в ходе нее «рабочий класс станет властелином Англии...». Так что для него неприемлем тезис о самоупразднении пролетариата в ходе всеобщей эмансипации.

Энгельс был более логичен и последователен в своем отрицании частной собственности, которая «довела человека до глубокой деградации, насадив повсеместно жесточайшую конкуренцию», и в своей убежденности в исторической миссии пролетариата. Ибо если лишенные собственности рабочие суть «люди в самом возвышенном смысле этого слова», то нужно поскорее устранить собственность, дабы все стали такими. А раз «духовные творения» их также возвышенны, то пролетарии вполне смогут постичь свою историческую сверхзадачу. Для этого английские социалисты, утверждает Энгельс, должны перестать проповедовать филантропию и всеобщую любовь: «Они (английские социалисты. – Ю.Г.), правда, понимают, почему рабочий озлоблен против буржуа, но это озлобление, которое единственно и может вести рабочих вперед, они считают бесплодным и проповедают еще более бесплодные в современной английской действительности филантропию и всеобщую любовь. Они признают только психологическое развитие, развитие абстрактного человека... Поэтому они слишком учены, слишком метафизичны и большого успеха не имеют... В теперешней своей форме социализм никогда не сможет стать общим достоянием рабочего класса; для этого ему необходимо спуститься со своих высот и на некоторое время вернуться к чартистской точке зрения» [там же, с. 460].

Не исключено, что подобные аргументы Энгельс использовал и в парижских беседах 1844 г. с Марксом. Ведь гневные филиппики по поводу «абстрактного человека в головах немцев», имея в виду Штирнера, он отсылал Марксу в ноябре 1844 г. Так что заявлять о полном совпадении взглядов он мог, только если не был знаком с содержанием «ЭФР». Похоже, Маркс устыдился своих «идеалистических заблуждений» и спрятал подальше «Рукописи». Идейный поворот не оказался для него особенно болезненным, ибо все-таки «ЭФР» были отклонением от оценки пролетариата в работе «К критике гегелевской философии права», близкой по революционному пафосу к энгельсовской.

2. *Обобществление средств производства и обобществление человечества.* Разительную эволюцию в середине 1840-х гг. претерпели и воззрения Маркса на политическую экономию. Он не занимался ею вовсе, когда в редакцию возглавляемого им «Немецко-французского ежегодника» Энгельс прислал статью «Наброски к критике политической экономии», в которой нещадно бичует лицемерие Смита и Рикардо, пишет, что политэкономия – орудие буржуазии против пролетариата, что в Англии каждый торгаш – политэконом. Конспектируя эту статью, Маркс проигнорировал выпады Энгельса по адресу политической экономии, но обратил внимание на анализ пагубности конкуренции, категории труда, капитала, денег, частной собственности. Заинтересовавшись политэкономией как возможным теоретическим инструментом,

Маркс конспектирует и комментирует работы Смита, Рикардо, Сэя. Эти записи составили значительную часть «ЭФР».

Изобличая эксплуатацию труда капиталом и бедственное положение рабочих как результат экономических отношений в обществе, Маркс не переносит негативных оценок на самое политэкономия. Он отмечает, что Смит отбросил лицемерие меркантилизма, что он скорее циничен. Однако Маркс критикует политэкономическую мысль за односторонность: человек в ней – частичный, абстрактный человек (рабочий, капиталист). Для выяснения смысла существующих отношений необходимо подняться над уровнем политэкономии и обратиться к анализу частной собственности как отношения, порожденного отчуждением труда [5, с. 54]. Маркс дистанцирует себя от политэкономических учений, которые частную собственность воспринимают как данность.

Но вот в Париж приехал более «подкованный» в этой области Энгельс, который еще осенью 1843 г. в «Успехах движения за социальное преобразование на континенте» отмечал радикальную идею Прудона: «Собственность есть кража». И Маркс, раньше не выделявший взглядов Прудона, хотя и читавший его труды, пишет, что критика Прудонем частной собственности «делает возможной действительную науку политической экономии»! Научное, политэкономическое обоснование коммунистических идей более солидно и многообещающе, и Маркс, для которого абстрактным был «экономический человек», принял идею Энгельса, для которого абстрактным был «действительный человек» в духе «ЭФР». Уже в «Немецкой идеологии» (1845–1846 гг.) есть пренебрежительные замечания о «сущности человека», которая на самом деле основывается на сумме производительных сил, капиталов и социальных форм общения. Раз реальная основа общения людей и их сущности – материальное производство, то следует лишь предпринять революционный переворот в экономическом строе: национализировать средства производства, и проблема отчуждения отпадет сама собой. Деятельностной (и авторитарной, по мнению некоторых исследователей) натуре Маркса этот революционный активизм импонировал больше, чем «простое» понимание хода истории и осознанное движение в ее потоке.

Из политэкономических штудий 1840-х гг. родилась марксова «Нищета философии» (1847 г.), в которой экономический детерминизм выступает уже вполне определенно. *Конкретный анализ форм капитала, заработной платы и денег потеснил философские рассуждения об отчуждении труда, а заодно и реального человека, заменив его частичным, «экономическим».* Абстрагируясь от полноты человеческой личности, Маркс подразделяет людей на классы по единственному критерию – экономическому – и выводит их деятельность из принадлежности к тому или иному классу. То, что частная собственность есть не маловразумительный «результат отчуждения труда», а элементарная кража, подтолкнуло его к вскрытию в ходе политэкономического анализа механизма этого преступления буржуазии против пролетариата. Что и нашло свое завершение в теории прибавочной стоимости Маркса. Энгельс уступил стезю политической экономии Марксу, который в силу своего аналитического превосходства достиг здесь больших успехов.

3. *Коммунизм как форма общества и коммунизм как движение.* В отношении понимания коммунизма Марксом и Энгельсом в 1844–1845 гг. ни о

каком действительном совпадении взглядов говорить не приходится. Уже после работы над «ЭФР» Маркс весной 1845 г. в одном из «Тезисов о Фейербахе» написал: «Точка зрения старого материализма есть гражданское общество, точка зрения нового материализма есть человеческое общество или общественное человечество». В редакции издания 1888 г. смысл передан, как представляется, более адекватно: «...человеческое общество, или обобществившееся человечество» [6, с. 4]. Здесь обобществление явно означает совершенствование общества, иначе – гуманизацию отношений в обществе, а вовсе не утверждение господства так называемой общественной собственности. Не национализацию имущества, а объединение отчужденных корыстными интересами друг от друга людей в общество согласия.

Воззрения Энгельса на сей счет ярко воплощены в статьях «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний» (октябрь 1844 г.) и «Быстрые успехи коммунизма в Германии» (ноябрь 1844 г.): «Коммунизм, общественная жизнь и деятельность на основе общности имущества не только возможен, но уже фактически осуществляется во многих общинах в Америке и в одной местности в Англии и осуществляется... с полным успехом» [9, с. 211]. Энгельс высказывает желание в ближайшие 4-5 лет основать коммунистическую колонию с учётом планов Оуэна и Фурье. Чуть раньше в «Набросках к критике политической экономии», ссылаясь на того же Фурье, он основанием «достойного человечества» общества полагает тотальное планирование.

В «Немецкой идеологии» оба взгляда на коммунизм причудливым образом совмещаются: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть *установлено* (курсив мой. – Ю.Г.), не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [4, с. 34]. Эта явным образом «промарксовская» формулировка соседствует с утверждением, что *установление* коммунизма имеет, по существу, экономический характер и необходима коммунистическая революция, предполагающая контроль и сознательное господство. *Вооружившись материалистическим взглядом на историю, Маркс стал вместе с Энгельсом сводить счеты с «созерцательным» фейербахианством, а на самом деле – с самим собой периода «Экономическо-философских рукописей 1844 года».*

Ко времени написания «Нищеты философии» (1847 г.) Маркс окончательно отошел от идей «ЭФР». «Момент человеческой эмансипации» обрел черты «цели человеческого развития» и «формы человеческого общества». Маркс делает акцент на материальных условиях освобождения пролетариата и построения нового общества. Именно теперь полное совпадение взглядов Маркса и Энгельса стало реальностью. Уничтожение частной собственности, общность имущества как условие освобождения пролетариата – центральная идея проекта «Коммунистического манифеста», который Энгельс предложил составить в своем письме к Марксу в конце 1847 г. В результате обсуждения и доработки Марксом в начале 1848 г. из «Манифеста коммунистической партии» исчезли лишь наиболее одиозные пункты «неотложных задач» в духе утопического коммунизма: сооружение дворцов для сельских коммун, организация национальных мастерских, разрушение всех нездоровых и плохо построенных жилищ, одинаковое право наследования для брачных и внебрачных

детей, соединение воспитания с фабричным трудом. Но в главном проект сохранил пафос классовой борьбы, привнесенный Энгельсом и характерный еще для «Положения рабочего класса в Англии».

Со времен «Манифеста» коммунизм как таковой во всех работах Маркса и Энгельса представлен в качестве единственно возможной формы будущего общественного устройства. В письмах и позднейших работах («Анти-Дюринг») прослеживается внешнее интеллектуальное влияние Маркса на Энгельса. Последний охотно соглашается с мыслями Маркса, негодует на редакторов, посмевших высказывать замечания по поводу его рукописей, полностью отдает приоритет созданию «научного коммунизма» одному Марксу. Но в работах первой половины 1840 гг., как показывает анализ, сказалось подспудное влияние Энгельса на Маркса. Еще большее влияние, на мой взгляд, оказало изменение темпоральности социальных процессов в Европе, обусловленное началом революций во многих европейских странах. Складывается впечатление, будто бы жажда революционной деятельности политика возобладавала над изощренным аналитизмом философа и ученого, беспристрастно исследующего эволюцию современного ему индустриально-капиталистического общества. Возможно. Но следует учесть и иные («внутринаучные») факторы, оказавшие влияние на творчество Маркса.

Речь идет о формируемой в эти годы его философии истории и общесоциологической теории исторического процесса (теории общественно-экономических формаций), в пределах которых *«коммунизм» мыслится как теоретически обоснованное будущее человечества, придающее завершенность общеисторической концепции Маркса.* Во всяком случае анализ ранних произведений, непосредственно примыкающих к «Манифесту», не оставляет сомнений в том, что теоретическая модель будущего прогностически дедуцирована Марксом из его общеисторической концепции, которая несет на себе отпечаток теоретической диалектики. Здесь поступательное движение к новому общественному состоянию через пролетарскую революцию и «положительное упразднение» частной собственности рассматривается как воплощенное антагонистическое противоречие между трудом и капиталом, частным и всеобщим интересом и т. п. В ходе борьбы эти противоположные начала взаимно уничтожают друг друга, и будущее общество предстает как реализованная альтернатива предшествующему типу развития. На одном полюсе истории – необходимость, стихийность, разделение труда, частная собственность, классы, государство, деньги и товарное производство. На другом – нечто прямо противоположное – свобода, планомерность, рациональная организация и взаимозаменяемость труда, ассоциации, исключаящие классы, политическую власть. Очевидно, что из современной Марксу и Энгельсу действительности эмпирически «вывести» такое будущее невозможно. Коммунистический проект – продукт теоретико-метафизического творчества.

Авторитет марксизма рос год от года, а вместе с ним росла и критика в его адрес. Но, невзирая на нее и на то, что в последнюю четверть XIX столетия происходил бурный рост индустриального капитализма и возможности снятия социальной напряженности нереволюционными средствами, программа социальных преобразований и проект коммунистического устройства общества остались без существенных изменений. Можно ли объяснить такую поразительную устойчивость лишь «давлением потребностей политической борьбы»

или нежеланием считаться с эмпирией – с фактами, противоречащими концептуальным сооружениям теоретика?

Вряд ли. Эмпирические аргументы, особенно когда речь идет о социальных концепциях, вещь сомнительная. И в силу многообразия фактов, и вследствие их «теоретической нагруженности», создающей возможность различных интерпретаций. Кроме того, из истории науки известно, что теории, даже когда обнаруживаются противоречащие им твердо установленные факты, не отбрасываются, пока не будет создана иная теория, в которой эти факты получают объяснение. А до тех пор они сохраняются посредством «защитного поля гипотез».

Не знаю, было ли это известно Марксу. Во всяком случае, когда капиталистическая практика засвидетельствовала рост жизненного уровня трудящихся, успехи кооперативных фабрик, эффективность парламентской борьбы немецких социал-демократов и многое другое, Маркс и Энгельс не спешили отказываться от закона «абсолютного и относительного обнищания», идеи диктатуры пролетариата и некоторых других положений, которые затем были некритически унаследованы большевизмом. В том числе, конечно, и потому, что было много фактов «за» их концепцию. Но суть не в этом.

Суть дела заключается в той особой роли, которую играет философия в развитии общественнознания, да и науки в целом. Будучи теоретической формой мировоззрения, она не только выступает ведущим фактором в системе оснований социального исследования, выполняя обосновывающую и деструктивно-конструктивную функции и в отношении доминирующего типа рациональности и в отношении общей картины социального мира, но и является связующим звеном с господствующими в данный исторический период в данном обществе ценностями. Используя категориальный аппарат современной философии и методологии научного творчества и рассматривая марксизм в интеллектуальном и социокультурном контексте XIX в., можно говорить о наличии в структуре классического марксизма *новых* (общей и специально-научной) картин социального мира, их взаимной координации. Можно даже усилить этот тезис и констатировать (как, например, М.К. Мамардашвили) формирование в нем нового – неклассического – *типа научной рациональности*, который затем, независимо от марксизма, в начале XX столетия будет выработан общественнознанием в связи с открытием физикой «парадоксальных объектов» микромира. Но, очевидно, приоритет открытия и квалифицированного обсуждения законов поведения объектов подобного – «свободно-волевого» – рода принадлежит философии Маркса.

Последняя, осваивая объективную диалектику истории, вырабатывает такую картину социума, для которой общественная и индивидуальная свобода так же имманентна, как и развитие. Просто потому, что идея освобождения человека и приближения коммунизма как социальной формы ее воплощения служила одним из ведущих ценностных регулятивов прогрессивной западно-европейской мысли. И было бы странно, если бы она, получив в марксизме философское обоснование и войдя таким образом в состав общей картины социального мира², в дальнейшем была устранена из содержания общесо-

² Любая новая идея, чтобы стать постулатом картины мира, считают специалисты, должна пройти через процедуру философского обоснования.

циологической концепции человеческой истории. Для этого Марксу надо было бы создать философию, где история человечества имела иной – внечеловеческий – смысл. Но какой толк в такой философии и в такой науке истории, выводы которых не могут изменить жизнь людей к лучшему?

Претендуя на универсальность, стремясь представить исторический процесс как единое целое, выразить его «логику», марксистская концепция, естественно, абстрагировалась от возможных «ветвлений» истории, «спрямляла» исторический процесс. Эту черту классического марксизма хорошо раскрыл Д. Лукач. Он писал о «пролетарских марксистах», которые «не понимают, что признание того или иного факта или тенденции как действительно существующих еще не означает, что они должны быть признаны как *действительность, определяющая наши действия* (Маркс научился этому у Гегеля и, освободив эту мысль от всяческой мифологии... включил ее в свою теорию)». Они, продолжает Лукач, «не понимают того, что для настоящего марксиста... всегда существует нечто более действительное и более важное, чем *отдельные факты или тенденции, а именно действительность совокупного процесса, целостность общественного развития*» [1, с. 61]). И это обстоятельство оказывается решающим: действительность *совокупного* общественного прогресса подтвердила и подтверждает основные положения «Экономическо-философских рукописей» Маркса, его прогноз постепенной гуманизации общественного развития.

Под влиянием научно-технического прогресса человечество все более избавляется от действия «естественной необходимости». Развитие робототехники, электроники, нано- и биотехнологий создает предпосылки для кардинальных изменений в характере производства. Высокая производительность способствует сокращению затрат человеческого труда в его нынешнем виде. Она открывает возможность сокращения доли многолюдного, массового производства, где отдельный работник – лишь винтик. Она дает шанс индивидуализированному производству, где уникальны и работник, и продукт его труда. Усилия индустрии, чей потенциал многократно возрос в условиях НТП, во все большей степени будут направляться системами менеджмента «человеческих отношений» и маркетинга, ориентированных не на максимизацию производства, а на его оптимизацию в интересах всех агентов экономических отношений. Становление постиндустриального общества означает сужение сферы труда как вынужденных затрат усилий по поддержанию благосостояния. Труд будет и далее трансформироваться в творчество: деятельность личности, направляемую свободным выбором и ответственностью, а не социальной регламентацией. В общем открывается перспектива перехода от технологически и институционально ориентированного общества к гуманно ориентированному.

Разумеется, развиваемые в настоящее время концепции «постиндустриального», «информационного», «постэкономического» общества не являются «истинами в последней инстанции»: действительность, как всегда, окажется богаче любых теорий. Однако формируемые сегодня характеристики социально-экономических изменений имеют возможности дальнейшего развития. Становящееся постиндустриальное (информационное) общество с присущими ему высоким уровнем потребления и интенсивно развивающимися коммуникациями открывает возможности для распространения идей свободной, ненасильственной социализации как сознательного взаимодействия индивидов

– самостоятельных собственников. Использовать эти возможности удастся, если человечество будет ориентироваться на коммунизм как концепцию «необходимого момента человеческой эмансипации», а не на доктрину «цели человеческого развития». Тогда не будет искушения во что бы то ни стало реализовать проекты идеального общества усилиями «самого передового» класса, руководимого партией мессианского типа.

Раз гуманистический выбор возможен, но отнюдь не неизбежен, усилия следует сосредоточить на продвижении идей. Причем как идеи, так и способы их продвижения должны быть сообразны эпохе. Новые решения в новых условиях примут интеллектуально свободные люди, свобода же есть в том числе и осознанная возможность, а вовсе не осознанная необходимость.

Список литературы

1. Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М.: Международные отношения, 1990. 144 с.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. Т. 1. 1955. С. 414–429.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 2. С. 3–230.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 3. С. 7–544.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1974. Т. 42. С. 41–174.
6. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 3. С. 1–4.
7. Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 1. С. 525–541.
8. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 2. С. 231–517.
9. Энгельс Ф. Быстрые успехи коммунизма в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981. 1955. Т. 2. С. 518–531.

TEMPORAL EVOLUTION OF MARX COMMUNIST PROJECT

Yu.D. Granin

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences,
12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

The article examines the evolution of Marx theoretical understanding of «communism» before and after revolutions in Europe of the 1840-ies. In his works of 1843-1845, Marx criticized contemporary communist doctrines qualifying them as «rough communism». Communism, Marx believed, can't be «the purpose of human development». Later, under Engels influence and political struggle circumstances, his views cardinally changed. Communism began to be understood as the best «form of a social system». This kind of theoretical prediction of the future was deduced by Marx from his general theory of history built under the influence of theoretical dialectics. For the rest of his life he adhered to this understanding.

Keywords: *dialectics, communism, alienation, proletariat, philosophy.*

Об авторе:

ГРАНИН Юрий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. E-mail: maily-granin@mail.ru

Author information:

GRANIN Yury Dmitriyevich – leading researcher of IFRAN, PhD, Professor. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: maily-granin@mail.ru

УДК 115 + 27 – 175

ВРЕМЯ И ИСТОРИЯ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Главная задача статьи состоит в том, чтобы показать наиболее значимые интерпретации вечности и времени, которые были созданы авторитетными христианскими мыслителями прошлого с учетом их знания античной философии относительно данного вопроса. В процессе дискуссий по этой проблеме формируется ортодоксальное видение истории с её эсхатологической перспективой. Основная идея статьи может быть сформулирована следующим образом: в разные периоды эволюции христианства на понимание отношений времени и истории оказывали влияние наиболее дискуссионные вопросы, выходящие на передний план богословских дискуссий (природа Христа, Троица, свобода человека и др.), что вело к новым интерпретациям, рождавшимся в свете прочтения вновь традиции под давлением событий настоящего. В современном западном богословии проблема существования человека в истории и его эсхатологический финал стали предметом продуктивного обсуждения на платформе вариативных подходов.

Ключевые слова: *время, история, христианская теология, философия истории.*

1. Время и вечность: постановка проблемы

Проблема времени и вечности остается актуальной для христианских теологов прежде всего потому, что история мыслится как реальность, в которой оказывается возможной встреча человека с Богом, а также осуществляется Его промысел. Христианское видение истории подразумевает, что она есть путь, сопряженный с преодолением мирского зла и страданий, имеющий сакральный смысл и связанный с возможностью Спасения. Поскольку главными действующими лицами исторической драмы являются Бог и человек, вопрос о соотношении вечности и времени обретает особую значимость: время как поток истории, устремленный к финалу, реализует некий тайный смысл, который христианские мыслители пытаются постичь посредством интерпретации исторических событий, толкования символов древних пророчеств и осмысления догматов христианства.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать некоторые интерпретации времени и вечности, выработанные авторитетными христианскими мыслителями прошлого. Они были прекрасно знакомы с сочинениями античных философов, которые высказывались по данной проблеме и использовали их работы для интерпретации истин христианства и упрочения веры. Именно по этой причине предполагается обращение к воззрениям отдельных древнегреческих мыслителей. Разработка концепции времени и вечности способствовала становлению ортодоксальной схемы исторического процесса, а также иных его интерпретаций, появление которых объясняется наличием в Священном Писании неоднозначных по смыслу, сложных для понимания фрагментов.

Во второй части статьи мы остановимся на них, а пока обратимся к проблеме времени и вечности для демонстрации её основополагающей значимости как первоосновы, на которой воздвигаются догматы и положения христианства как религиозного учения.

Всякий раз, прикасаясь к наследию Отцов Церкви, к трудам христианских теологов иных времен, видишь, что каждый из них проделывает свой личный путь в духовном постижении истин христианства. Вечность как атрибут Бога и бегущее вперед время, которое отмеряет срок существования всякому существу и явлению, – эти понятия толковались в разные периоды истории христианства по-разному, в зависимости от личного понимания Писания и задач, стоявших перед Церковью. Обозначенная тема сопряжена со многими другими, непосредственно связанными с ней, и обсуждение их показывает, сколь разнообразны были мнения по поводу одной и той же проблемы и сколь жесткой была борьба этих мнений. Например, в период с IV по VI в. важнейшей темой была природа Христа. Сторонники арианства были убеждены, что второе лицо Троицы – Христос-Логос – является по природе своей человеком, на которого сошла благодать Божья, т. е. он есть Сын Божий только по благодати, а не по существу, и ни в чем не подобен Отцу. Монофизиты считали природу Христа божественной. Однако эти точки зрения были осуждены как еретические, и возобладало ортодоксальное решение этого вопроса, согласно которому Христос обладает и человеческой, и божественной природой, и он единосущен Богу.

Размышления о природе времени и соотношении его с вечностью неизбежно приводят к постановке вопроса о возможности спасения, о соотношении свободы воли и Божественного Провидения, что тоже активно обсуждается со времен Августина. Августин Блаженный полагал, что единственным условием спасения является благодать (это – особая божественная сила, которая ниспосылается человеку свыше для преодоления его греховности и достижения спасения). Восточное христианство допускало наряду с благодатью и свободу воли, в то время как пелагианство, впоследствии осужденное как ересь, допускало возможность спасения без благодати, уповая на свободу воли и придерживаясь доктрины добрых дел. Пелагий не верил в то, что человеческая природа извращена грехом окончательно и отрицал божественное предопределение. Впоследствии христианство приняло компромиссное решение, совместив точку зрения Августина с признанием определенного участия в деле спасения свободной воли. Спустя века, в эпоху Возрождения, эта тема возникает вновь. Хочу отметить, что интерпретации Священного Писания опять приводят, как это видно из знаменитой полемики Эразма Роттердамского и Мартина Лютера, к диаметрально противоположным точкам зрения. Каждый из них, отстаивая свою позицию, опирался на текст Библии, подкрепляя суждения цитатами. Сто лет спустя, знаток Священного Писания Б.Спиноза, чьи сочинения являются собой образец строгих, логических рассуждений, высказал по данному вопросу собственное мнение и заявил об ограниченности человеческого разума постичь Божий промысел: *«Примирение нашей свободной воли с предопределением Бога превосходит человеческое понимание.* Что касается человеческой воли, которую мы называем свободной, то и она (по кор. к т.15, ч.1) сохраняется *содействием* (курсив мой. – Ф.И.) Бога, и всякий человек, хочет или поступает так, как Бог *от вечности решил* (курсив мой. – Ф.И.), чтобы

он хотел или поступал. Но как это возможно согласовать с человеческой свободой, превосходит нашу способность понимания... Но каким образом человеческая воля продолжает твориться Богом в каждое мгновение так, что она остаётся свободной, это неизвестно» [8, с. 277–278].

С точки зрения католицизма и православия носителем и передатчиком благодати является духовенство (отсюда и особая миссия церкви в деле спасения); протестанты верят в возможность получения каждым верующим благодати непосредственно от Бога. Следует иметь в виду мнение Кальвина, который говорит об абсолютном предопределении. Хочу отметить, что в современном протестантизме до сих пор не решен спор между инфралапсариями, которые считают, что решение о спасении каждого Бог принял после грехопадения, и супралапсариями. С их точки зрения? решение о спасении было принято Богом ещё до грехопадения, а само грехопадение было предопределено Богом. С пониманием вечности и времени связано представление о характере развития истории и, конечно же, о её финале (эсхатологическая тема). В разные периоды истории христианства эти вопросы поднимались вновь и вновь. Они и по сей день не утратили своей актуальности в западной теологии. Что же такое время и вечность? Каковы трактовки этих понятий?

В обыденном сознании понятие «время» устойчиво ассоциируется со стремительным водным потоком, течение которого невозможно обратить вспять. Эта метафора воплощает не только идею однонаправленной динамики времени, но и подразумевает уникальность, неповторимость каждого момента жизни. Прошлое, настоящее и будущее – это традиционные модусы времени, которые позволяют человеку осмыслить свою жизнь как особую историю, которая складывается из определенной цепи событий, встреч, расставаний, чувств, обстоятельств и стремлений. Как правило, осмысление основных вех жизни сопряжено с понятием возраста, т. е. с исчислением времени жизни человека, а с понятием возраста возникает понятие «опыт», который отправляет нас к багажу прошлого, которым мы пользуемся в настоящем. Путь человека от рождения через младенчество, детство, отрочество, юность, молодость, зрелость и старость предполагает, что именно старость выступает как воплощение максимального опыта и конечная цель. Заметьте, что на фазе молодости и зрелости мы никак не оцениваем предшествующие этапы своей жизни как собственную «древность». Применительно к оценке возраста культур шкала временного восприятия переворачивается. Например, когда мы рассуждаем об истории России, мы говорим о культуре Древней Руси, т. е. называем этап «детства» культуры древностью, хотя по логике с тех пор прошли века и возраст нашей культуры сегодня солиднее, чем возраст Древней Руси. Таким образом, наше личное прошлое не ассоциируется с прошлым как древностью, старостью, а прошлое культуры – да. Наличие данного противоречия говорит о сложности восприятия времени, что предполагает, как минимум, онтологический и психологический подходы к его интерпретации. Прошлое – это модус времени, который обязательно подразумевает оценку того, что произошло и навсегда ушло. Однако прошлое определяет настоящее. Действительно, время связывается в нашем сознании с необратимой чередой событий, следующих одно после другого.

Когда мы обращаемся к философским рассуждениям христианских мыслителей о времени в разные периоды истории, то так или иначе при освещении

щении этого вопроса возникают тени великих язычников Древней Греции – Платона и Аристотеля. Платон, с одной стороны, противопоставлял вечность и время, а с другой стороны, называл время движущимся подобием вечности: «...устроая небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы называли временем. Ведь не было ни дней, ни ночей, ни месяцев, ни годов, пока не было рождено небо... Всё это – части времени, а “было” и “будет” суть виды возникающего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку. Ведь мы говорим об этой сущности, что она “была”, “есть” и “будет”, но, если рассудить правильно, ей подобает одно только “есть”, между тем как “было” и “будет” приложимы лишь к возникновению, становящемуся во времени, ибо и то, и другое суть движения» [5, с. 439–440]. Хотя время, по Платону, циклично, потому что бежит по кругу согласно законам числа, это не помешает впоследствии Августину обратиться к платоновскому пониманию времени, но он будет уже интерпретировать его применительно к христианской картине мира и линейному видению истории.

Платон и Аристотель связывали время с понятием движения. Отсюда и знаменитое определение Аристотеля: «Когда же есть предыдущее и последующее, тогда мы говорим о времени, ибо время есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [2]. Он говорил: «Когда мы мыслим движение крайнее как отличное от среднего, а душа подсказывает, что моментов два, то есть “сначала” и “потом”, то мы говорим, что между двумя моментами есть время, поскольку время представляется тем, что определено мгновением, и это остается как основание» [7, с. 148–149]. Аристотель отметил важную особенность времени: *оно потенциально бесконечно*, потому что существует, только постоянно возрастая. Потенциальной бесконечностью обладают число (всегда найдется число, которое больше предыдущего, каким бы большим предыдущее не было), а также пространство (оно потенциально бесконечно делимо). Время связано с ощущением ускользания момента, «какие-то части которого уже стали, какие-то готовятся быть, но нет того, что есть сейчас» [7, с.149]. Аристотель предложил и собственную психологическую интерпретацию времени (её впоследствии также разовьёт Августин), ибо был уверен, что воспринимать это «сначала» и «потом» может только душа человека: «Может возникнуть сомнение: будет ли в отсутствие души существовать время или нет? Ведь если не может существовать считающее, не может быть и считаемого, а, следовательно, ясно, что [не может быть] и числа, так как число есть или сосчитанное, или считаемое. Если же ничему другому не присуща способность счета, кроме души и разума души, то без души не может существовать время, а разве [лишь] то, что есть как бы субстрат времени; например, если существует без души движение, а с движением связаны «прежде» и «после», они же и есть время, поскольку подлежат счету» [2, с. 14].

Одним из выдающихся христианских мыслителей прошлого, который был хорошо знаком с философией Древней Греции, был Плотин. Он отстаивал свою позицию по данному вопросу, предложив собственное представление о вечности как *«бесконечной жизни»*. Вечность мыслится им как самотождественность и самодостаточность Бога. Плотин попытался интерпретировать эту тему в платоновском ключе. Он рассуждает о «душе мира», которой при-

частна душа человека. Здесь можно вспомнить о сотворенном Демиургом Космосе, который имеет собственную душу, то есть предстаёт разумным и чувствующим; при этом он является самодостаточной системой, которой для поддержания жизни ничего не нужно извне.

У Плотина вечность и время отличаются: вечность первична, а время возникает в результате отпадения души от единого бытия в заботу и суету в результате грехопадения. Что касается восприятия времени, то Плотин придерживается точки зрения обратной Аристотелю, а впоследствии и Августину, полагая следующее: «Однако тут нет никакой надобности в душе – во всяком случае, ради измерения; *ибо время будет по величине таким, как оно есть, даже если никто его не измеряет* (курсив мой. – Ф.И.)» [6, с. 332].

Отцы Церкви различали мир как древнегреческий «космос» и древне-еврейский «олам», т. е. «век», «историю». Эти термины имеют прямое отношение к пониманию природного времени и исторического, что порождает дискуссии о возникновении этих времен и соотношении. Бог является подлинным творцом времени и движет его к финалу. Вечность выступает атрибутом Бога, и Августин так обращается к Богу: «Нет времени вечного, подобного Тебе: Ты пребываешь, время же пребывать не может. Время существует лишь потому, что стремится исчезнуть» [1, с. 668–669]. Августин подчеркивает особое значение творческой активности, присущей настоящему, потому что именно оно является той реальностью, в которой живет человек. Наше «сейчас» определяет и прошлое, и настоящее: «Всё прошедшее наше было некогда будущим, всё будущее зависит от прошедшего, но всё прошедшее и всё будущее творится из настоящего, вечно сущего, для которого нет ни прошлого, ни будущего; и это мы и называем вечностью. Но кто в состоянии понять эту неизменно пребывающую в настоящем вечность, которая, не зная ни прошлого, ни будущего, творит из своего «теперь» и прошедшее, и будущее?» [1, с. 668–669].

Этот фрагмент из «Исповеди» достаточно сложен для интерпретации. С одной стороны, есть божественный план, в который вписана история человечества и которому человеческая история сопричастна, и принадлежит она, так или иначе, вечности. С другой стороны, настоящее можно интерпретировать как «окно» в вечность. Аристотель тоже подчеркивал онтологическую значимость настоящего как окна в вечность, поскольку настоящее не имеет длительности, так как неделимо. Оно – всегда ускользающий **момент**.

Августин выступает против отождествления времени с движением, как это делал Аристотель: «То, что всякое движение – во времени, это я понимаю: Ты говоришь это мне. А что само это движение – время, этого я не понимаю: не Ты это говоришь» [1, с. 676]. Августин развивает психологическую трактовку времени, пытаясь дать ответ на вопрос: как же возможно измерение времени? Если у Плотина мера времени – вращение неба, то Августин обнаруживает в душе индивида способность измерять время: «В тебе, душа моя, измеряю я время» [1, с. 679]. В душе человека обитают сразу все три модуса времени, потому что душа помнит, внимает и чего-то ждет. Таким образом, все модусы времени находятся в нашем сознании.

Свой вклад в понимание времени и вечности внёс Боэций, которого по праву называют первым из схоластов. Для обоснования истин христианской веры он обратился к Аристотелю и тоже полагал, что настоящее является важ-

нейшим модусом времени, который сходен с вечностью. При этом он различает божественную вечность и время тварного мира. Он вводит следующую трактовку вечности: «Вечность есть совершенное обладание сразу всей полной бесконечной жизни» [3, с.156]. Мы видим, что Бозций вслед за Платином мыслит *вечность как бесконечную жизнь*.

Греческий богослов Дионисий Ареопагит полагал, что и вечность, и время *исходят* от Бога. Максим Исповедник, комментатор Дионисия, пояснял: «Вечностью же Его называют потому, что Им созданы века... Ведь вечность имеет название от “вечно сущего”» [4, с. 195]. Вечность выступает условием возможности появления времени: «Итак, выход Божьей благодати в чувственное, при его сотворении, мы называем временем» [4, с. 197]. Следует отметить, что **это** время отличается от мер времени, которые непосредственно связаны сдвижением. Оно не есть время, но одноименно с ним. Дионисий различает вечность божественную, «века» как тварную вечность (он обозначает её понятием «зон», которое является греческим переводом древнееврейского термина «олам») и тварное время. Таким образом, у Дионисия вечность «раздваивается»: есть вечность умопостигаемого мира и зоническая вечность, подчиняющаяся вневременному бытию и неизменяющаяся.

Трактовки времени и вечности, которые были рассмотрены, являются, на мой взгляд, самыми значимыми в истории этой проблемы. К ним обращались впоследствии христианские мыслители последующих веков, пытались предложить свои интерпретации. Одним из них был Б. Спиноза. Хочу особо остановиться на его трактовке вечности и времени потому, что он, рассуждая на эту тему, сформулировал те самые ошибочные, с его точки зрения, трактовки соотношения вечности и длительности, которые вследствие развития точных и естественных наук, окажутся актуальными для западной теологии XX столетия.

Итак, Спиноза рассуждает о вечности и времени, вводя понятие длительности (*Duratio*). Он проводит четкое различие между вечностью и длительностью, поскольку в те времена, когда он жил, вечность уже не всеми рассматривалась как атрибут Бога, но мыслилась отдельно от него как *бесконечная длительность*. Однако длительность может быть большей, меньшей или состоящей из частей (вспомним о потенциальной бесконечности пространства по Аристотелю, которое можно до бесконечности делить). Это означает, что длительность является атрибутом существования, а не сущности. Спиноза напоминает, что «вечность – *атрибут, под которым мы постигаем бесконечное существование Бога, напротив, длительность – атрибут, под которым мы постигаем существование сотворённых вещей так, как они пребывают в действительности*» [8, с. 277–278]. Поскольку длительность есть атрибут существования, то для того, «чтобы определить длительность данной вещи, мы сравниваем её с длительностью вещей, имеющих прочное и определенное движение, и *это сравнение называется временем*. Поэтому *время* не состояние вещей, но только модус мышления, то есть, как мы сказали, мысленное бытие. Оно есть модус мышления, служащий для объяснения длительности» [8, с. 279]. Время и длительность не существовали до Творения мира и появились вместе с вещами. Поскольку время интерпретируется Спинозой как мера длительности, модус мышления, то предполагается наличие того, кто измеряет, т. е. человека. Совершенно логично, что «сотворенные вещи должны предшествовать длительности, или, по крайней

мере, предполагаться одновременно с ней. Кто же вообразит, что длительность и время предшествовали сотворённым вещам, тот подвержен тому же предрасудку, какой свойственен тем, которые воображают пространство вне материи» [8, с. 303]. Спиноза предостерегал от ошибок, свойственных человеческому разуму, когда он имеет дело со столь деликатной проблемой. Сначала мыслители приписывают Богу длительность, а затем его атрибуту – вечности. С точки зрения веры такой ход мысли есть заблуждение, и Б. Спиноза, предостерегая от этого, сформулировал три причины подобного заблуждения. Итак, Богу приписывают длительность потому

«1) что, не обращая внимания на Бога, они пытались объяснить вечность; как будто вечность может быть понята вне созерцания божественной сущности или она представляет нечто особенное наряду с божественной сущностью;

2) что длительность приписывают вещам, лишь поскольку допускают, что вещи подвержены постоянному изменению, а не подобно нам, поскольку их сущность отличается от существования;

3) что сущность Бога, равно как и сущность сотворенных вещей, они отделяют от его существования» [8, с. 286]. Главная ошибка состоит в том, что впадающие в заблуждение «не поняли, что такое вечность, но рассматривали её как форму длительности... с трудом могли найти различие между длительностью сотворенных вещей и вечностью бога... и хотя длительность является лишь состоянием существования, они отделили существование Бога от его сущности и, как сказано, приписали Богу длительность» [8, с. 286].

В Боге совпадают сущность и существование. Что же такое вечность, с точки зрения Спинозы? Он дает ей такое определение, в котором просвечивают установки Плотина, но философский язык уже иной: «действительное бесконечное существование присуще Богу так же, как ему действительно присущ бесконечный разум. *Это бесконечное существование я называю вечностью* (курсив мой. – *Ф.И.*); они могут быть приписаны лишь Богу, но ни одной сотворенной вещи, *даже когда её длительность с обеих сторон лишена конца*» [8, с. 287]. Существование свойственно Богу, и Он не может перестать существовать, а жизнь присуща «телесным вещам, не связанным с душой, и душам, отделенным от тела... Под жизнью мы разумеем силу, посредством которой вещи сохраняются в своём бытии» [8, с. 290].

Таким образом, если Плотин называет вечность «бесконечной жизнью», то Спиноза говорит о бесконечном существовании; действительно, жизнь длится, она предполагает смерть, и, очевидно, поэтому Спиноза считает существование более адекватной категорией. Спиноза считает важнейшей проблему вездесущия Бога, т. е. Его присутствия во всякой вещи, и прямо заявляет: «Вездесущие Бога не может быть объяснено», потому что человек не в силах «прозреть внутреннюю природу божественной воли, посредством которой Он создал вещи и постоянно продолжает их творить, но, поскольку это превосходит человеческое разумение, невозможно объяснить, каким образом Бог есть повсюду» [8, с. 289]. В эпоху Просвещения деисты «сняли» данную проблему, ограничив Бога ролью Творца, который после сотворения мира оставил его на попечение свободных людей, не вторгаясь более в события истории. Бога «отодвинули» от мира, но только на некоторое время.

2. Священное Писание: проблема понимания времени как осуществления Истории

Разработка христианской концепции истории связана с творчеством одного из самых авторитетных христианских мыслителей Августина Блаженного, который выдвинул учение о трёх состояниях человечества (до закона, под законом и под благодатью). Святоотеческое богословие делит историю человечества на два больших периода – до пришествия Сына Божия и после Его пришествия. «Осью мировой истории Августин считает возникновение, развитие и окончательное разделение двух Градов – Града земного (*civitas terrena*) и Града Небесного (*civitas caelestis*); Града диавола (*civitas diaboli*) и Града Божия (*civitas Dei*); Града нечестивых и Града праведных. В конце истории произойдут следующие события: пришествие Илии, уверование иудеев во Христа, воцарение антихриста и его гонения на Церковь, всеобщее воскресение мертвых и последний Суд Божий, на котором и осуществится разделение двух Градов и их обитателей (*De civ. Dei*. XX). Этому не будет предшествовать так называемое тысячелетнее царство Христово с праведными, ибо это Царство уже наступило в Церкви Христовой после Его первого пришествия, чем опровергается всякий хилиазм» [10]. Августин полагал, что ход исторического процесса предопределен Божественным Провидением и сама история является ареной борьбы сил зла и добра, местом противостояния «града земного», грешного и языческого, и «града Божьего», т. е. Церкви. Согласно августиинской эсхатологии единственным источником социальных перемен выступает только воля Творца, который неведомым образом творит непрерывно этот мир. Ему же принадлежит роль верховного судьи. Конец времен является тайной, и она неведома человеку.

Доминирование августиинского видения истории не означало, что не было иных мнений о периодизации истории и подробностях её финала. Как правило, толкование древних пророчеств влекло за собой пересмотр и систематизацию истории человечества (истории культур), которая представлена в Священном Писании. Я не буду писать здесь подробно о примере творческой мысли И. Ньютона, который выучив древнееврейский язык, 40 лет изучал Библию, сличая переводы текста с древнееврейского на греческий, и создал свою периодизацию истории древних культур. Обратимся к более раннему примеру мышления, одному из многих, где попытка постичь тайну пророчеств оказалась невозможной без нового взгляда на время и историю. Более всего склонными к интерпретации эсхатологических символов были христиане-мистики, одним из которых был Иоахим Флорский (1132–1202; он же – Иоахим Калабрийский, а в миру – Джоаккино да Фьоре). Его можно считать родоначальником средневекового хилиазма. Он был цистерианским монахом, прорицателем, автором двух важнейших трудов – «Согласование Ветхого и Нового заветов» и «Комментарий к откровениям Иоанна Богослова». Термин «хилиазм» на греческом языке, как и его перевод на русский с латинского (миллениаризм), означает «тысячелетие». Речь идет о том, что Иоахим Флорский предрекал наступление особого исторического периода, который продлится 1000 лет, когда миром будет править Христос и восторжествует правда Божья на земле. По окончании тысячелетнего царства наступит Страшный суд, который положит конец истории. По мнению христианского мистика вся история человечества предстаёт в своём тринитарном величии как процесс со-

вершенствования человеческого духа и проходит следующие стадии: *От Авраама до Иоанна Крестителя (период Отца); от Воплощения Сына Божия до 1260 г. (период Сына); с 1260 г. (период Духа).*

Каждый из периодов развивается, проходя три стадии: зарождение, расцвет и упадок. Каждому времени соответствует особое сословие, или тип людей, наиболее точно отражающий его состояние. Всякая последующая эпоха зарождается в предыдущей, что обеспечивает преемственность истории и символизирует единство Святой Троицы: 2-я эпоха зарождается внутри первой, третья – внутри первой и второй, что Иоахим Флорский выразил графически в изображении, которое называют «Тринитарные круги». «Схема призвана показать совместимость учения о трех эпохах с традиционным церковным учением о двух Заветах: граница между ними проходит посередине круга Сына, Который соединяет в себе оба Завета, присутствуя в Ветхом Завете как ожидаемый Мессия, и в Новом Завете как явившийся» [9]. Мыслитель полагал, что вместо трех времен, о которых говорили церковные писатели (до закона, подзаконном и под благодатью), можно выделить пять времен, разделив последнее время на два и добавив особое небесное «время» грядущей жизни, хотя его нельзя уже воспринимать как «время». Почему в периодизации фигурирует число 1260? Иоахим Флорский подсчитал поколения людей, живших между рубежами эпох, что позволило назвать примерную дату конца эпохи Сына и начала «плодоношения» эпохи Духа. Кроме того, философа не покидало чувство близости Страшного суда. Дата смерти мыслителя – 1202 г., а цифру 1260 он обнаружил также в Откровении Иоанна Богослова (11:3; 12:6), где речь идет о 1260 днях как периоде борьбы и искушений, после которого восторжествуют сострадание, любовь и духовная свобода. Церковь Петра, притязающая на власть, сменится церковью Иоанна, которая откажется от мирской власти, а управление окажется в руках святых аскетов. Таким образом, нравственное и духовное преображение человечества состоится в рамках ещё этой истории. «Период Сына» есть время католической церкви, т. е. церкви Петра. «Период Духа» – время правления Христа. Проходя через три этапа истории, человечество все сильнее будет ощущать связь с Богом и подготовится к Страшному суду. Однако эсхатологические воззрения Иоахима Флорского, изложенные им в «Толковании на Апокалипсис», существенно отличаются от ортодоксальной эсхатологии. Дело в том, что «каждая из трех эпох подразделяется на семь периодов, охватывающих 9 (3+3+3; символика Троицы) поколений. Эти семь периодов Иоахим Флорский соотносил с “разграничивающими” их 7 печатями, о которых повествуется в Откровении Иоанна Богослова. Опираясь на теорию согласования, И. Флорский находил 7 периодов в Ветхом завете и Новом завете, переход между которыми (“снятие печати”) он связывал с обострением борьбы между истинно верующими в Бога (иудеями в Ветхом Завете, христианами в Новом завете) и их различными противниками» [9]. Таким образом, снятие печатей происходит в истории, а своё время Иоахим Флорский воспринимал как время снятия шестой печати Апокалипсиса. Конец мира не был для него отдаленным и отвлеченным понятием, а особой реальностью, с которой предстояло вот-вот столкнуться. Таким образом, его эсхатологию можно понять только через его видение Истории, которое было изложено в «Книге согласования Ветхого и Нового Заветов».

Третья эпоха Святого Духа отождествляется с тысячелетним царством праведников, когда произойдет возрождение Церкви. В этот период язычники и иудеи обратятся к Христу, Западная Церковь соединится с Восточной, а все христиане будут наслаждаться покоем и созерцанием. Тех, кто так и не уверовал, соберет на последнюю битву последний антихрист, а победа над ним совершится в конце третьей эпохи.

Католическая церковь категорически отвергла точку зрения Иоахима Флорского и осудила её как ересь. Однако его пример мышления не был забыт. Францисканские монахи подхватили его учение о «святой нищете», а в Германии в период Реформации идеи мистика были восприняты Мюнцером. Почему они оказались актуальными спустя столько лет? В эпоху Реформации была осуществлена попытка снять или ослабить идею противопоставления потустороннего и посюстороннего миров посредством открытия возможности земного Царства Божия и интерпретации конца света как реального устранения социального зла. Идея была очень привлекательной и исполненной исторического оптимизма. Но этот «практический хилиазм» был осужден впоследствии самим классическим протестантизмом. В результате вновь произошел возврат к классическому августирианскому видению истории, которое утверждает промысел Божий в пространстве истории и Его незыблемую власть над всем сотворенным. Таким образом, мы видим, что исторический процесс становится время от времени объектом интерпретаций. С появлением протестантизма, который предполагает возможность личностного толкования Священного Писания, возникают различные толкования темы Конца истории, как пессимистические, так и оптимистические. Например, у адвентистов, пятидесятников и свидетелей Иеговы эсхатологические ожидания носят пессимистический характер, поскольку только Второе пришествие Христа способно положить конец злу в мире. Баптисты более оптимистичны, потому что воспринимают мир как данность, посланную Богом; они уповают на социальную активность людей. Например, Х. Кокс, известный американский теолог-баптист, призывает совершенствовать мир, руководствуясь принципом милосердия и справедливости. Он мыслит историю как смену трех периодов: период племени, городской общины и мирского града. Мирской град – это последний период истории, примыкающий в её финалу, но никакого повода к пессимизму Кокс не видит. Он призывает активно осваивать мир и слушать Бога, который откроет человечеству новый язык для того, чтобы говорить о Нем и воспринимать христианские истины. Отмечу, что хилиазм имеет место в перечисленных ветвях протестантизма, но православная, католическая и древневосточные церкви, т. е. те, которые сохранили Апостольское преемство, отрицают хилиазм как ересь.

Возникает вопрос: какие фрагменты Священного Писания привлекали особое внимание тех, кто пытался постичь проблему вечности и времени в историческом контексте? Обратимся к тексту и попробуем сформулировать проблемы, которые возникают в связи с постижением смысла этих фрагментов. Проблема времени в христианской теологии связана с осмыслением творческой активности Бога и динамики исторического процесса. Важный вопрос состоит в том, когда же начался временной отсчет существования сотворенного мира и человеческой истории и совпадают ли по времени первое и второе. «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1). О каком *начале* идет речь? Об

абсолютном начале, после которого всякая продолжительность времени принадлежит к порядку сотворенных вещей? Или предполагается, что от «начала» до 4-го дня было какое-то первичное время? Читаем: «Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в *то время* (курсив мой. – Ф.И.), когда Господь создал небо и землю, и всякий полевой кустарник...» (Быт. 2.4–5). Творение мира инициировано Богом и им же реализуется. Однако есть ещё и астрономическое время, и оно создается позже, в четвертый день, а человек в шестой. Таким образом, есть некоторое «начало» (какое-то первичное время длительностью в 4 дня), а затем появляется астрономическое время как момент обустройства мира и только потом человек. Однако возможно и другое рассуждение: творческий акт Бога обозначает абсолютное начало нашего, нам присущего времени, поскольку человек вписан в мир природы и поставлен над ней. Как бы то ни было, замысел Бога разворачивается во времени: творение инициируется ради человека, а затем Бог ведет его к таинственной цели через историю. *Итак, если время – мера земной длительности, то есть и некая космическая (природная) длительность, которая была уже до появления человека, а затем появляется историческая длительность как область человеческой судьбы.* Космическое время представляется человеку циклически, а историческое – линейно. История не подчиняется кругообороту, и измеряли его по-разному: по «поколениям», «по царствованиям», по «эрам». При этом все события в истории истолковываются как Его деяния в земном мире.

Итак, человек живет во времени, а Бог в вечности. Термин «олам» (век, вечность, мир) указывает на *длительность*, превосходящую человеческую меру. В Библии эта непостижимая на опыте длительность противопоставляется характеру космического времени и выражается метафорически, исходя из человеческой мерки: «Пред очами Твоими тысячи лет, как день вчерашний, когда он прошел, и как стража в ночи» (Пс. 89.5); вечность противопоставляется и времени человеческого существования: «Дни мои – как уклоняющаяся тень... Ты же, Господи, *вовек пребываешь*» (Пс. 101.12). Заметим важный момент: между «длиться» и «пребывать» большая разница и поэтому вечность нельзя путать с длительностью, ибо длиться нечто может только во времени. Вечность длиться не может. Бог трансцендентен миру, однако неведомым образом действует в истории, т. е. каким-то образом время связано с вечностью.

Согласно Ветхому Завету история человека начинается с пребывания в Эдеме, но грех ввергает его в историю, т. е. речь идет о счастливом существовании человека и драматическом историческом существовании, которое, как говорят великие пророки, устремлено волей Бога к своему концу. Пророк Даниил предрекал великое сражение, которое произойдет *перед концом времен*. Речь идет о сражении между нечистым царем с двумя другими: «Под конец же времен сразится с ним царь южный, и царь северный устремится как буря на него» (Дан. 11.40). После сражения настанут дни скорби и воскреснут мертвые, а далее Даниил повествует о последнем своем видении. Он пытается узнать, что же будет дальше, но ему дают такой ответ: «...иди, Даниил; ибо сокрыты и запечатаны слова сии до *последнего времени*» (Дан. 12.5).

Таким образом, ожидается конец времен и последнее время, что может трактоваться не как единичное событие, а как продолжительный период, что, собственно, и происходит, когда богословы обращаются к Новому Завету. Дело в том, что именно Новый Завет вводит некую сложность в конец истории. С

пришествием Христа решающее событие времени уже свершилось, но не принесло всех плодов. Соответственно, последние времена мыслятся уже как начатые после Воскресения, и такое видение последних времен не предусмотрено пророками и Апокалипсисом. В притче о посеве (Евангелие от Марка) читаем: «И сказал: Царствие Божие подобно тому, как если человек бросает семя в землю; и спит, и встаёт ночью и днем; и, как семя восходит и растёт, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (Мк. 4. 26–29). Как правило, данный фрагмент трактуется следующим образом: Царство Божие обнаруживается в истории и произрастает постепенно из неё, т. е. предполагается некий отрезок времени для созревания всех плодов, прежде чем наступит «День Ягве». «День Ягве» – первое ясное эсхатологическое понятие (Ам. 5.18; Ис 2.12), которое несет в себе некую угрозу, нависающую над грешным миром.

Итак, в Новом Завете обозначено время (между Воскресением и вторым пришествием), когда Христос воссядет одесную Бога и когда он вернётся во славе, чтобы реализовать пророчества. Между этими событиями протекает время, качественно отличающееся как от «времени неведения», в которое были погружены язычники, так и от времени воспитания, в котором до этого жил народ Израиля: «А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере. Итак, закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою» (Гал. 3. 23–24). Период истории от Воскресения Христа до Его Возвращения называют *временем церкви или временем Духа*. Это – Божье «сегодня», переход от нынешнего мира к грядущему, «время благоприятное, день спасения, ставшее отныне доступным для всех» (2 Кор. 6. 1). Однако ветхозаветному взору конец представляется иначе: замысел Божий придет к своему завершению в одновременном установлении Богом на земле и суда, и спасения; с точки зрения Нового Завета центральное событие – спасение – включено в историческое Время, а время церкви принадлежит к «последним временам» и при этом устремлено к финалу – таинственному времени, «Дню Господнему». К этому дню устремлена вся история человечества, и только Иисус один в состоянии раскрыть «книгу за семью печатами, в которой записаны судьбы мира» (Откр. 5). Таким образом, божественные пророчества обязательно исполнятся: «Я задолго объявлял... и внезапно делал – и все сбывалось» (Ис. 48.3; см.: Зах. 1.6; Иез. 12. 21–28). Всякое пророчество исполнится «в своё время» (Лк. 1.20), но чтобы это произошло, необходимо, чтобы «времена исполнились» (Иер. 25.12), т. е. нужна «полнота времен» (Галл. 4.4). Конец времен – это «кончина века» (Мф. 24.3), исполнение веков, возвещенное Ветхим и Новым Заветом. «Нынешний век» поглотит катастрофа, и раздастся глас Седьмого Ангела «Свершилось», когда он изольёт седьмую чашу. Век Церкви завершится, дойдет до финального преображения, когда появятся «новые небеса и новая земля (Откр. 21.1) ...Солнца и Луны для обозначения Времени не будет, как это было в ветхом мире» (Откр. 21.23), так как люди *вступят в вечность Бога*. Поскольку исполнение времен – тайна, Церковь всегда жила с чувством близости этого Дня. После Суда последует век правды и счастья, и новые времена должны увенчать финал истории человечества. Пророки проводят резкое различие между «веком нынешним» и «веком грядущим»: «Ибо вот, Я творю новое небо и землю, и

прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце» (Ис. 65.17). Таковы основные вехи христианской истории, которая завершается во времени, являясь для человека ступенью в вечность.

Проблема времени связана не только с темой творческой активности Бога, но и с темой исторического творчества самого человека. Она выходит на первый план с середины XIX в. и продолжает оставаться таковой до сих пор. Христианские теологи на западе осознают особую важность данной темы, а эсхатологические перспективы в свете драматических событий истории прошлого столетия подвергаются новому переосмыслению. В рамках протестантской теологии возникают разные восприятия конца истории: иеговисты пребывают в мистическом ожидании «дня Иеговы», а для теологии надежды это ожидание требует активных социальных преобразований, открытости, диалога. Замечу, что существуют различные подходы к интерпретации Апокалипсиса и его возможных причин, связанных, в частности, с человеческой деятельностью: с вопросами экологии и с плодами научно-технического прогресса. Подобный поворот мысли вполне объясним: меняется жизнь, а значит, появляются новые толкования древних пророчеств и современные интерпретации исторических перспектив, которые исполнены либо пессимистическими ожиданиями, либо внушают исторический оптимизм и надежду. Характер столь разных концепций конца истории во многом зависит от того, как тот или иной мыслитель трактует соотношение времени и вечности. Однако это – тема отдельного исследования.

Список литературы

1. Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.: Renaissance, 1991. 485 с.
2. Аристотель. Физика // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 3. 613 с.
3. Бозций Северин. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1996. 336 с.
4. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб.: Глагол, 1994. 371 с.
5. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
6. Плотин. Сочинения. СПб.: Алетейя, 1995. 672 с.
7. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. Т.1. Античность. 336 с.
8. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // Избр. произведения: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т.1. 631 с.
9. Смирнов Д.В. Иоахим Флорский // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс] URL:<http://www.pravenc.ru/text/578138.html>
10. Фокин А.Р. Августин // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс] URL:См.: <http://www.pravenc.ru/text/62610.html>

TIME AND HISTORY IN ESCHATOLOGICAL PERSPECTIVE

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

The main task of the first part of the article is to analyze the most significant interpretations of eternity and time relations that were created by the prominent Christian thinkers of the past who offered their views in the debate with Antique philosophy approach to this issue. The Orthodox vision of history with its eschatological perspective appeared as the result of this problem discussions. The basic idea of this article may be summarized in the following way: in different periods of the Christianity evolution the understanding of time and history relations was influenced by the most debatable issues coming to the fore-front of theological discussions (the nature of Christ, Trinity, man's liberty etc.) that produced new interpretations in the light of tradition rereading under the pressure of the coming present events. Today, the problem of man's existence in history and his eschatological final became prolifically debatable in contemporary Western theology on the platform of variable approaches.

Keywords: *time, history, Christian theology, philosophy of history.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD, Assoc. Professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: star63@yandex.ru

УДК 101.9

РИТОРИКА И ТРОПОЛОГИЯ В ФИЛОСОФИИ Х. УАЙТА¹

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Х. Уайт рассматривает проблемы повествования в истории, связи языка с исторической репрезентацией. Философ отмечает лингвистическую обусловленность исторических репрезентаций, представляя историю как вербальную повествовательную структуру, выступающую как сконструированная модель прошлой реальности. Выявлено, что риторический подход к нарративу Х. Уайта заключается в демонстрации структурирующей роли тропов как в историческом нарративе, так и в историческом дискурсе.

Ключевые слова: историческое повествование, репрезентация, риторика, тропология, дискурс.

В рамках аналитической философии существует различные трактовки исторического повествования. Одним из возможных способов истолкования нарратива является риторический подход, представленный Хайденом Уайтом. Уайт вернул значимость риторики и стиля произведения, рассматривая сочинения в духе Квинтилиана или Аристотеля, и как софист Горгий, относясь к серьезному с остроумием, а к комическому с серьезностью [5].

А. Мегилл определяет подход Уайта как риторико-диалектический [8]. Риторическая диалектика, как она представлена у Уайта, не претендует на достижение некой абсолютной истины. Диалектика позволяет ориентироваться на поиск согласованности, а использование риторики подразумевает, что возможность достичь абсолютной истины является незначительной [9, р. 208]. Х. Келлнер, продолжая аргументацию А. Мегилла о диалектическом характере, отмечает, что позднее риторическая диалектика становится типом интеллектуального объяснения Уайта [7]. М.А. Кукарцева также характеризует подход Уайта к исследованию исторических объектов как риторико-спекулятивный, сочетающий выявление и интерпретацию природы исторического объекта [2].

Риторика истории, с точки зрения Мегилла, следующей за Уайтом, связана с тропами, аргументами и другими языковыми приемами и лингвистическими протоколами, используемыми для того, что конституировать повествование и производить впечатление на публику. Кроме того, риторика включает в себя ее один аспект – искусство убеждения [9, р. 221].

Риторический подход Уайта во многом инспирирован его преподавателем в университете Уэйна – У. Боссенбруком. По словам А. Данто, данные «курсы по медиевистике и Ренессансу были невероятно захватывающими... Невозможно описать его семинары, но каждый ощущал, что нет ничего не заслуживающего внимания, и что Боссенбрук рассматривает все окружающее как каким-то образом связанное с чем-то еще» [1, с. 236–237]. У Боссенбрука

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начало XXI века». № 17-33-00047.

были все отличительные черты мастера-ритора, и его способы аргументации и убеждения оказались привлекательными для Уайта [9, р. 198].

Хотя Уайт иногда называет себя структуралистом, его отправной точкой является не теория Ф. де Соссюра, а риторика Дж. Вико: «в течении некоторого времени я занимался изучением мысли Вико, и воспринял его мысль о том, что логика всей поэтической свободы содержится в взаимоотношении, которое язык сам по себе излагает в четырех принципиальных типах фигуративной репрезентации: Метафоре, Метонимии, Синекдохе, Иронии. Моя собственная догадка, которую я считаю подтвержденной в размышлениях Гегеля о сущности ненаучного дискурса, состоит в том, что любая область изучения, например история, пока еще не “дисциплинированная” относительно формальной терминологической системы... это тип фигуративного дискурса, который предписывает фундаментальные формы исследуемым данным» [14, р. 94–95]. Уайт отмечает, что тропы функционируют не только как фигуры речи, но как фигуры мысли, выступая в качестве идентичных или аналогичных когнитивным формам сознания. Таким образом, поверхностная структура (фигура речи) становится глубинной структурой (фигурой мысли), оставаясь в тоже время на поверхности [7, р. 11]. Образность создается посредством вариаций между тем, что является «нормально» ожидаемым и устанавливаемыми между концептами ассоциациями, которые соотносятся или не соотносятся друг с другом способами, различающимися от предусмотренных каким-либо тропом. Ирония, Метонимия и Синекдоха – это типы Метафоры, отличающиеся друг от друга по типу редукций или интеграций, которые они обуславливают на буквальном уровне своего значения и по типу прояснений, для которых они предназначены на фигуративном уровне. Метафора репрезентативна, Метонимия редукционистична, Синекдоха интегративна, Ирония негативна [4, с. 52]. Р. Доран выявляет параллели между утверждением И. Канта (интуиция и концепты конструируют основания знания) и высказыванием Уайта о том, что тропы выстраивают дискурсивно всю сформированную мысль. Тропы создают чувство исторической реальности, выступая как прообразы в семантическом поле, в котором они неизбежно реализуются. Данная функция тропов аналогична критике чистого разума так как она «набрасывает» условия возможности исторического письма (тропологические по сути), для того, чтобы оценить единство исторического знания [5].

Историческое повествование обладает всеми классическими риторическими элементами и методами, такими как создание аргументов, организация дискурса и формирование истинных утверждений. По мнению Уайта, историю можно сравнить с *illusio* Аристотеля, она связана с вещами условными и непрозрачными, и поэтому может быть только продемонстрирована, но не доказана. Рассмотренная с этой точки зрения, история в силу недоступности прошлого не имеет ни окончательного объекта исследования, ни универсальных методов исследования. Как отмечает К. Дженкинс, исторический дискурс Уайта относится к сфере риторики и непосредственным образом связан со способностью аргументирования. Цели истории также риторические – она нацелена на то, чтобы «исследовать действительные и очевидные средства убеждения» [6].

Уайта часто обвиняли в стирании границ между художественными произведениями и историческим нарративом. С точки зрения философа, история не является и никогда не будет являться наукой, а репрезентации историков являются «литературными» (поэтическими и риторическими), т. е. отличными от

научного дискурса [4, с. 32]. В своем уподоблении истории литературе Уайт, как представляется, следует традициям историографии XVII–XVIII вв., признавая художественный характер истории и рассматривая ее как отрасль риторики. По мнению Уайта, представленные исключительно как лингвистические способы выражения истории и романы не отличаются друг от друга. Цель автора романа и исторического сочинения одна – сообщить вербальный образ действительности [14, р. 122]. Историческое повествование, как и художественная литература, предстает перед читателями как правдоподобная репрезентация мира посредством скрытого обращения к сюжетным структурам или архетипическим типам историй, которые предопределены модальностями определенной культуры. Кроме того Уайт также следует за линией мысли, которую предлагает Ф. Джеймисон, отмечая, что фундаментальной для риторики является зависимость от правдоподобия. Если какая-либо аудитория признает истинность заявляемого или убеждена в нем, цель является достигнутой.

Отличия между историей и художественной литературой следует рассматривать в терминах различия между исследованием, направленным на создание истины, и исследованием, созданным для того, чтобы обеспечить доступ к реальному. Историческое исследование не обусловлено проблемой реальности прошлого, так как она является данностью и тем самым обеспечивает возможность исторического исследования [12, р. 148].

Уайт, следуя за структурой исторического нарратива Л. Минка, представленной началом, серединой и окончанием, конкретизирует ее с позиции риторического подхода. Начало и окончание нарратива, по его мнению, являются неизбежно поэтическими конструкциями, зависящими от модальности фигуративного языка. При этом не имеет значения, рассматривается ли мир как реальный или воображаемый, способы его конституирования будут аналогичными [14, р. 98]. Исторический нарратив не изображает вещи, а скорее напоминает образы вещей, о которых идет речь, также как и метафора.

Уайт соглашается с Фраем относительно того, что история является вербальной моделью последовательности событий, внешней по отношению к разуму историка. Исторические структуры и процессы отличаются от своих оригиналов, так как человек не может увидеть прошлую реальность, чтобы понять, адекватно ли историк ее репрезентировал. Во-первых, Х. Уайт рассматривает историю как конструкт, созданный на Западе, в то время как другие культуры соотносили свое прошлое способами, отличающимися от данной модели исторического пути [13]. Во-вторых, философ говорит о сконструированном характере модели исторического процесса [4, с. 317–318]. Р. Дж. Коллингвуд однажды заметил, что вы никогда не сможете объяснить трагедию тому, кто не был знаком с ситуациями, которые считается «трагическим» в западной культуре. Если у человека нет представления об общих атрибутах трагических, комических, романтических или иронических ситуаций, он не сможет распознать их как таковые, когда встретиться с ними в тексте. Рассмотренные как потенциальные элементы истории, исторические события являются ценностно-нейтральными. И их конституирование в нарративе полностью зависит от решения историка выстроить их в соответствии с модальностями одной сюжетной структуры, нежели другой. Использование при этом риторических средств никоим образом не умаляет статуса исторических описаний [14, р. 85]. Один и тот же набор событий может выступать в качестве компонента как комической, так

и трагической истории, это зависит от ситуации и выбора историка наиболее подходящей сюжетной формы. Основной целью историка представляется стремление убедить читателя в том, что его репрезентация истории является более верной, нежели остальные. Поэтому историографические споры реализуются не только на уровне факта, но и на уровне лингвистических средств, используемых при создании нарратива. Несмотря на постулируемую свободу выбора, историк, по сути, ограничен культурно одобряемыми сюжетными типами, функционирующим внутри западной традиции.

Репрезентация исторических фактов в нарративной форме является необходимым условием понимания. Уайт рассматривает понимание как процесс представления незнакомого или «жуткого» в фрейдистском смысле этого термина как знакомого, перемещение данного объекта в область опыта, которая является понятной и не угрожающей. Процесс понимания, в этой связи, предстает как тропологический по своей сути, поскольку средством переноса непонятного являются тропы [14, р. 5]. Исходная чуждость описываемых событий исчезает, они становятся элементами известного типа повествования, поскольку соответствуют определенной сюжетной структуре.

Одним из наиболее полных анализов исторической риторики является «Метаистория», в которой Уайт стремится концептуализировать поэтику исторического сочинения, одновременно применяя формалистическую методологию. Исторический нарратив имеет свои истоки в *röesis* – мечтах, фантазиях, иллюзиях, желаниях, ожиданиях, идеологических подтекстах историка [8]. Поэтика, указывающая на художественный аспект исторического сочинения, рассматривается как постоянный способ языкового использования, посредством которого объект исследования трансформируется в субъект дискурса. По словам Уайта, литературность истории, представленная поэтикой и риторикой исторического текста, теорией историографического стиля есть парадигма, которая функционирует как метаисторический элемент во всех исторических работах [3, с. 509].

Уайт согласен с П. де Манном, который рассматривает риторику как теорию тропов и как один из способов наделения фактов значением. Значения создаются посредством репрезентаций в языке, которое стоит рассматривать как соединения слов, выражающееся в образах, фигурах и знаках, а не как содержащееся в вещах и словах [10].

Для представления того, «что действительно случилось в прошлом», историк сначала должен префигурировать как возможный объект знания весь набор событий, запечатленный в документах. Префигуративный акт – это акт поэтический, поскольку он докогнитивен, не критичен и является конститутивным элементом структуры, отображаемой в словесной модели, предлагаемой историком как репрезентация и объяснение того, «что действительно случилось» в прошлом. В подобном поэтическом акте историк создаёт собственный объект анализа и предопределяет модальность используемой концептуальной стратегии [4, с. 51].

При анализе исторических интерпретаций как вербальных структур, Х. Уайт предлагает использовать тропологию, рассматриваемую как теория преобразования (*figuration*) и дискурсивного построения сюжета, с помощью которых историки придают событиям статус факта и наделяют их смыслом [там же, с. 7]. Тропология представляет собой теоретическое объяснение вымышленного дискурса и способов, посредством которых различные тропы создают образы и связи между ними посредством воображения.

Рассматривая метаисторический уровень как неотъемлемую структуру, Уайт предлагает различение трех типов стратегий, которые могут применяться историками для получения различного рода «эффекта объяснения»: объяснение посредством формального доказательства, объяснение посредством построения сюжета и объяснение посредством идеологического подтекста. Под объяснением посредством построения сюжета Уайт понимает придание «смысла» истории на основе установления сюжетного типа. Философ, следуя за Фраем, выделяет четыре способа построения сюжета: Роман, Трагедия, Комедия и Сатира. Используя анализ С. Пеппера, Уайт выделяет четыре парадигмы формы, которые может принимать историческое объяснение, рассматриваемое как дискурсивное доказательство: Формистскую, Органицистскую, Механистичную и Контекстуалистскую. Идеология в историческом описании отражает этический элемент в позиции историка относительно природы исторического знания и выводов. Следуя анализу К. Манхейма в «Идеологии и утопии», Уайт предлагает следующие идеологические позиции: Анархизм, Консерватизм, Радикализм и Либерализм [4, с. 27–42].

Итогом размышлений Уайта о сущности риторики стала книга «Тропики дискурса». Во всех эссе исследуется проблема отношений между дескрипцией, анализом и этикой в науке. По сути, Уайт предлагает новое понимание риторики, вводя понятие тропики [2]. Слово «тропик» происходит от тропикос, тропоса, который обозначал путь или койне в классической греческой риторике. Троп входит в современные индоевропейские языки посредством *oî-tropus*, обозначающего в классическом латинском метафору, фигуру речи. В поздней латыни данный термин применялся по отношению к музыкальной теории и обозначал «настроение» или «размер». Все эти значения соединились в английском слове троп. Тропик – это процесс, посредством которого весь дискурс конституирует объекты, которые он стремится реалистично описать и объективно проанализировать.

Дискурс – это жанр, в котором реализуется один из возможных риторических способов отображения реальности, однако при этом признается возможность выражения вещей противоположным образом [14, р. 2–3]. Тропологическая префигурация дискурса позволяет создать собственный объект анализа и предопределить модальность используемой концептуальной стратегии [4, с. 51]. Анализ фигуративного уровня исторического дискурса позволяет концептуализировать возможные типы исторической репрезентации.

Риторический анализ исторического дискурса признает, что каждая история содержит не только определенное количество информации и интерпретации того, что эта информацию обозначает, но также более или менее открытое сообщение относительно отношения, которое читатель должен принимать до сообщаемых данных и формальной интерпретации. И эти фигуративные элементы играют большую роль как компоненты сообщения исторического дискурса именно в той степени, в которой дискурс сам по себе управляется посредством обычного языка [11]. При этом историчность объекта устанавливается посредством его описания в соответствии с правилами доказательств, превалирующих в сообществе историков в определенном времени и пространстве. По сути, Уайт интегрирует структуру темпоральности в риторические свойства формы исторического нарратива.

Философ, следуя за К. Берком, утверждает, что четыре основополагающих тропа имеют дело с взаимоотношениями между сознанием и миром опыта, требующим его репрезентации в нарративной форме [14, р. 72].

Уайт отмечает, что, во-первых, развитие исторического мышления и философии истории может быть рассмотрено как сменяющиеся модальности концептуализации в рамках традиции дискурса, эволюционировавшей от Метафорического толкования исторического мира, через Метонимическое и Синекдохическое толкования к Ироническому постижению неустранимого релятивизма всего знания [4, с. 57]. Во-вторых, тропологическая фигурация, осуществляемая посредством четырех тропов, свойственна и самим историческим нарративам. В течение XIX в. четыре основополагающих теоретика историографии (Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Дройзен, Ф. Ницше и Б. Кроче) рассматривали интерпретацию как суть историографии и каждый из них стремился разработать классификацию интерпретационных типов. Гегель, например, выделял четыре типа интерпретации внутри класса рефлексивной историографии: универсальный, прагматический, критический и концептуальный. Дройзен также различал четыре возможные интерпретационные стратегии исторического письма: причинные, условные, психологические и этические. Ницше в сочинении «О пользе и вреде истории для жизни» выделял четыре подхода к исторической репрезентации: монументальный, антикварный, критический и «сверхисторический». Кроче также выделял четыре философские позиции: романтизм, идеализм, позитивизм и критицизм [14, р. 52–53].

Вездесущность картины тропологической префигурации, использованной как ключ к пониманию западного дискурса о сознании, неизбежно поднимает вопрос о ее статусе как психологического явления. Уайт, не претендуя на то, чтобы тропологическая префигурация выступала в качестве закона дискурса, тем не менее характеризует ее как постоянно повторяющуюся модель современных дискурсов о человеческом сознании в целом. Одним из примеров является исследование Ж. Пиаже. Четыре стадии в когнитивном развитии: сенсомоторная, репрезентативная (дооперациональная), операциональная (конкретных операций), логическая (формальных операций) представляются Уайту сопоставимыми с четырьмя тропами: ранняя естественная «метафорическая» фаза, проявляемая в детском типе взаимоотношений с миром, постепенно сменяется ироничным отношением к миру и альтернативными способами классификации феноменов «рациональным» взрослым [14, р. 7]. Подобная тропология в описании процессов человеческой психики также свойственна и З. Фрейду, что особенно проявляется в разработке четырех стадий при исследовании взаимосвязей между явным и скрытым уровнем сна: превращение мыслей в зрительные образы, сгущение, смещение, вторичная обработка.

Тот факт, что эти аналогичные тропологические структуры появляются в творчестве мыслителей, различающихся как в предметных областях, так и в истолковании проблемы репрезентации и анализа, с точки зрения Уайта, является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать теорию тропологии как полезную модель не только дискурса, но и сознания в целом [14, р. 19]. И в этом также проявляется влияние Вико, поскольку одной из основ его мысли являлся принцип, что человеческий разум может познавать только то, из чего он сам сделан.

Итак, Уайт создает новую философию истории на основе постренессансной риторической теории – теории тропов или фигур. Риторику Уайт рас-

смаатривает скорее как теорию о том, как действует язык, нежели теорию о том, что есть язык. Используя методы риторики, историки стремятся убедить читателя, что их восприятие истории более правильное, более объективное, чем иные версии и таким образом, формируют определенное отношение читателей к прошлому и настоящему. По сути, подобные риторические особенности языка используются для того, чтобы транслировать реальность способом, отличающимся от позитивизма, одним из требований которого является прозрачность языка относительно фактов.

Тропологическое прочтение, ассоциируемое Уайтом с риторикой, позволяет выявить доминирующий троп в дискурсе, в нарративе какого-либо писателя, а затем продемонстрировать, каким образом лингвистические средства формируют структуру мысли. Следует отметить противоречивость взглядов Уайта. Определенный детерминизм системы тропов, как представляется, некоторым образом противоположен человеческой свободе, поскольку выбор способов фигурации ограничен архетипами и модальностями. По мнению философа, именно риторическая теория метафорического преобразования выступает моделью для теории воплощения человеческого сознания в истории и позволяет соединить историю и риторику в неразрывной связи. Уайт, следуя за Вико, настаивал, что тропы являются не только фигурами речи, но и фигурами мысли, аналогичными когнитивным формам сознания. В этой связи процесс понимания осуществляется благодаря использованию основных форм фигурации, выделенных в риторической теории – метафоре, метонимии, синекдохе, иронии. И именно эти четыре тропа являются замкнутым кругом, определяющим сознание и конституирующим исторический дискурс.

Список литературы

1. Доманска Э. Артур Данто // *Философия истории после постмодернизма* / под ред. Э. Доманска. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 236–266.
2. Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX века [Электронный ресурс]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva_white.htm (дата обращения: 02.02.2016)
3. Трубина Е.Г. «Метаистория» и историки // Уайт Х. *Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 505–518.
4. Уайт Х. *Метаистория (Историческое воображение в Европе XIX века)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 528 с.
5. Doran R. Editor's introduction: choosing the past: Hayden White and the philosophy of history [Электронный ресурс] // *Philosophy of History After Hayden White* / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013.
6. Jenkins K. «Nobody Does It Better»: Radical History and Hayden White *Philosophy of History After Hayden White* / edited by R. Doran. L.; N.-Y.: Bloomsbury. 2013.
7. Kellner H. A bedrock of order: Hayden White's linguistic humanism // *History and Theory*. 1980. Vol. 19. № 4. P. 1–29.

8. Megill A. The rhetorical dialectic of Hayden White [Электронный ресурс] // Re-Figuring Hayden White (Cultural Memory in the Present) / edited by F. Ankersmit, E. Domanska, H. Kellner. Stanford: Stanford University press. 2009.
9. Megill, A. The rhetoric of history [Электронный ресурс]. URL: http://www.deirdremccloskey.com/docs/pdf/Article_96.pdf (accessed 03.03.2016)
10. Muchowski J. I am not interested in truth. I am interested in reality. A conversation with Hayden White [Электронный ресурс]. URL: http://historyka.edu.pl/fileadmin/user_upload/news/Historyka_41/13_.pdf (accessed: 03.03.2016)
11. White H. Historicism, history and figurative imagination [Electronic resource]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/eng/white_historicism.htm (accessed: 03.03.2016)
12. White H. Introduction: Historical fiction, fictional history and historical reality [Электронный ресурс]. URL: <http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic59-1072.files/White%20on%20Historiofoty.pdf>. (accessed: 01.02.2016)
13. White H. The historical event [Электронный ресурс]. URL: <http://differences.dukejournals.org/content/19/2/9.full.pdf> (accessed: 01.02.2016)
14. White H. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. 283 p.

RHETORIC AND TOPOLOGY IN H. WHITE'S PHILOSOPHY

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

H. White examines the problems of narrative in history and relationship between language and historical representation. He emphasizes the linguistic conditionality of historical representations portraying history as a verbal narrative structure thus performing a function of a constructed model of past reality. It is demonstrated that H. White's rhetorical approach to narrative aims at indicating the structuring role of tropes in both historical narrative and historical discourse.

Keywords: *historical narrative, representation, rhetoric, topology, discourse.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – ассистент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – Assistant Prof. of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

УДК 175

НОРБЕРТ ВИНЕР: У ИСТОКОВ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭТИКИ

С.В. Минаев

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», г. Орёл

Статья посвящена объединению этики и информационных технологий. Анализируются воззрения Норберта Винера в становлении компьютерной этики.

Ключевые слова: *компьютерная этика, информационные технологии, вычислительная машина, кибернетика.*

Возникновение компьютерной этики тесно связано с именем известного американского учёного Н. Винера, который размышлял о широком применении электронно-вычислительных машин в обществе, исходя из принципов компьютерной этики.

Н. Винер чётко осознавал потребность в машинах, способных программировать различные действия, опирающиеся на кодекс этики, понимая, что деятельность человека отличается от деятельности искусственного интеллекта. Он считал, что мировое сообщество в будущем будет нести ответственность за последствия деятельности искусственного интеллекта, потому что его способность к саморазвитию невольно будет искажать заложенные человеком этические правила жизни социума.

Н. Винер предполагал, что воздействия технологии в коммуникационной и информативной среде будут иметь как положительное, так и отрицательное влияние на жизненные ценности человека: его семью, благополучие, здоровье, работу, любовь, счастье и защищённость [1]. В настоящее время эти выводы Н. Винера стали неоспоримыми, а его идеи компьютерной этики, сформулированные ещё в прошлом веке (XX в.) уже приносят пользу человечеству.

Можно считать, что методология и принципы компьютерной этики определены в его произведении «Человеческое использование человеческих существ: Кибернетика и общество» (опубликованном в 1950 г.) [2]. Начала компьютерной этики формируются на основе «кибернетического» взгляда на живую природу, где выявляются преимущества человеческого, заложенные в самой его физиологии.

Несмотря на то, что сам Винер не применял термин «компьютерная этика», он выработал методологию, которая в настоящее время остаётся базой для изучения и анализа проблем компьютерной этики. Данный метод помогает приспособиться к новым морально-этическим убеждениям, к суммарности определённых норм, характеризующих поведение индивидуума в конкретном обществе.

Научные воззрения Н. Винера стали определённо главным витком в развитии компьютерной этики как самостоятельной науки.

Многие исследователи XX – начала XXI в. опирались на идеи Н. Винера: Террел Уорд Бинум, Джеймс Мур, Дебора Джонсон [3].

На протяжении полувека после публикации работ Винера, заложивших базу компьютерной этики, его стратегию исследования воздействия информационных технологий на ценности человека использовали различные учёные. В частности, известный североамериканский мыслитель Дебора Джонсон изучила воздействие информационных технологий на демократию в своей статье «Является ли глобальная информационная инфраструктура демократической технологией?» [3].

В 1991 г. главная научная конференция в США по проблемам вычислительной техники и ценностям человека исследовала влияние информационных технологий на фундаментальные ценности человека и их защиты. В главном отчёте конференции было отмечено, что часто формирование новых технологий – в отсутствие учёта их влияния на ценности человека. И, несмотря на то, что философы регулярно дискутируют о смысле таких определений, как «здоровье», «приватность», «справедливость», «безопасность», все без исключения в обществе достаточно на хорошем уровне осознают значение и роль данных ценностей [4]. По этой причине для того, чтобы производить оценку воздействия на них со стороны компьютерных технологий и продвигать эти конкретные ценности, нет смысла ждать абсолютного единства и единодушия в их интерпретации.

Идеи Н. Винера нашли дальнейшее развитие в трудах американского философа Террела Уорда Бинума [1]. Согласно его суждению, основными компонентами методологического подхода считались:

1. Направленность моральных представлений и социальных общепризнанных норм, которая формирует общие цели жизни человека. Социум и имеющиеся в нём определённые установки, принципы и убеждения, на которые ориентируются в повседневности, обязаны гарантировать людям все возможности для дальнейшего развития. Винер считал, что общая цель существования человека заключается в абсолютной реализации его возможностей в различных видах деятельности.

2. Принятие в нравственности верховенства основ справедливости и наименьшего нарушения свободы. Социум обязан придерживаться условий справедливости, где демонстрируются убеждения и опыт в практической сфере для отдельно взятого человека. Общество не вправе определять бесполезные ограничения свободы индивида.

3. Глубина понимания моральных концепций и норм. Их значение должно быть предельно понятным и выражено максимально конкретно.

4. Соблюдение нравственных обычаев и случаев, разрешение моральных трудностей. Новаторские этические убеждения обязаны обладать способностью адаптироваться к уже имеющимся совокупностям норм, законов и практик. Должны приниматься во внимание уже сложившиеся моральные устои и известные случаи разрешения этических проблем.

В любом социуме формируются конкретно закреплённые документы: своды, принципы, законы и поведение человека на практике. Данный непростой и достаточно обильный набор пересекающихся документов создаёт, исходя из точки зрения Винера, политический кластер, способный принести результат. Именно такой кластер политики обязан стать отправной точкой создания решений любых задач компьютерной этики. В случае если определённый инцидент или же проблема, требующая морального рассмотрения, не сов-

падает со сводом правил и документов, проявляется «вакуум политики» (данное понятие ввёл американский учёный Джеймс Мур [5]). Здесь возникает потребность для внесения коррективов в прежние документы и правила, для того чтобы они были актуальны в новых ситуациях. Винер брал за определённый ориентир всеобщую цель жизни человека и основные принципы справедливости.

Террел Уорд Бинум определил [6] пять принципов этического анализа по Винеру:

1) выявление ситуации моральной проблемы, имеющей прямое отношение к интеграции коммуникативных и информационных технологий в социум;

2) объяснение неправильно проявленных норм или законов, применённых к исследуемому случаю;

3) использование по ситуации существующих документов (норм, правил, законов), фактов и классических трактовок таким образом, чтобы новый случай мог присоединиться к действующему «кластеру политики»;

4) изменение старых документов или создание новых, на основе «величайших принципов справедливости»;

5) ответ на вопрос компьютерной этики или разрешение отдельно взятой моральной проблемы на основе новаторских обоснований или улучшенных документов.

Итак, Т. У. Бинум утверждает, что все, кто работают в области коммуникативных и информационных технологий, должны опираться на принципы компьютерной этики Винера [6].

Исходя из тенденции постоянного развития общества, в труде «Кибернетика и общество» Н. Винер даёт ответ на вопрос о том, «каковы наши действия и какова реакция на новый мир, глобальные изменения в нём». Он рекомендовал ряд способов выявления социальных и моральных проблем будущего столетия (XXI в.). Террелл Уорд Бинум, анализируя данную работу, выделяет три стратегии, применяемые Н. Винером с целью изучения объектов компьютерной этики [1]:

- изучение воздействия информативных процессов на фундаментальные ценности человека с целью развития и защиты данных ценностей;

- распознавание этических проблем, вызванных информационной технологией, и пути их разрешения;

- активный отбор методов использования информационной технологии с целью улучшения общества и мира в целом.

Действительно, в книге «Кибернетика и общество» (первая стратегия) уделялось огромное внимание защите ценностей человека от негативных результатов использования информационных технологий, а также положительных явлений в развивающейся науке и технике. В своих исследованиях он пришёл к заключению, что опасность, связанная с применением компьютеров, находится на высоком уровне рисков (компьютерные игры, использующие военную тематику).

Второй стратегией, применимой Н. Винером с целью исследования компьютерной этики, было распознавание тех этических проблем, которые создала или, возможно, создаст в перспективе информационная технология, а также предложение определённых путей решения этих проблем [1]. Нагляд-

ным примером использования второй стратегии является анализ этических последствий возникновения компьютеризированных компаний. В 1959 г. учёный предсказал, что наш мир, вероятно, вскоре заметит формирование «автоматического предприятия», с работающей, как «разум», «сверхбыстрой машиной» с целью управления процессами производства и контроля качества создаваемого продукта. Винер считал, что компьютер будет подсоединён к «искусственным органам чувств», таким, как термометры и измерительное оборудование, которые позволяют ему наблюдать за условиями и ходом производства в компании, а кроме того, возникнут «исполнители» в металлическом облики. Именно они станут оказывать «воздействие на окружающий мир».

Для Н. Винера был понятен тот факт, что, поскольку машина не осуществляет выбора в пользу канцелярского или физического труда, «допустимые области, в которые новая промышленная революция способна пробраться, являются весьма обширными...» [2, с. 163]. Он первоначально осознал, что «новая промышленная революция станет обоюдоострым орудием». Она может применяться как во благо всему человечеству при условии грамотного использования новых возможностей, так и для уничтожения человечества, если пользоваться новыми технологиями без нужных на это знаний, навыков и умений [2, с. 167].

Третья стратегия компьютерной этики, по Винеру, состояла в активном применении информационной технологии с целью формирования лучшего общества [1]. В своих трудах учёный уделял особое значение этическим вопросам использования механико-биологических систем, давал различные консультации и принимал участие в большом количестве проектов по исследованию протезов и иных приспособлений, которые могли бы стать полноценной функционирующей заменой конечности для повреждённых органов человека. Рассматривая использование механико-биологических систем, он затрагивал достаточно значимые моральные и мировоззренческие проблемы. В книге «Творец и робот: обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией» он, в частности, писал: «Отдайте же человеку – человеческое, а компьютеру – компьютерное. В этом и должна, по-видимому, заключаться разумная линия поведения при организации совместных действий людей и компьютеров... В наше время мы остро нуждаемся в объективном изучении систем, включающих и биологические, и механические элементы... Таким образом, становится возможной новая техника протезирования, основанная на создании смешанных систем, состоящих из биологических и механических частей» [7, с. 82].

Винер заметил, что механико-биологические системы находят обширное использование, а в отдельных случаях просто незаменимы, однако, к сожалению, они могут совершить не только большое количество блага, но и немало зла. Данная обеспокоенность по поводу систем типа «машина–человек», которую учёные проявлял в 1950 гг. и начале 1960 гг., свойственна и дискуссиям нынешних философов по поводу так называемых «киборгов» (кибернетических организмов) [1].

Несмотря на то, что Н. Винеру не удалось увидеть самые ранние ступени развития глобальной сети Интернет (он умер в 1964 г.), из его трудов становится понятно, что он предвидел возникновение множества этических проблем и мировоззренческих вопросов, связанных с глобальными сетями [1].

Уже в середине 1950 гг Винер допустил, что коммуникационные процессы, по сути, сформировали всемирную информационную сеть: «Изобретение телефонного аппарата, телеграфа и иных аналогичных средств связи демонстрирует, что данная способность внутренне не ограничена непосредственным наличием индивида, поскольку у нас существует много средств с целью перенесения данного инструмента сообщения на самый край света» [2, с. 99].

Кроме того, он отмечал, что вероятность получать сигналы по таким сетям даёт возможность общаться людям на расстоянии и, в популярном значении, «быть везде» «...вплоть до этого места, до которого доходят слово человека и его умение восприятия, расширяется как его управление, так и физическое существование. Наблюдать за целым миром и давать указы ему – это практически то же самое, что быть везде. Впрочем, в настоящее время независимо от расстояния передача сигналов даёт возможность расширять человеческие эмоции, возможности и действия с одной точки мира в другую» [2, с. 106]. В качестве самого простого примера Винер описывал случай с архитектором, который, не выезжая из Европы, управлял строительством здания в США удалённо, высылая и получая по факсу проекты, фотографии и указания.

Таким образом, Н. Винер полагал, что в «век автоматизации» вероятно возникновение коммуникационной сети, обеспечивающей взаимодействие человечества и машин, сети, что воплотит в реальность глобальные коммуникации. Ученый, не являясь свидетелем возникновения глобальной сети Интернет, выдвигал следующие предположения: «С возникновением самолёта и радио слово правителей доходит до самых уголков планеты, и весьма многочисленных из тех факторов, что раньше мешали формированию «мирового государства», сейчас исключены. В том числе можно говорить и о том, что инновационные средства связи, принуждающие нас корректировать международные требования различных радиовещательных систем и разных авиационных линий, делает «мировое государство» неминуемым [2, с. 99].

Н. Винера по праву считают великим учёным, который напрямую содействовал созданию «информационного века». Его причислили к редким учёным, способным видеть общественную и этическую значимость своих личных достижений и открытий других учёных.

Новаторское изучение Н. Винером этических последствий применяемых технологий, соединённых с вычислительной машиной, сделало его основоположником современной прикладной этики, названной компьютерной этикой. Согласно его суждениям задача компьютерной этики состоит в том, чтобы содействовать позитивным результатам использования коммуникационных и информационных технологий, предупреждать или уменьшать негативные последствия, способные нанести вред как одному конкретно взятому человеку, так и всему обществу. Философский базис, заложенный Н. Винером в сфере компьютерной этики, и по сей день является значимым ресурсом теоретической и практической деятельности учёных.

Список литературы

1. Bynum T.W. Norbert Wiener's Vision: The Impact of «the Automatic Age» on Our Moral Lives in R. J. Cavalier, ed., The Impact of the In-

- ternet on Our Moral Lives, State University of New York Press: Albany. 2005. P. 11–25.
2. Винер Н. Кибернетика и общество / пер. Е. Г. Панфилова; общ. ред. и предисл. Э.Я. Кольмана. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 200 с.
 3. Johnson D.G. Is the Global Information Infrastructure a Democratic Technology? // Computers and Society. 1997. Vol. 27, № 3. P. 20–26.
 4. Bynum T.W. Computer Ethics in the Computer Science Curriculum // Bynum, T.W., Maner, W., Fodor J. eds., Teaching Computer Ethics, Research Center on Computing and Society, Southern Connecticut State University, New Haven, 1993. [Электронный ресурс]. URL: http://www.southernct.edu/organizations/rccs/resources/teaching/teaching_mono/bynum/bynum_human_values.html.
 5. Moor J.H. What Is Computer Ethics? // Metaphilosophy. 1985. Vol.16, № 4. P. 266–275.
 6. Bynum T.W. Norbert Wiener's Foundation of Computer Ethics. The Research Center on Computing & Society at Southern Connecticut State University, [Электронный ресурс]. URL: http://www.southernct.edu/organizations/rccs/resources/research/introduction/introduction/bynum_wiener.html.
 7. Винер Н. Творец и робот: Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией / пер. с англ. М.Н. Аронэ, Р.А. Фесенко. М.: Прогресс, 1966. 103 с.

NORBERT WIENER: AT THE ORIGINS OF COMPUTER ETHICS

S.V. Minaev

Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel

The article is focused on the integration of ethics and information technology. Within its format, the views of Norbert Wiener on the development of computer ethics are studied.

Keywords: *computer ethics, information technology, computers, cybernetics.*

Об авторе:

МИНАЕВ Сергей Викторович – аспирант кафедры логики, философии и методологии науки ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орёл. E-mail: gam-gam16@mail.ru

Author information:

MINAEV Sergey Viktorovich – PhD student of the Dept. of logic, philosophy, and methodology of science, Orel state University named after I.S. Turgenev, Orel. E-mail: gam-gam16@mail.ru

Рецензии

УДК 165.4

ФИЛОСОФИЯ И АРХИТЕКТОНИКА ПОНИМАНИЯ

Рецензия на книгу:

В.В. Ильин. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания. – М.: Проспект, 2017. – 183 с.¹

Б.Л. Губман, К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Рецензия анализирует трактовку феномена понимания, которая предложена на базе междисциплинарного изучения различных его граней в книге В.В. Ильина.

Ключевые слова: феномен понимания, язык, интерсубъективность, коммуникация, интерпретация.

Феномен понимания – одна из центральных тем постклассической эпистемологической рефлексии, обращающейся к его рассмотрению как изначально укорененного в «жизненном мире» человека, предстающего в его экзистенциально-личностной ипостаси, явленного в коммуникативном взаимодействии с другими людьми. Понимание как изначальная характеристика человеческого познавательного отношения к миру входит в орбиту философского внимания теоретиков философии жизни, феноменологии, герменевтики, различных версий лингвистической философии и других направлений современной мысли. Не обойдена эта проблематика и интересом лингвистов, семиотиков, историков, психологов, социологов, юристов и представителей иных социальных и гуманитарных дисциплин. Имея междисциплинарное звучание, проблематика понимания одновременно предполагает со всей очевидностью необходимость многогранного философского осмысления в логико-эпистемологической, аксиологической, культурфилософской и экзистенциально-антропологической областях. Путь её рассмотрения ведет к единению собственно философской рефлексии с интерпретацией многообразия контекстов проявления понимания в науке и мире повседневности. При всем многообразии литературы, существующей в нашей стране и за её пределами по проблеме понимания, многие её грани остаются мало изученными, открытыми для дальнейшего обсуждения в свете постоянно изменяющегося массива научного знания и горизонта социокультурного развития человеческого сообщества. Наблюдается и определенный дефицит новых философско-теоретических подходов к этому сюжету, на восполнение которого притязает недавно опубликованная книга В.В. Ильина, предлагающего собственное истолкование феномена понимания преимущественно в эпистемологическом ракурсе.

¹ Рецензия выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века». № 17-33-00047.

Прежде всего автор рецензируемого труда в обширном введении попытался пояснить свой подход к проблеме понимания как сопряженной с порождением новых смыслов в контексте языка. Он резонно замечает, что понимание, первоначально расшифровываемое в поле таких языковых характеристик, как «постижение», «прояснение», «уяснение», и иных поисков мыслительной ясности, сопряжено в первую очередь с процессом придания смысла и наделения значением. Как полагает автор, поиск эпистемологической специфики понимания ведет к постижению его как феномена, рождающегося на грани рационально-объяснительных процедур и интуиции. Структурно понимание в этой перспективе связано с отнесением «мыслеосваиваемого» к знакам, предполагаемым таковыми предметностям, целям, ценностно-нормативным представлениям. Таким образом, трактуемое понимание способно к преодолению раздробленности и целостному видению предмета (с. 4). Подобный ракурс трактовки понимания, имеющий своим истоком кантовскую мысль и расшифровывающийся в перспективе в различных вариантах герменевтической философии, закономерно предполагает союз рассудка и разума, на долю которого выпадает финальный поиск предельных реалий человеческого мира, ускользающих от эмпирической фиксации. Однако им не исчерпывается процесс понимающего смыслопорождения, ибо оно немислимо без коммуникации, обслуживающей intersubъективное взаимодействие. Появление этого среза понимания, предлагаемого автором, сопряжено с основополагающей установкой постклассической эпистемологии на акцентирование субъект-субъектного компонента познания.

Понимание как итог intersubъективного взаимодействия, по В.В. Ильину, может найти реализацию в многообразии символических форм. Одновременно в intersubъективном контексте отнюдь не стираются индивидуальные моменты понимания. Автор справедливо констатирует, что понимание опирается не только на базисное, предпосылочное фоновое знание (гипотезы существования, онтологические допущения, каркасы реальности), культурно-исторические конвенции о типах описания сущего, своеобразный «золотой фонд» познания как коллективно доступный свод достоверного эмпирического и теоретического знания, но и на личностный фон, который диктует персональные диспозиции по отношению к реалиям, доступным в поле сознания (с. 8). Можно согласиться с тем, что понимание никогда не может быть редуцировано к строго очерченному алгоритмическому набору рациональных процедур, и, в силу этого обстоятельства, обращено и к интуитивному компоненту творческого смыслопорождения.

Базовые установки, принимаемые автором монографии, находят последовательное развитие в контексте работы. Её композиция предполагает приглашение читателя к ознакомлению с авторской трактовкой феномена понимания, а затем и к постижению специфики предполагаемого ею видения процесса смыслопорождения и герменевтической процедуры. Прежде всего, автор говорит о необходимости рассмотрения феномена понимания как итога интегрального взаимодействия чувственно-эмоционального, эмпатического, интуитивно-непосредственного и рассудочно-разумного постижения мира. «Дисквалифицируя состав эстемы в качестве “субъективизма” и “иррационализма”, традиционная гносеология решительно высказывается в пользу нозмы: адекватным сценарием человеческого понимания объявляется лишь теория

рассчитываемого человеческого действия» (с. 21), – замечает В.В. Ильин, решительно не соглашаясь с такого рода противопоставлением. В избираемой им перспективе оба варианта понимания оказываются союзниками, дополняющими друг друга в процессе формирования intersubъективных связей, которые мыслимы лишь в коммуникативном формате. Сам по себе такой подход требует, разумеется, детального рассмотрения типов коммуникационных связей, обслуживаемых различными символическими формами, обладающими специфическими экзистенциальными основаниями.

Коммуникативная природа понимания предполагает его трактовку сквозь призму знаково-смысловой формы осуществления. Обращаясь к этому тематическому полю, автор книги фокусирует внимание читателя на специфике знаковой реальности, номинативной природе знака, сложности его взаимосвязи со смыслом и предметностью значения. При этом сильной стороной исследования является попытка рассмотрения знака на базе представлений логики, лингвистики и семиотики как обслуживающего многообразие коммуникационных связей, вплетенного в контекст дискурсивного общения и одновременно сопряженного с формой его текстового существования. В ходе рассмотрения основы подхода к этому тематическому полю верно констатируется сложность изучения функционирования знака в естественных языках с присущей им многогранностью выражения оттенков мысли в зависимости от модальных, психологических, прагматических и интенциональных факторов. Это отличает их от формализованных языков, в которых корреляция имен и объектов сигнификации регламентирована конвенциями интерпретационной процедуры.

Знаковая реальность конституируется через многоуровневые отношения между знаками, формы их сочетания. Знак как чувственно наглядный заместитель обозначаемого предмета адресует субъекта к классам онтологических реалий, множеству понятийных выражений и контекстов его употребления, влияющих на процесс смыслопорождения. Номинируя определенные предметности, подчеркивает автор, знак выступает как референт, который в отнесенности к семантическому полю демонстрирует свою способность развертывания смысла, а как коррелят в своем выявлении предметного поля развертывает значение. Проникновение в знаковую реальность видится ему важнейшей критико-аналитической задачей снятия барьеров и aberrаций межчеловеческого общения на базе кооперации лингвистики, семиотики, логики и эпистемологии. Это позволяет выявить в процессе смыслопорождения его лингвистическую составляющую и одновременно отнесенность к жизненному и ценностному мирам. Субъект конструирует смысловую картину, сопрягая часть и целое в пространстве языка и связи номинируемых реалий. Рассуждая о взаимосвязи знака, смысла и значения, В.В. Ильин нетривиально рассматривает её в ракурсе работы с реалиями обыденного и художественного языка. В частности, заслуживают внимания его выводы о конституировании значения не только через референцию к образному воспроизведению определенной предметности, но и через собственно языковые механизмы, его видение роли в этом процессе риторических фигур, жанров литературного произведения и композиционных особенностей оформления художественного текста. Анализируя различные варианты трактовки единства знака, смысла и значения, он содержательно критически интерпретирует концепции Г. Фреге и Р. Карнапа,

хотя, конечно, при этом сразу же напрашивается и обращение к воззрениям на сей сюжет позднего Л. Витгенштейна. Именно его позиция истолкования значения слова как его употребления в языке, по сути ведущая к отождествлению смысла и значения в ракурсе прагматики, существенно повлияла не только на позитивно оцениваемые в книге выводы Д. Остина, но и на последующие фундаментальные обобщения У. Куайна и Д. Дэвидсона. Автор тоже не склонен, судя по контексту работы, отрицать наличие значения у таких неверифицируемых реалий, как «кентавр» или «единорог», наряду с представленными в эмпирически постижимом мире предметами и живыми существами (с. 81).

Понимание трактуется в рецензируемой монографии как опознаваемое «пространство смыслозначимости». Оно вырисовывается как своеобразное «набрасывание» некоторой понятийно-категориальной сети на текст, являющий собой упорядоченное множество языковых и неязыковых единиц, лингвистических, логических и предметно-смысловых отношений, его «сканирование» на этой основе (с. 46). В процессе понимания текста его смысл раскрывается в интегральном единстве, порождаемом этими слоями. Понимание явление, таким образом, как некоторая языковая данность. Дополняя размышления А.Ф. Потемби о том, что мысль может представлять в виде образа или понятия, В.В. Ильин говорит о её существовании еще и в виде чувственного понятия как сенситивно данной концептуально нагруженной словоформы. В процессе понимания языковая и внеязыковая данности взаимно дополняют друг друга: мир значений, полагаемых в процессе номинации, являет собою когнитивные конструкции, проецирующие предметности на базе многообразия внутрилингвистических, коммуникативных и познавательных компонентов. Смысловая данность, на постижение которой устремлен субъект понимания, сосредоточена в концепте и также вырисовывается как продукт пересечения языковых, коммуникативных и экстралингвистических составляющих. Понимание смысла текстовой реальности всесторонне анализируется автором в аспектах её имманентного морфологического, грамматического, синтаксического, лексического, семантического, прагматического, риторического, жанрово-композиционного конструирования, а вслед за тем и в ракурсе логико-эпистемологическом. Подобный синтетический подход позволяет автору, следуя гумбольдтианской перспективе, увидеть в самой ткани внутритекстового «движения слова» приращение понятийно-смыслового содержания. Феномен прироста смысла заставляет, разумеется, задуматься и о способах синхронной и диахронной организации текстовой реальности в синхронно-логической и диахронно-нарративной перспективах. К сожалению, этот аспект поиска типологии смыслопорождения, хотя и затрагивается в рецензируемом труде, но не находит детального освещения. Зато автор достаточно интересно показывает, что смыслопорождение как центральный предмет понимания немислимо без выхода в нетекстовую реальность.

Именно экстратекстовая среда оказывается, по мысли автора, тем пределом, к которому неустанно стремится деятельность по текстосозиданию. Последняя может рассматриваться не только как относящаяся к полю конкретных реалий, номинированных в тексте, но и как адресующая читателя к референтному полю множества возможных миров, каждый из которых может составить базу понимающего постижения того или иного текста. «Процедура установления смысла – не семиотическая; смысловые истинностные характе-

ристики языковых выражений конституируются обращением к нелингвистическим значениям, аккумулирующим «сверхфазовую», «затекстовую» информацию о мире» (с. 70). Каждый из этих миров обладает своим «смысловым», «жизненным» и «ценностным» строем. Речь идёт об исторически существующей ценностной многомирности, которая не совпадает, по мысли автора, с неокантианской аксиологией абсолютных ценностей. Производство смыслов в процессе понимания в конечном счете сопряжено с «необсолютностью» существования их носителей, их временной ситуированности и конечности. Текст предполагает поиск кода его прочтения, но, как показал У. Эко, опиравшийся в своих построениях во многом на идею неограниченного семиозиса Ч.С. Пирса, живет в принципиально открытом пространстве интерпретаций, сопряженных с многообразием миров и ситуаций его прочтения. Любой текст связан с контекстом, выступающим как его «ситуативный спутник» (с. 145). В этом смысле, хотя автор рецензируемого труда весьма иронично настроен по отношению к постмодернистскому теоретизированию, сам ход его рассуждений логически ведет к рассмотрению сюжета интертекстуальности, лишь эскизно намечаемому им и заслуживающему более полной проработки при рассмотрении феномена понимания.

Книга завершается рассмотрением вопроса о специфике герменевтической процедуры, трактуемой как особый тип искусства, обусловленный потребностью установления смыслов, фиксации значений неоднозначных идей, выражений, знаков и символов. В этой ситуации, как резонно подчеркивает автор, интерпретация выступает необходимым средством движения к пониманию интересующих нас феноменов, расширению его горизонта. Он полагает, что в этом случае интерпретация предстает как тип перевода неопределенного языка на другой, определенный и прозрачный для нашей мысли. В качестве логического инструмента таковой выступают конкретизация, уточнение соответствия имен определенным предметностям, описаниям, а также прояснение смыслового содержания предикатов, приписываемых объектам. В содержательном плане описания явлений культуры интерпретация должна нормативно следовать аутентичности воспроизведения значения и смысла понятий в их историческом употреблении, избегая в идеале презентистской модернизации минувшего. На деле же, как справедливо подмечает автор, эти нормативы остаются всего лишь идеальными ориентирами интерпретатора, вовлеченного в социокультурные ситуации, смысловые потоки, транслируемые традицией и её носителями. Отсюда и заключение автора о том, что «нерв понимания» составляет «устремленность не на очевидное, а на смылосущее» (с. 166). Автор постоянно напоминает читателю, что смысл диктует «способы обозначения вещей именами». Так, без сомнения, происходит и в обыденном познании, и в области всего многообразия спектра научного знания при всех различиях спектра его дисциплин. Процессы понимания и интерпретации присутствуют в различных вариантах, например, как в деятельности физика-теоретика, так и в творчестве историка, создающего нарративное видение реконструируемого им объекта. Онтология человеческого бытия вторгается в идеальные каноны мысли интерпретатора. Отсюда и общеполитическая значимость рассмотрения процедур смыслопорождения через соотнесение с традицией, конституирующими её «предрассудками» и «предсуждениями», круговую структуру познания, «логику вопроса и ответа» и т.д. М. Хайдеггером, Х.-Г. Гадамером,

Р. Бубнером, Д. Ваттимо, Э. Бетти, П. Рикёром и другими крупнейшими теоретиками герменевтики. Эта проблематика сегодня под влиянием континентальной европейской мысли активно заимствуется теоретиками англо-американской философии, обращающимися к рассмотрению наррации как особого типа постижения и фиксации опыта существования человека в истории. В этом ракурсе проблематике взаимосвязи понимания и интерпретации, поднимаемой в рецензируемой монографии, вполне релевантны философские размышления Р. Рорти, Л. Минка, А. Данто, У. Дрэя и других авторов.

Понимание, обретаемое субъектом, вырисовывается как коррелятивное его культурно-историческому миру и, в силу этого обстоятельства, наделенное особым специфическим ценностно-смысловым измерением. «Идеал, ценность – понятия преобразующие и преобразжающие. Они преобразуют–преображают нас, а через нас – окружающую действительность... Через идеалы-ценности мы изменяем себя, через себя – мир» (с. 183). Под влиянием событий, вершащихся в настоящем, происходит осмысление и переосмысление интересующих субъекта текстовых реалий, которые в сплаве с ценностно-смысловым горизонтом, принимаемым субъектом, трансформируют его мир.

Монография В.В. Ильина раскрывает многие новые значимые грани проблемы понимания, отличаясь самостоятельностью подхода к её постановке и рассмотрению. Способность автора тонко сопрягать логико-эпистемологический подход к пониманию с рассмотрением многообразных языковых механизмов его реализации придает рецензируемому труду оригинальное звучание. Высокая техника его лингво-философского теоретизирования позволяет читателю актуализировать для себя те моменты понимания, которые проявляются при освоении наполненных смыслом реалий культурных миров. Автор вплотную подходит к экзистенциальному срезу понимания, рождаемому феноменом «заброшенности» человека в мир как источником герменевтического философствования. Монография представляет несомненный интерес для специалистов в области философии, теории культуры, семиотики, филологии, истории, искусствоведения, а также для широкого круга читателей, пытающихся освоить современные вопросы герменевтики и сложную технику их анализа в контексте междисциплинарного диалога.

PHILOSOPHY AND ARCHITECTURE OF UNDERSTANDING
A Review. V.V. Ilyn. Theory of Knowledge. Hermeneutical Methodology.
Architecture of Understanding. – M.: Prospect, 2017. – 183 p.

B.L. Gubman, C.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

A review is aimed at discussing the understanding phenomenon on the basis of the interdisciplinary study of its different facets offered by V.V. Ilyn within the his book's format.

Keywords: *understanding phenomenon, language, inter-subjectivity, communication, interpretation.*

Об авторах:

ГУБМАН Борис Львович – доктор философских наук, профессор, за-

ведущий кафедрой философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет. E-mail: gubman@mail.ru

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет. E-mail: carina-oops@mail.ru

Authors information:

GUBMAN Boris Lvovich – PhD, professor, Chair of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: gubman@mail.ru

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: carina-oops@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ТвГУ. СЕРИЯ ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно.

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат».

В редакционный совет журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия Философия» необходимо представить:

• файлы на информационном носителе (CD, DVD или др., по электронной почте):

- рукопись статьи;
- сведения об авторе(ах);
- скан рекомендации кафедры;
- скан заполненного лицензионного договора.
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
- рукопись статьи;
- сведения об авторе(ах);
- рекомендация кафедры (научного подразделения) с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
- заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учёбы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус – напр. «аспирант»).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).
6. SPIN-код – персональный идентификационный код автора в SCIENCE INDEX (РИНЦ).
7. Профиль автора в ORCID.

Автор может факультативно указать о себе иные дополнительные сведения. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям научной публикации:

1. представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны;
2. материалы должны соответствовать профилю журнала;
3. название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать её содержанию;
4. во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу;

5. выбранные методы должны быть адекватны поставленным задачам;
6. результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким;
7. за ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор(ры) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.
8. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:
 - текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла со статьёй даётся по фамилии первого автора (например, Petrov_text.doc, Petrov_text.rtf);
 - язык публикаций – русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке.
 - формат бумаги А4;
 - параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее 2.5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
 - к публикации принимаются статьи объёмом до 0,5 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объёмом до 0,5 п. л.; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах, некрологи) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).
2. **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) даётся на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).
3. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
4. Название основного места работы (учёбы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).
5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).
6. *Ключевые слова на русском языке* (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.
8. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).

9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов). библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы – нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать, желательно, чтобы их количество не превышало 25% общего числа ссылок.
10. **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ** (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).
11. **Инициалы, фамилия автора(-ов)** на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
12. Название учреждения(-ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).
13. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).
14. *Ключевые слова (Keywords) на английском языке* (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
15. Сведения об авторах на русском языке (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).
16. Сведения об авторах на английском языке (ФАМИЛИЯ Имя Отчество – ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы, адреса и почтового индекса, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.

График выпуска журнала

Номер журнала	Прием статей редакцией	Дата выпуска
	до:	журнала:
1	январь	31 марта
2	май	30 июня
3	июнь	30 сентября
4	август	31 декабря

Журнал «Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия» в соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Минобрнауки РФ включён в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующей специальности:
09.00.00 – Философские науки.

Контактные данные редакционной коллегии

Россия, 170001, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 204

Тел.: (4822) 63-01-51, (4822) 34-78-89 (глав. ред.), (4822) 76-52-22 (отв. секр.)

e-mail: s_r08@mail.ru

главный редактор – Губман Борис Львович;

ответственный секретарь – Рассадин Сергей Валентинович

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: Философия №1, 2018

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 06.04.2018. Выход в свет 12.04.2018.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,26.

Тираж 500 экз. Заказ № 200.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д.33.

Отпечатано в редакционно-издательском управлении

Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д.12, корп. Б

Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

Цена свободная